

Богословско-исторический сборник

Выпуск № 2 (21)

Калужская духовная семинария

2021

ББК 86.372
УДК 271.2
Б 746

По благословению
Высокопреосвященнейшего Климента
митрополита Калужского и Боровского

Рекомендовано к публикации Издательским советом
Русской Православной Церкви № ИС Р21-116-0411

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
БОГОСЛОВСКО-ИСТОРИЧЕСКОГО СБОРНИКА

Главный редактор:

митрополит Калужский и Боровский Климент,
канд. богосл., д-р ист. наук, ректор Калужской духовной семинарии

Заместитель главного редактора:

епископ Тарусский Иосиф (Королёв), кандидат богословия;

Члены редакционного совета:

протоиерей Вадим Суворов, доктор богословия;

Чернобаев А. А., доктор исторических наук;

Каширина В. В., доктор филологических наук;

Петров А. С., доктор исторических наук;

Пихоя Р. Г., доктор исторических наук;

Маслов С. И., доктор педагогических наук, профессор;

Никандров Н. Д., доктор педагогических наук, профессор;

Романов В. А., доктор педагогических наук, профессор;

Исаев Е. И., доктор психологических наук, профессор;

Краснощеченко И. П., доктор психологических наук;

протоиерей Димитрий Моисеев, кандидат богословия;

иеромонах Иоанн (Король), кандидат богословия —

ответственный секретарь;

протоиерей Сергей Третьяков, кандидат богословия;

диакон Димитрий Шатов, кандидат богословия;

Волкова А. Г., кандидат филологических наук;

Бессонов В. А., кандидат исторических наук;

© Калужская духовная семинария

© Калужское епархиальное управление

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер: ПИ № ФС77-79390

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. БОГОСЛОВИЕ И БИБЛЕИСТИКА

Протоиерей Иоанн Паюл.

Богословский и канонический аспекты вопроса о второбрачии7

Иеромонах Херувим (Левин).

Учение святителя Григория Паламы об энергиях 23

Волкова А. Г.

Служба святому праведному Лаврентию Калужскому: образ святого в богослужебных текстах 31

Гаевская Н. З.

Тематизация религиозного. К вопросу о топике религиозных феноменов культуры 42

Раздел II. ФИЛОЛОГИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Зуйков А. А.

Образ святого праведного Лаврентия и Лаврентьева монастыря в русской поэзии 59

Раздел III. ИСТОРИЯ

Протоиерей Сергей Третьяков.

Калужская духовная семинария при митрополите Платоне (Левшине) 69

Абакулов В. И.

Матвей Яковлевич и Наталья Александровна Тиличевы. Штрихи к биографии 82

Бессонов В. А., Пелисова О.

Портретная галерея священнослужителей земли Калужской 101

Зуйков А. А., Кутепов О. Е.

Судопроизводство в Русской Православной Церкви 120

Корнюкова Л. А.

Калужская святыня из московского храма Спаса, что на «Убогих домах» 128

Маркина И. В.

«Исправляющий должность эконома архимандрит Арсений...»
(по документам Государственного архива Калужской области) .. 143

Метальникова Е. В.

Благотворители Свято-Лаврентьева монастыря 155

Паутова Л. П.

Захоронения дворян Карповых в некрополе Крестовского монастыря 164

Петров А. К.

Восстановление приходского синодика по архивным документам на примере храма в честь мучеников Гурия, Самона и Авива в с. Трехсвятское Калужской епархии 174

Фридгельм В. Н.

О захоронении в некрополе Калужского Свято-Лаврентьева монастыря представителей рода дворян Бахметевых, потомков П. Р. Никитина 187

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ В
БОГОСЛОВСКО-ИСТОРИЧЕСКОМ СБОРНИКЕ 198

CONTENT

THEOLOGY AND BIBLICAL STUDIES

Archpriest John Paul.

The theological and canonical aspect of the question of second marriage 7

Hieromonk Cherubim (Levin).

The teaching of St. Gregory Palamas about energies 23

Volkova A. G.

Service to St. Lawrence of Kaluga: the image of the saint in liturgical texts 31

Gaevskaya N. Z.

Thematization of the religious. To the question of the topic of religious phenomena of culture 42

PHILOLOGY AND SOURCE STUDIES

Zuikov A. A.

The image of the Holy Righteous Lawrence and the Lavrentyev Monastery in Russian poetry 59

HISTORY

Archpriest Sergiy Tretyakov.

Kaluga Theological Seminary under Metropolitan Platon (Levshin) 69

Abakulov V. I.

Matvey Yakovlevich and Natalia Aleksandrovna Tilicheyev. Touches to the biography 82

Bessonov V. A., Pelisova O.

Portrait Gallery of the clergy of the Kaluga land 101

<i>Zuikov A. A., Kutepov O. E.</i> Legal proceedings in the Russian Orthodox Church	120
<i>Kornyukova L. A.</i> Kaluga shrine from the Moscow Church of the Savior, which is on the «Poor Houses»	128
<i>Markina I. V.</i> «Archimandrite Arseny correcting the position of the housekeeper...» (according to the documents of the State Archive of the Kaluga region)	143
<i>Metalnikova E. V.</i> The benefactors of the St. Lawrence Monastery	155
<i>Pautova L. P.</i> Burials of the Karpov nobles in the necropolis of the Krestovsky monastery	164
<i>Petrov A. K.</i> Restoration of the parish synod according to archival documents on the example of the church in honor of the Martyrs Guria, Samon and Aviv in the village of Trekhsvyatskoye of the Kaluga Diocese	174
<i>Friedhelm V. N.</i> About the burial in the necropolis of the Kaluga St. Lawrence Monastery of representatives of the Bakhmetev family of nobles, descendants of P. R. Nikitin	187
REQUIREMENTS FOR THE DESIGN OF SCIENTIFIC ARTICLES IN THE THEOLOGICAL-HISTORICAL COLLECTION	198

Раздел I. БОГОСЛОВИЕ И БИБЛЕИСТИКА

УДК 348.01/.07

Протоиерей Иоанн Паюл

кандидат богословия,
доцент кафедры библейских и богословских дисциплин
Калужской духовной семинарии
e-mail: ioannprotopaul@yandex.ru

Archpriest Ioann Paul

Candidate of Theology
Kaluga Theological Seminary
associate professor for the Chair
of Biblical and Theological Studies
e-mail: ioannprotopaul@yandex.ru

БОГОСЛОВСКИЙ И КАНОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ВОПРОСА О ВТОРОБРАЧИИ

THEOLOGICAL AND CANONIC ASPECT OF THE PROBLEM OF THE SECOND MARRIAGE

Аннотация. В данной статье поднимается проблематика осмысления брака как союза, благословленного Богом и неразрушимого: «...что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мф. 19:6). Актуальность данной темы обусловлена изменением в обществе отношения к традиционным христианским ценностям, в том числе и к брачному союзу. Брак перестает считаться священным, вечным и нерушимым союзом любящих сердец, нередко он воспринимается как временное и мало к чему обязывающее сожителство. Разводы стали частым явлением. Наиболее опасным является проникновение легкомысленного отношения к браку

в христианскую среду и увеличение количества разводов, в том числе в православных семьях. Автор на основании Священного Писания и Церковных канонов исследует отношение Церкви к разводу и вступлению в повторные браки.

Abstract. The main point of the article is the problem of the meaning of marriage as a union that God blessed so it's unbreakable: «What therefore God hath joined together, let not man put asunder» (Mt. 19, 6). The actuality of this topic is connected with the fact that the attitude to traditional Christian values (to the marriage also) has changed in the society. Marriage is no longer considered as holy, eternal and unbreakable union of the beloved, more often it's considered as temporary cohabitation. Divorces have become so usual. But the most dangerous is this careless vision among Christians that leads to the increasing of divorces in the Orthodox families also. Using the Holy Scripture and Church rules the author of the article researches the Church point of view to divorce and the second marriages.

Ключевые слова: церковный брак, расторжение брака, Церковные каноны, повторные браки, епитимья.

Key words: church marriage, divorce, Church rules, remarriages, a form of penance.

Брак установлен Самим Создателем при сотворении первых людей. По словам бытописателя, Бог, создав первого человека, создал потом и жену с тем, чтобы она была ему помощницей и чтобы они, будучи двумя, составляли одну плоть (Быт. 2:18, 21–24). Брак как закон положен в самом устройстве человека: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» (Быт. 1:27). Согласно принятой на Архиерейском Юбилейном Соборе Русской Православной Церкви 2000 года «Основам Социальной концепции Русской Православной Церкви»: «Различие между полами есть особый дар Творца созданным Им людям... Будучи в равной степени носителями образа Божия и человеческого достоинства, мужчина и женщина созданы для целостного

единения друг с другом в любви... Особенности полов не сводятся к различиям телесного устройства. Мужчина и женщина являют собой два различных образа существования в едином человечестве. Они нуждаются в общении и взаимном восполнении» [3, с. 70].

По Закону, данному Богом еврейскому народу через пророка Моисея, брак был прямо отнесен к религиозно-нравственным обязанностям и нарушение супружеской верности строго преследовалось (Лев. 20:10). Заключение брака у ветхозаветных евреев предшествовал брачный договор при свидетелях. Бракосочетание являлось семейным обрядом, в котором участие священников и левитов не было непременным условием действительности брака [9, с. 538]. Религиозным основанием брака являлась заповедь Божия: «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею» (Быт. 1:28). При этом, однако, у первозданных людей брак не достиг своего Богом заповеданного идеала. Замысел Божий о райском браке в значительной степени искажается в грехопадении Адама и Евы с изгнанием их из рая и потерей ими бессмертия. Теперь смерть одного супруга разрывает единый организм семьи, так как смертью разрывается единство души и тела человеческой личности. Кроме того, в падшем человеке ослабевает любовь, греховные страсти оскверняют брак блудной похотью, делают его средством достижения земных целей. Вместе с грехом в жизнь супругов приходит страдание, вместе с плотской похотью и всевозможными страстями — неверность, полигамия. Утратив бессмертие, поработившись греху, человек не всегда может сохранить живую и твердую веру в загробную, вечную жизнь. Представление о единственности брака, о вечном единстве супругов заменяется на более понятный и близкий образ земного счастья, благополучной семейной, супружеской жизни, удовлетворяющей естественные потребности человеческой природы. В частности, у древних евреев допускался полигамный брак, при этом число жен ограничивалось только имущественным состоянием мужа [9, с. 537].

В Новом Завете о величайшем достоинстве брака свидетель-

ствует первое чудо Спасителя на браке в Канне Галилейской (Ин. 2:1–11), имеющее смысл благословения. Проповедь Христа Спасителя о бессмертной душе человека, о будущем воскресении с новой силой ставит принципиальный для догматического учения о браке вопрос: имеет ли брак продолжение после смерти? Поскольку человек в раю создан бессмертным, то и брак первоначально подразумевает вечное единство мужа и жены. В соответствии с этим представлением в молитве чина венчания содержится прошение: «...восприми венцы их в Царствии Твоем нескверны, и непорочны, и ненаветны соблюдая во веки веков» [8, с. 130]. Ответ Христа саддукеям: «В воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы на небесах» (Мф. 22:30), — не отвергает продолжение брака в вечной жизни, а утверждает лишь, что брак в понимании саддукеев, имеющий целью произведение потомства, после воскресения уже не будет существовать. Однако слова Спасителя «что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мф. 19:6), соединенные с установлением вечного брака в раю и с верой в бессмертие душ смертных людей, не позволяет сомневаться, что брак по замыслу Божию не прекращается смертью. Во время всеобщего Воскресения при преображении человеческой плоти он станет другим (Мф. 22:23–30).

В первые века христиане, как римские граждане, заключали брак по гражданским законам греко-римского государства. Церковь признавала полную силу за нормами римского гражданского брачного права, если они не противоречили христианским воззрениям на существование брака. Христиане перед вступлением в брак по гражданским законам сначала испрашивали благословения у своего епископа, и после молитвы на Литургии и причащения новобрачных они считались мужем и женой, что и было формой совершения таинства Брака. Святитель Игнатий Богоносец в Послании к Поликарпу Смирнскому писал: «А те, которые женятся и выходят замуж, должны вступать в союз с согласия епископа, чтобы брак был о Господе, а не по похоти» [4, с. 310]. Тертуллиан свидетельствует, что истинный

брак совершался перед лицом Церкви, освящался молитвой и скреплялся Евхаристией [9, с. 542].

Однако многие христиане в первом веке, как и в последующие времена, не могли вместить идеал христианского брака, и апостол Павел разрешает вступать в брак овдовевшим, чтобы не разжигаться страстью блуда (1 Кор. 7:8–9). Молодым вдовам святой апостол Павел рекомендует: «...чтобы молодые вдовы вступали в брак, рождали детей, управляли домом» (1 Тим. 5:14). А в послании к Коринфянам апостол Павел пишет: «Жена связана законом, доколе жив муж ее; если же муж ее умрет, свободна выйти за кого хочет, только в Господе» (1 Кор. 7:39). Толкуя эти слова апостола Павла, святитель Иоанн Златоуст пишет: «Всего лучше — ожидать умершего мужа и соблюдать условия с ним, избрать воздержание и находиться при оставшихся детях, чтобы приобрести большее благоволение от Бога. Если же кто захочет вступить во второй брак, то нужно делать это с целомудрием, — с честностью, согласно с законами, — потому что и это дозволяется, а запрещается только блуд и прелюбодеяние» [1]. Тертуллиан настаивает, чтобы вдова, которая лишилась мужа, не выходила замуж второй раз, но берегла память и верность своему почившему мужу, потому что «Бог же не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы» (Лк. 20:38). Тем более что жены язычников не выходят замуж, когда умрет их любимый муж [7]. Тертуллиан приводит в пример священнослужителей, от которых Церковью строго требовалось единобрачие: «Какой вред второй брак приносит святости, видно из устава Церкви и предписаний апостола, который позволяет избирать в епископы только мужа *единственной жены* (1 Тим. 3:2) и допускает к священнослужению только *единомужних вдов* (1 Тим. 5:9)» [7]. Пастырская икономия апостола Павла в вопросе о возможности второго брака соотносится с действовавшим тогда законом и дохристианским пониманием брака лишь в его земном, плотском измерении, что подчеркивает компромисс с существующим уровнем сознания недавних язычников, еще не успевших до конца вместить и уразуметь высоту евангельского учения. Апостол уговарива-

ет своих пасомых: «Жена связана законом, доколе жив муж ее; если же муж ее умрет, свободна выйти за кого хочет, только в Господе. Но она блаженнее, если останется так, по моему совету; а думаю, и я имею Духа Божия» (1 Кор. 7:39–40).

На основании Божественного Откровения Церковь никогда не возбраняла вдовствующим второго брака, но с разным уважением относилась к последующим бракам мирян и не с одинаковой торжественностью благословляла второй брак и третий брак по сравнению с первым, и допускала их только по снисхождению к человеческой слабости, в предохранение от греха. Так, седьмое правило Неокесарийского собора указывает, что двоеженец имеет нужду в покаянии [6, с. 30]. Святитель Василий Великий в четвертом правиле предлагает вступивших во второй брак отлучать от таинства Причащения на некоторое время (на один-два года), а троюженцев предписывает не допускать до принятия Святых Таин на пять лет [6, с. 378–379]. Как мы видим, двоебрачие допускается по икономии для мирян, но не без епитимьи. В канонических и литургических текстах второй и третий браки называются второбрачием (или двубрачием; греч. *digamia* или *deuteros gamos*) и троебрачием (*trigamia*); браки свыше третьего именуются многобрачием (*poly-gamia*) и не дозволяются безусловно согласно восьмидесятому правилу святителя Василия Великого [6, с. 449].

Но единственность и чистота брака были необходимым условием, которое всегда предъявляла Церковь для рукоположения и священнослужения (1 Тим. 3:2, 12; Тит. 1:6). Второй брак вдовым священнослужителям категорически запрещался. Семнадцатое правило святых апостолов предписывает: «Кто после святого Крещения двумя браками обязан был, или имел наложницу, тот не может быть ни епископом, ни пресвитером, ни диаконом, ни вообще состоять в списке священного чина» [5, с. 78].

Священнослужителям канонами Церкви запрещается даже присутствие на празднестве второбрачных. Так, седьмое правило Неокесарийского собора гласит: «Пресвитеру на браке двоеженца не пиршествовати. Понеже двоеженец имеет нуж-

ду в покаянии. Какой же был бы пресвитер, который чрез участие в пиршестве одобрял бы таковые браки?» [6, с. 30]. Толкуя это правило, святитель Никодим (Милаш) пишет: «В толковании первого правила Лаодикийского собора мы говорили о второбрачных и о том, что лица, вступившие во второй брак, после смерти первой жены подлежат по правилам епитимии. Таким образом, если второй брак, без соответствующей епитимии, считался воспрещенным, а епитимия налагалась по усмотрению священников в то время, когда второбрачные сами являлись для этой цели к священникам, то правило предписывает, чтобы последние не присутствовали на свадебных пиршествах второбрачных, потому что — спрашивает правило — каково было бы положение священника, наложившего на кого-либо епитимию за то, что он сам одобрил своим присутствием?» [6, с. 30] Святитель Василий Великий определяет второй брак как «лекарство от блуда» [6, с. 458].

С другой стороны, Церковь осуждает тех, кто с презрением относится к второбрачным, не признавая возможности для них спасения. В восьмом правиле первого Вселенского Собора читаем: «О именовавших некогда самих себе чистыми, но присоединяющихся к кафолической и апостольской церкви, благоугодно святому и великому собору, да, по возложении на них рук, пребывают они в клире. Прежде же всего надлежит им письменно исповедати, яко прилепятся и последовати будут определениям кафолическия и апостольския церкви, то есть, будут в общении церковном и с двоеженцами...» [5, с. 206]. Толкуя это правило, святитель Никодим (Милаш) указывает, что заблуждение наватиан состояло и в том, что «они считали тяжким и непростительным грехом второй брак, вследствие чего, женившимся после смерти первой жены во второй раз, навсегда отказывали в святом причащении, как недостойным» [5, с. 207–208].

Вопрос дозволения повторного брака с остротой поднимает проблему допустимости расторжения церковного брака. Если брак заключается навечно, то это значит, что он должен быть единственным. Евангелисты Матфей (5:32; 19:3–12), Марк

(10:5–12) и Лука (16:18) повествуют о беседе Господа Иисуса Христа с фарисеями и учениками о запрещении развода. Единственным поводом для развода Христом признается лишь прелюбодеяние. В этом случае развод становится констатацией того, что брак уже прекратил свое существование. Разрешение, данное Моисеем на развод с женой, было уступкой жестокосердию. Супружеский союз между мужчиной и женщиной неразрывен, ибо он заключен Самим Богом: «Что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мф. 19:6).

В послании к Коринфянам апостол Павел рассматривает ситуацию, которая была частой в первые века христианства: если один из супругов становился христианином, а другой оставался язычником, то в семейных отношениях могли возникнуть проблемы. Что делать в таком случае? Апостол повторяет учение Иисуса Христа о нерушимости брачного союза и говорит, что христианин не должен быть инициатором развода, так как неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим (1 Кор. 7:14). Однако если неверующий супруг хочет развестись, то в этом случае верующий супруг свободен от своих обязанностей. Следовательно, апостол Павел указывает, что развод признается законным по еще одной причине наряду с прелюбодеянием: если супруг-язычник или иноверец отказывается жить с христианкой вследствие ее религиозных убеждений, и сам настаивает на разводе.

Со временем законы византийских императоров все больше проникались христианскими нравственными началами. После того как развод на основании всего лишь обоюдного согласия супругов был запрещен в правовой практике Византии, законодательство сохранило несколько причин, дававших законное основание для расторжения брака. Прежде всего, это — прелюбодеяние, а также те случаи, которые можно было рассматривать как аналогию супружеской неверности или смерти. Например, аналогией прелюбодеяния считался случай, когда жена ночевала на стороне (не в доме своих родителей). Аналогию смерти по этим правовым воззрениям составляет без-

вестное отсутствие одного из супругов в течение 5 или 10 (для военных) лет. Законные основания для развода сформулированы в 117 новелле императора Юстиниана. Правовые нормы этой новеллы включены в «Номоканон». Византийское законодательство различает причины развода, связанные с наказанием и запрещением брака для виновной стороны (развод *sum damno*) и причины развода, не связанные с виной супругов (развод *sine damno*).

К причинам развода, связанным с наказанием и запрещением брака для виновной стороны (развод *sum damno*), 117 новелла относит:

1. покушение на царя, злой умысел против него, а также недонесение начальству об умысле на самодержца со стороны другого лица;

2. покушение одного супруга на жизнь другого, и непредупреждение одним из супругов другого об известном ему злом умысле. Такое покушение рассматривалось как неверность, худшая, чем прелюбодеяние;

3. прелюбодеяние;

4. аборт;

5. восприятие собственного ребенка от купели Крещения.

Также византийское право признавало причины развода, как было выше отмечено, не связанные с виной супругов (развод *sine damno*):

1. неспособность к супружескому сожитию, приобретенная до вступления в брак;

2. безвестное отсутствие одного из супругов в течение 5 лет, а воинов — в течение 10 лет, причем вероятность смерти супруга должна подтверждаться не неопределенными слухами, а надежными свидетельствами. Пленение воина не являлось основанием для развода с ним.

3. Брак расторгался в силу монашеского пострига одного из супругов с согласия другого.

На Руси после ее Крещения действовали в основном те же нормы относительно развода, что и в Византии, но наблюдались и некоторые их отличия от норм византийского права.

Вопрос о причинах, допускающих расторжение церковного брака, очень остро обсуждался на Поместном Соборе Русской Православной Церкви 1917–1918 гг. Собор принял документ «Определение о поводах к расторжению брачного союза, освященного Церковью». Законными поводами для ходатайства одного из супругов о расторжении церковного брака Собор признал:

1. отпадение от Православия;
2. прелюбодеяние и противоестественные пороки;
3. вступление одного из супругов в новый брак;
4. неспособность к брачному сожитию, наступившую до брака или явившуюся следствием намеренного самокалечения;
5. заболевание проказой или сифилисом;
6. безвестное отсутствие;
7. присуждение супруга или супруги к наказанию, соединенному с лишением всех прав состояния;
8. посягательство на жизнь или здоровье супруги или детей;
9. снохачество, сводничество, извлечение выгод из непотребств супруга;
10. неизлечимая тяжелая душевная болезнь;
11. злонамеренное оставление одного супруга другим.

Вопрос о причинах, допускающих расторжение церковного брака, обсуждался и при подготовке к Архиерейскому Собору документа «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви». Согласно вышеупомянутому документу, Архиерейским Собором 2000 года в перечень оснований к расторжению брака добавляются такие причины, как: заболевание СПИДом, медицински засвидетельствованный хронический алкоголизм или наркомания, совершение женой аборта при несогласии мужа. В этом же документе содержится и такое разъяснение относительно развода: «Согласие на расторжение церковного брака не может даваться ради угождения прихоти или для «подтверждения» гражданского развода. Впрочем, если распад брака является свершившимся фактом — особенно при раздельном проживании супругов, — а восстановление

семьи не признается возможным, по пастырскому снисхождению также допускается церковный развод» [3, с. 76].

Острая дискуссия проходила при обсуждении в Межсоборном Присутствии документа «О канонических аспектах церковного брака». За годы обсуждения данного документа было собрано около тысячи комментариев и отзывов в интернете и епархиях. Документ был принят на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 2017 года. Данный документ говорит о причинах, при которых брак может быть признан недействительным и о причинах, по которым церковный брак может быть признан утратившим каноническую силу. Признание церковного брака недействительным, согласно документу, может быть в двух случаях:

1. Освящение брака, совершенное по ошибке (например, при незнании о наличии препятствий) или злоумышленно (например, при наличии установленных церковным законодательством препятствий) может быть епархиальным архиереем признано недействительным. Исключение составляют венчания, совершенные при наличии таких препятствий, которые могут быть преодолены благословением архиерея, или при недостижении одним из венчанных брачного возраста при условии, что ко времени обнаружения данного обстоятельства брачный возраст был уже достигнут или если в таком браке родился ребенок.

2. Церковный брак может быть признан недействительным по заявлению одного из супругов в случае неспособности другого супруга к брачному сожителю по естественным причинам, если таковая неспособность началась до совершения брака и при этом была неизвестна другой стороне, а также если она не обуславливается преклонным возрастом. В соответствии с определением Всероссийского Церковного Собора 1917–1918 гг., обращение по этому поводу к епархиальной власти может быть принято к рассмотрению не ранее, чем через два года со времени совершения брака, причем «указанный срок не обязателен в случаях, когда неспособность супруга несомненна» [2].

В документе «О канонических аспектах церковного брака» особо подчеркивается нерасторжимость брака: «При жизни супругов их союз должен быть нерушимым по слову Спасителя: *«Что Бог сочел, того человек да не разлучает»* (Мф. 19:6)» [2]. В то же время в документе отмечаются обстоятельства, при которых церковный брак утрачивает каноническую силу. «...Основываясь на евангельском учении, Церковь признает возможность прекращения брака при жизни обоих супругов в случае прелюбодеяния одного из них (Мф. 5:32; 19:9). Признание церковного брака утратившим каноническую силу также возможно при наличии обстоятельств, которые влияют на брачный союз столь же разрушительно, как и прелюбодеяние, или которые могут быть уподоблены смерти одного из супругов» [2]. В документе перечисляются причины, на основании которых одна из сторон может обратиться к епархиальной власти с просьбой рассмотреть вопрос о признании ее церковного брака утратившим каноническую силу. Однако же в этом документе предписывается священнослужителям всячески увещевать лиц, ищущих развода, не принимать поспешных решений, но, по возможности, примириться и сохранить свой брак. Особо отмечается, что «наличие решения светских органов власти о расторжении брака не является препятствием для вынесения церковной властью самостоятельного суждения и собственного решения по долгу пастырского попечения, в соответствии с церковными канонами, а также нормами, содержащимися в настоящем документе» [2]. Согласно документу «О канонических аспектах церковного брака», Русская Православная Церковь считает допустимыми для рассмотрения вопроса о признании церковного брака утратившим каноническую силу следующие поводы:

- а) отпадение одного из супругов от Православия;
- б) прелюбодеяние одного из супругов (Мф. 19:9) и противостественные пороки;
- в) вступление одного из супругов в новый брак в соответствии с гражданским законодательством;

г) неспособность одного из супругов к брачному сожитию, явившаяся следствием намеренного самокалечения;

д) заболевание одного из супругов, которое при продолжении супружеского сожительства может нанести непоправимый вред другому супругу или детям;

е) медицински засвидетельствованные хронический алкоголизм или наркомания супруга при его отказе от лечения и исправления образа жизни;

ж) безвестное отсутствие одного из супругов, если оно продолжается не менее трех лет при наличии официального свидетельства уполномоченного государственного органа; указанный срок сокращается до двух лет после окончания военных действий для супругов лиц, пропавших без вести в связи с таковыми, и до двух лет для супругов лиц, пропавших без вести в связи с иными бедствиями и чрезвычайными происшествиями;

з) злонамеренное оставление одного супруга другим (длительностью не менее года);

и) совершение женой аборта при несогласии мужа или принуждение мужем жены к аборту;

к) надлежащим образом удостоверенное посягательство одного из супругов на жизнь или здоровье другого супруга либо детей;

л) неизлечимая тяжкая душевная болезнь одного из супругов, наступившая в течение брака, подтверждаемая медицинским свидетельством и устраняющая возможность продолжения брачной жизни.

Весьма животрепещущим вопросом на сегодняшний день остается возможность вступления в повторный брак для стороны, виновной в разрушении первого брака. Можно констатировать тот факт, что каноны однозначно запрещают вступать в новый брак стороне, виновной в разрушении предыдущего брака. Сорок восьмое правило Святых Апостол предписывает: «Аще который мирянин, изгнав свою жену, поймет иную, или иным отринутую: да будет отлучен» [5, с. 121]. А восемьдесят седьмое правило Трулльского собора гласит: «Жена, оставив-

шая мужа, аще поидет за инаго, есть прелюбодейца, по Священному и Божественному Василию, который весьма прилично из пророчества Иеремии привел сие: аще жена будет мужу иному, не возвратится к мужу своему, но осквернением осквернена будет. И паки: держай прелюбодейцу, безумен и нечестив. Аще убо усмотрено будет, яко оставила мужа без вины, то он достоин снисхождения, а она епитимии. Снисхождение же будет ему оказано в том, да будет он в общении с Церковью. Но законно сопряженную себе жену оставляющий, и иную поемлющий, по слову Господа, повинен суду прелюбодеяния. Постановлено же правилами Отец наших, таковым год быти в разряде плачущих, два года в числе слушающих чтение Писаний, три года в припадающих, и в седмый стояти с верными, и тако сподобится причащения, аще со слезами каятися будут» [5, с. 577]. Толкуя это правило, святитель Никодим (Милаш) пишет: «Правило это объявляет прелюбодейной жену, оставившую без причины (ἀλόως, praeter rationem) мужа и вышедшую замуж за другого, точно так же объявляет оно прелюбодеем и мужа, оставившего жену свою и женившегося на другой, почему и подвергает виновных наказанию, определенному для прелюбодеев, а именно семилетней епитимии. Священник же, который благословил бы подобный брак, зная о существовании законного, не расторгнутого брака, подвергается низложению» [5, с. 578]. В документе «О канонических аспектах церковного брака» мы видим проявление икономии к виновной стороне разрушения брака, желающей вступить в второй брак: «Виновной стороне такая возможность также может быть предоставлена после принесения покаяния и исполнения епитимии» [2]. Срок епитимии данный документ не определяет, хотя, на мой взгляд, она не может меньше, чем за грех прелюбодеяния, согласно во семьдесят седьмому правилу Трулльского собора [5, с. 577].

Подводя итог, можно сказать, что брак — это домашняя церковь, где любовью, терпением, трудом, самоотречением создается христианин. Церковь осмысляет брак не только как основание здешнего земного бытия, но и как путь духовной жизни, путь, ведущий в Царство Небесное. Более того, брак

есть не просто нравственный подвиг, брак есть таинство. По словам апостола Павла: «Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть. Тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви» (Еф. 5:31–32). Брак, таким образом, есть метафизическое единение мужчины и женщины и как таковой является для православного человека таинством. Сущность брачного соединения превышает категории нашего разума и может быть пояснена лишь сопоставлением с догматом и таинством Церкви. В чинопоследовании таинства Венчания Церковь молит Господа, Который есть «тайнаго и чистаго брака Священнодействитель и телесного Законоположитель, нетления Хранитель», подать благодать брачующимся сохранить в браке «целомудрие», показать «честный их брак», чтобы они достигли «старости маститей», «чистым сердцем делающа заповеди» Божии [8, с. 116, 126]. В молитве на Снятие венцов в восьмой день священник просит Бога, чтобы брак был нерасторжим: «Сам и при снятии этих венцов друг с другом сочетавшихся благослови, и союз их нерасторжимым сохрани...» [8, с. 132–133]. Поэтому в отношении расторжения брака Церковь, руководствуясь Божественным Откровением и попечением о спасении ее чад, стремится предпринять все меры, чтобы предотвратить развод. Церковь решительно заявляет о нерушимости брака, так что развод признается не только ненормальным, но и греховным явлением. Когда становится очевидным, что брак окончательно разрушен, пастырская забота Церкви должна быть направлена только на то, чтобы найти для обеих сторон и для их детей наиболее полезный для их духовного состояния выход. Новый брачный союз в некоторых случаях неизбежен, но с точки зрения Церкви этот новый брак уже не может иметь той сакраментальной полноты, которую имел первый брак.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Иоанн Златоуст, святитель*. Беседа на слова: «жена связана законом, доколе жив муж ее...» (1 Кор. 7:39, 40).

URL: <https://azbyka.ru/biblia/in/?1Cor.7:39&r>.

2. О канонических аспектах церковного брака. Документ принят на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 29 ноября — 2 декабря 2017 года. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5075384>.

3. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М., 2001. — 127 с.

4. Писания мужей апостольских. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2008. — 672 с.

5. Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Долматинско-Истрийского. Т. I. М.: Международный издательский центр православной литературы, 1994. — 640 с.

6. Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Долматинско-Истрийского. Т. II. М.: Международный издательский центр православной литературы, 1994. — 635 с.

7. *Тертуллиан*. К жене. Книга первая. Электронный ресурс. URL: https://tertullian.org/russian/ad_uhorem_rus.htm (дата обращения: 31.05.2021; 17,35).

8. Требник в двух частях: Репринтное издание / М.: Сибирская Благовонница, 2016. — 960 с.

9. *Цыпин Владислав, протоиерей*. Курс церковного права. Клин: «Христианская жизнь», 2004. — 700 с.

УДК 231, 232, 234

Иеромонах Херувим
(Левин Михаил Валерьевич)
проектор по воспитательной работе
Калужской духовной семинарии
e-mail: ihklg@yandex.ru

Hieromonk Cherubim
(Levin Mikhail Valeryevich)
Vice-rector for Educational Work
Kaluga Theological Seminary
e-mail: ihklg@yandex.ru

УЧЕНИЕ СВЯТИТЕЛЯ ГРИГОРИЯ ПАЛАМЫ ОБ ЭНЕРГИЯХ

THE TEACHING OF ST. GREGORY PALAMAS ON ENERGIES

Аннотация. В статье рассматривается понятие «энергия» в сочинениях св. Григория Паламы, анализируется суть взаимосвязи символа и энергии, сущности и энергии в трудах философа и богослова святителя Григория Паламы.

Вопросу об энергии всегда уделялось большое внимание в богословских исследованиях. В статье отмечены основные направления исследований Григория Паламы, отмечен паламитский дискурс энергии и затронуты моменты его опровержения.

Abstract. The article examines the concept of «energy» in the works of St. Gregory Palamas, analyzes the essence of the relationship between symbol and energy, essence and energy in the works of the philosopher and theologian Gregory Palamas.

The issue of energy has always received great attention in theological studies. The article outlines the main areas of research of Gregory

Paloma, notes the Palamite discourse of energy and touches on the moments of its refutation.

Ключевые слова: энергия, Григорий Палама, Божественная сущность, Ипостась, Святой Дух, Три Лица, Боговоплощение, Искупление, Троическое единство, природа, философия.

Key words: energy, Gregory Palamas, Divine essence, Hypostasis, Holy Spirit, Three Persons, Incarnation, Atonement, Trinity unity, nature, philosophy.

Святитель Григорий Палама по сути своего рождения был представителем очень известного в Константинополе аристократического рода. Родился он в начале XIII века в семье придворного сенатора, впоследствии был взят под опеку самого правящего императора Андроника II. Император очень привязался к нему и впоследствии не раз оказывал ему помощь и покровительство.

Достоверно известно, что у Григория Паламы было прекрасное образование, особенно он преуспел в области философии, риторики, физики, грамматики. Но полученное образование не стало началом успешной карьеры, а способствовало тому, что он активно начал вести духовную жизнь.

Святитель Григорий Палама оставил в наследие верующим большое количество работ в области философии и богослужения, но более всего он писал о нетварном свете, размышлял о проблемах энергии с точки зрения платонической философии и восточной патристики. В области исследований энергии самыми известными его работами считаются «О Божественных энергиях и их причастии» [4], «О Божественном и обоживающем Причастии, или О Божественной и сверхъестественной простоте» [2], «О Божественном соединении и разделении» [3] и т. д.

Основная идея указанных сочинений заключается в том, что Бог делится на сущность и энергию. Сущность может быть

передана лишь апофатически, т. е. отрицательно. Положительно, катафатически, именовать возможно лишь энергию. Бог проявляет Себя энергийно, приобщиться возможно только к энергии, сущность же непостижима. Бог проявляет Себя через Свои действия, через Свои энергии, являет Себя в качестве Божества.

Понятие «энергия» было введено в философию еще Аристотелем и уже потом изучено и переоценено в христианстве. В сочинениях Д. Брэндшоу указано: «...корень средневекового учения об энергии следует искать в классической античной философии, в работах Аристотеля» [9, р. 29], который был родоначальником учения об энергии. Были и другие философы, занимавшиеся проблемой энергии, которые заложили предпосылки к теоретическому обоснованию сущности категории «энергия».

Сущность учения Григория Паламы сводится к вопросу об отношении Божественной сущности и Ипостаси. Основные положения учения рождались в процессе богословских споров между сторонниками и противниками [1, с. 140; 6; 8, с. 246–388; 5, с. 286–288] учения Григория Паламы о сущности и энергии, были связаны с тринитарной проблематикой, обострившейся после официального признания *filioque* римско-католической церковью. Так, с одной стороны, в решении тринитарной проблемы, заключающейся в уточнении формулировки об исхождении Святого Духа, православные богословы пытались, с одной стороны, уйти от ереси савеллианства, растворяющей Три Лица в едином Божестве, а с другой стороны, пытались уклониться от другой крайности — ереси триетизма, делающей особый акцент на ипостасности Лиц и их личных свойств.

«Благодаря всем этим энергиям Бог не в Одной, но в Трех ипостасях познается» [11, col. 151], — пишет Палама, представляя тем самым более точное содержание термина «энергия», указывающего на соотношение между божественными Лицами. И далее богослов добавляет, что Ипостаси не являются сущностью: «Бог имеет и то, что не есть сущность. Но это не значит, что то, что не есть сущность, является принадлежно-

стью (акциденцией). Оно не есть принадлежность, так как совершенно неизменяемо; но и не сущность, потому что не есть самобытное бытие» [12, col. 1216 B]. И уже исходя из данных положений Палама делает вывод: «Бог имеет, следовательно, и то, что есть сущность, и, то, что не сущность, хотя она и не называется принадлежностью, то есть это божественная воля и энергия» [12, col. 1216 D]. С нашей точки зрения, оригинальность учения Григория Паламы заключается в том, что в Боге есть различие между сущностью, ипостасью и энергией. Иначе можно сказать, что «энергия» — это то, что присутствует в Абсолютном и непричастном Божестве, что обращено к миру и делается доступным для понимания.

Исследователь отмечает: «Сущность Божия безусловно неизменна, так как она совсем непостижима для ума; именуется же она по всем своим энергиям, и так ни одно из имен не отличается по своему значению от другого. Ибо каждое из них и все они ничто не выражают, кроме того сокровенного, что никоим образом не познаваемо» [11, col. 1204 A]. Вместе с тем «в Боге есть нечто непознаваемое, то есть сущность Его, нечто же непознаваемое, то есть все, что окрест его сущности, а именно: благодать, мудрость, сила, божественность или величие, это то, что Павел называл невидимым, но что видимо через рассмотрение его творений» [7, с. 56].

В учении Паламы поставлен акцент на том, что Бог не познаваем по сути и его можно постичь только посредством энергии. Идет преодоление барьера Творцом и Тварью. По мнению богослова, посредством энергии Бог открывает Себя видимому миру, таким образом разрешая неразрешимые антиномии непознаваемости и постижимости Божественной Троицы. Разрешение их представляется в таинстве Евхаристии, где видимый хлеб и вино прелагаются в Невидимое Тело и Кровь Христову. Именно на этой антиномии основано таинство Боговоплощения, где Невидимый Бог предстает в видимом теле человеческом, где при этом не умалается ни его Божество, ни уничтожается и не принижается Его человечество, где две природы — божественная и человеческая — соединены, согласно

Халкидонскому оросу, «неслитно, нераздельно, неразлучно, непреложно» [5, с. 286–288].

Учение Паламы о сущности и энергии, таким образом, затронуло важные догматы о Боговоплощении и Искуплении, без которых невозможно понять сущность Троического единства.

Размышляя об энергии в Троице, Палама утверждает, что у всех Трех Ипостасей энергия одна не как подобная, но как единая числом. Этот тезис о единстве энергии в Трех Ипостасях отрицали варлаамиты: по их мнению, каждая из Трех Ипостасей имеет свою собственную энергию, и не существует одной общей энергии [12, col. 1196 BD]. Получалось в результате, что сторонники Варлаама приближаются к савеллианству. Если первые не отличали ипостаси от сущности, то вторые не отличали сущности и энергии, соединяя их воедино.

Будучи единой для всех Трех Лиц, Божественная энергия многообразна в своих проявлениях. Далее Палама уточняет, что энергия не принадлежит какой-либо одной ипостаси, поскольку Троица едина и нераздельна. «Общая энергия и сила Триипостасного единства различным образом и соответственно разделяется ее причастниками» [12, col. 1197 BD].

В этом отличие Божества от твари, где «у сродных существ есть и своя собственная энергия, но она действует сама по себе у каждой ипостаси. Совсем не так у тех трех Божественных и поклоняемых ипостасей, где поистине у всех одна и та же самая энергия. Ибо в них одно движение Божественной воли, возбужденной из первичной причины — Отца, проходящее через Сына и во Святом Духе проявляющееся» [10, col. 860 G].

Таким образом, богословское учение Григория Паламы связано с непостижимой Божественной сущностью и постижимой существенной энергией. Характеризуя основную мысль своего учения «Божественная Энергия неотделима от Божественной Сущности, она есть Сам Бог действующий. Отличать Божественные энергии от сущности, не значит делить Бога, потому что одно и другое есть два образа одной и той же жизни Бога».

Палама утверждает отсутствие сотворенности божествен-

ных энергий, они, по его мысли, имманентны единой сущности Пресвятой Троицы. Другими словами, энергии являются выражением ее бытийности – они представляют собой «преизбыток Божественной природы, которая не может себя ограничить, которая больше своей сущности. Можно сказать, что энергии раскрывают нам некий образ бытия Пресвятой Троицы вне Ее непреступной сущности. Итак, мы узнаем: Бог существует одновременно и в Своей сущности, и вне Её». В этом смысле Божественные энергии определяют всю трансцендентальную сущность бытийности, которую порождает и в рамках которой существует Троица. Единое энергетическое поле Троицы является ее «скрепой», определяя ее единство и общность действий Лиц. В этом смысле, по мнению Паламы, нет трех различных и отдельных Божественных энергий, которые нужно было бы отнести к каждому из Божественных Лиц — есть только одна Божественная энергия, свойственная Трём Лицам Святой Троицы. Важно отметить, что Палама определяет не тождество энергий всех тех Божественных ипостастей, а утверждает обладание Сыном и Духом всей полноты энергии Отца. В этом смысле обладание энергией Отца, Сына и Святого Духа подчеркивает их ипостасное совершенство наравне с Ипостасью Отца. «Если Сын и Дух Святой и называются силой и энергией, но силой и энергией Отца; так называется Тот и Другой как совершенная Ипостась и как обладающие силой и энергией... но у нас... речь не об этой энергии и силе, но об общей энергии Триипостасного Божества, которая не есть Ипостась, но по природе и сверхъестественно присуща каждой из Богоначальных Ипостасей», — утверждает Палама.

Таким образом, Божественная энергия не тождественна ни одной из Божественных Ипостасей и не существует независимого от Божественной Сущности. Она всегда соприсуща Богу, как вечное сияние Его Божественной природы. Палама постоянно подчеркивает, что наличие в Боге энергий никак не обусловлено существованием тварного мира — они совечны сущности Божией: «Предзнание, воля, Промысл, самосозерцание и все подобные деяния Бога безначальны и предвечны; но если

созерцание, Промысл и предзнание, то и предопределение и воля суть безначальные деяния Бога, а значит, и добродетель, потому что во всем из перечисленного есть добродетель и существование, потому что существование предшествует не только сущности, но и всему существующему, будучи первичным. Потом, разве воля и предопределение не добродетель? Прекрасно многознающий в божественном, Максим говорит, что «и существование, и жизнь, и святость, и добродетель суть деяния Божии, не сделанные во времени»; а чтобы никто не подумал, что они существуют в веке, хотя и не во времени, продолжает: «Никогда не было, чтобы не было добродетели, благодати, святости и бессмертия...» Они допускают приобщение себе, а уже им как безначальным деяниям причастны причащающиеся существа и совершаемые во времени деяния».

Итак, богословской системой Паламы является представление о различиях между сущностью и единой энергией, которая характеризует бытие Бога, таким образом уточняя вопрос о соотношении Лиц Троицы, — богослов подтверждает догмат о единосущности и нераздельности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексий (Дородницын), епископ.* Христианская мистика в ее главных представителях IV–XIV вв. Саратов, 1913. С. 140. Лебедев А. Очерки по истории византийской церкви с конца XI до середины XV в. М., 1902.

2. *Григорий Палама, святитель.* О Божественном и обоживающем Причастии, или О Божественной и сверхъестественной простоте [Электронный ресурс]. — URL: http://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Palama/o_prichastii/ (дата обращения: 26.17.21).

3. *Григорий Палама, святитель.* О Божественном соединении и разделении. [Электронный ресурс]. — URL: http://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Palama/O_Bogestvennom_soedinenii_i_razdelenii/ (дата обращения: 26.07.21).

4. *Григорий Палама, святитель.* О Божественных энергиях и

их причастии [Электронный ресурс]. — URL: http://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Palama/O_Bogestvennih_energijah_i_ih_pri-chastii/ (дата обращения: 26.07.21).

5. Киприан (Керн), архимандрит. Антропология Григория Паламы. М., 1996.

6. Спасский А. История догматических движений в эпоху вселенских соборов. СПб., 1995.

7. Успенский Ф. И. Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1892.

8. Bradshaw D. The Concept of the Divine Energies. / Divine Essence and Divine Energies. Ecumenical Reflections on the Presence of God in Eastern Orthodoxy. Edited by C. Athanasopoulos & C. Schneider. Cambridge. 2013.

9. Ioannes Damascenus. De fide orthodoxa. I, 4 // MPG. T. 74.

10. Palamas G. Homilia. PG. T. 151.

11. Palamas G. Theophanes. PG. T. 150 (81).

УДК 82-1/29

Волкова А. Г.

кандидат филологических наук
проректор по научной работе
Калужской духовной семинарии,
доцент кафедры исторических
и церковно-практических дисциплин
e-mail: kds-nauka@eparhia-kaluga.ru

Volkova A. G.

vice-rector for research
of Kaluga Theological Seminary,
associate professor for the Chair
of Church and Historical Studies
e-mail: kds-nauka@eparhia-kaluga.ru

**СЛУЖБА СВЯТОМУ ПРАВЕДНОМУ ЛАВРЕНТИЮ
КАЛУЖСКОМУ:**

ОБРАЗ СВЯТОГО В БОГОСЛУЖЕБНЫХ ТЕКСТАХ

(Доклад на VI Свято-Лаврентьевских чтениях, 28 декабря 2019)

**SERVICE TO ST. LAWRENCE OF KALUGA:
THE IMAGE OF THE SAINT IN LITURGICAL TEXTS**

(Report at the VI St. Lawrence Readings, December 28, 2019)

Аннотация. Данная публикация представляет из себя реконструкцию образа святого праведного Лаврентия Калужского на основании анализа богослужебных текстов. Для анализа выбраны именно те тексты, которые имеют отношение к житию и подвигам святого по причине актуальности составления новых текстов святым и — шире — необходимости интерпретации святости и актуализации подвига святого Лаврентия.

Abstract. This publication is a reconstruction of the image of St. Lawrence of Kaluga based on the analysis of liturgical texts. For the analysis, those texts that are relevant to the life and exploits of the saint are chosen because of the relevance of compiling new texts for the saints and, more broadly, the need to interpret the holiness and actualize the feat of St. Lawrence.

Ключевые слова: Православие, богослужение, литургическое богословие, гимнография, прав. Лаврентий Калужский.

Key words: Orthodoxy, worship, liturgical theology, hymnography, rights. Lavrentiy Kaluzhsky.

Богослужebные тексты представляют собой опыт интерпретации не только событий библейской истории, но и исторических событий, в частности, если эти тексты основаны на агиографии.

Анализ языковой репрезентации агиографических событий в том или ином тексте позволяет прийти к хотя бы частичному пониманию того, каким образом мир предстает сознанию автора — представителя определенной эпохи и культуры, так как «языковые знаки любого уровня сложности, включая морфологию и синтаксис... не могут не содержать в себе информацию, релевантную для понимания культуры иного народа» [3, с. 43].

Осмысление лингвистической репрезентации личности и события в агиографическом, а особенно гимнографическом тексте первостепенно для рецепции и интерпретации христианского опыта молитвы и подвижничества [1, с. 6]. Среди различных типов подвижничества для анализа выбраны тексты, касающиеся жития и подвига святого праведного Лаврентия Калужского по причине актуальности составления новых текстов святым и — шире — необходимости интерпретации свя-

тости и актуализации подвига святого Лаврентия. Гимнографические тексты дают возможность осмыслить и рассмотреть подвиг святости в различных его проявлениях.

В первую очередь рассмотрим малые гимнографические формы: тропарь и стихиры [4].

Приведем текст тропаря полностью:

Просветѣвса божественною благодатию, Богомудре,/ и весь разум и сердце от суетнаго мира сего/ к Зиждителю неуклонно возложив,/ целомудрием и многим терпением во временней жизни течение добре скончал еси/ и веру соблюл еси непорочно./ Темже и по смерти явися светлость жития твоего,/ источаеши бо чудесем источник неисчерпаемый/ верою притекающим ко святому твоему гробу, Лаврентие всеблаженне,/ моли Христа Бога, да спасет души наша.

Текст тропаря делится на две смысловые части:

— первая, построенная традиционно: Просветѣвса божественною благодатию, Богомудре,/ и весь разум и сердце от суетнаго мира сего/ к Зиждителю неуклонно возложив,/ целомудрием и многим терпением во временней жизни течение добре скончал еси/ и веру соблюл еси непорочно.

Эта часть представляет собой очень сжатый пересказ жития праведного Лаврентия: он был озарен благодатью Божией и поэтому удалился от мирской суеты, причем упоминаются и его добродетели: целомудрие, «многое терпение», «вера непорочна».

— вторая часть — это уже указание на посмертные события: Темже и по смерти явися светлость жития твоего,/ источаеши бо чудесем источник неисчерпаемый/ верою притекающим ко святому твоему гробу, Лаврентие всеблаженне,/ моли Христа Бога, да спасет души наша.

Таким образом, тропарь не отображает никаких индивидуальных черт святого, в том числе особенности его святости (юродивый) и построен по традиционной схеме: в нем упоминаются добродетели святого при жизни и его посмертные чудеса.

Далее рассмотрим стихиры восьмого гласа на «Господи,

возвѣхъ». В некоторых из них используются привычные для житийных текстов образы-символы, в частности образ света, сияния как символ мира горнего, Божественного:

Блаженне Лаврентіе Богомудре,/ Чистая твоя душа,
правоверным смыслом сияючи,/ облистаючи добродетелей
светлостью,/ озаряет верных исполнение,/ бесовскую тьму
отгоняючи./ Темже, яко причастника ты невечерней благодати,/ уболажаем благочестно вси, досточудне.

Имея душу милостивну,/ и чист помысл, и сердце бодрственно,/ веру неблазненну, и любовь воистинну нелицемерну,/ от земли преставился еси к Небесным/ и с лики праведных водворяешься./ Темже ты почитаем священными песньми/ и благочестно вси славим, досточудне Лаврентіе.

Божественными учения укрепляясь,/ страсти плотския от души отгнал еси/ и Святей Троице селение преочищенное был еси./ Тем к божественней жизни преставился еси,/ сего ради соблюдает Господь невредимо твое блаженное тело/ и многими чудотворения от твоего гроба/ прославляет ты яже, блаженне Лаврентіе.

Все три приведенные стихиры рассказывают о добродетелях святого, которые не описываются настолько подробно в житии. Гимнография в этом смысле предлагает интерпретацию, явленную в образной, поэтической форме: «чистая душа, правоверным смыслом сияючи», «причастник невечерней благодати», «душа милостивна», «сердце бодрственно», «чист помысл», «сердце преочищенное» — все эти эпитеты и метафоры, описывающие праведного Лаврентия и его подвиги, являются принадлежностью гимнографического текста как рецепции текста агиографического.

В одной из стихир пересказывается житие праведного Лаврентия:

Яко течение добре скончавшему,/ и веру соблювшему
непорочно,/ и враги безплотных терпением своим поправшему,/ возложися на честный твой верх/ победы венец пресветел/ от руки Вседержителя Бога./ Егоже ради мир и яже в нем суетства преобиделеси;/ тем и святая твоя Чистая душа/ на Небеса востече,

ра́дующися,/ пра́ведных же ли́цы срето́ша ты, весе́лящися,/ и Небе́сная се́ления восприя́ша ю;/ че́стное же те́ло твоё на землѣ пребыва́ет нетле́нно,/ ве́рным подава́юще исцелё́ние./ Те́мже с ве́рою пра́вою и те́плым же́ланием/ свято́му твоёму́ гробу́ припада́юще, богому́дре Лавре́нтие,/ про́сим испроси́ти у Христа́ Бо́га на́шего/ гра́ду твоёму́ непоколебѣ́му и безмяте́жну пребы́ти/ от наве́т вра́жиих и поганска́го нашё́ствия,/ умире́ния ми́ру и спасе́ния ду́шам на́шим.

Также интересны тексты стихир на литии, второго гласа:

Юродством Премудрости достиг глубину, преблаженне,/ и райская селения наследив,/ и ныне веселяся с лики праведных,/ и чести зря Владычния доброты,/ и со Ангелы предстоя Святей Троице,/ поминай, блаженне, всегда чтущия память твою.

В приведенной стихире содержится указание на особый тип святости праведного Лаврентия, о чем не говорилось ни в тропаре, ни в других стихирах, при этом используется прием соединения несоединимого: «Юродством Премудрости достиг глубину», то есть, с одной стороны, говорится о юродстве, которое априори синонимично безумию, но безумию во Христе; с другой стороны, именно через юродство, то есть внешнее безумие и достигается Премудрость, высшая мудрость. Такой прием, который еще называется *concordia discors*, или «согласие несогласного», очень характерен для гимнографических текстов, как для византийских, так и для собственно славянских, непереводаемых.

Этот же поэтико-богословский прием действует и в других стихирах на литии:

Тесным шествовав путём,/ достигл еси райския широты,/ ныне же изрядне наслаждаяся Небесныя пищи,/ и венцем нетления венчался еси от руки Вседержителевы./ Егоже ныне моли, блаженне Лаврентие,/ о еже сохранится граду твоёму от враг ненаветну/ и душам нашим даровати велию милость.

Лёгкостию крил прелетев/ от многомятушаго и треволовательнаго мира/ и вне бурнаго пристанища достиг./ заступая от напастей вся призывающия ты верно,/ покрывай, преблаженне, и нас, притекших в храм твой,/ о преблаженне

Лаврѣнтіе,/ спасі стадо твоѣ молитвами твоими ко Господу.

В первом из приведенных песнопений в форме такой бинарной оппозиции представлен образ-символ пути: «Тѣсным шествовав путѣм, достигл еси райскія широты». Путь земной здесь предстает как тесный — это своеобразная аллюзия на евангельские слова: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 7:13–14). Таким образом, гимнографический текст, притом что он осмысливает текст житийный, строится, в первую очередь, на Священном Писании.

Вторая приведенная стихира также содержит поэтическое противопоставление: «Лѣгкостію крил прелетѣв от многмятущаго и треволновательнаго міра и вне бурнаго пристанища достиг», — земной мир предстает как суетный, «многмятущий», и святой словно преодолевает этот мир «легкостію крыл», что также является своеобразной реминисценцией евангельского текста о птицах небесных.

В другой стихире используется сложная метафора, наследующая византийским гимнографическим образцам:

Яко солнце светозарно,/ добродѣтельнаго ради житія твоего,/ повсюду просіял еси,/ храму убо, идеже лежат честныя твоя мѡщи,/ якоже царскую имущу утварь,/ граду же всюду, яко трубе, велегласно вопіюще и хвалящуся,/ имѣюще в себѣ процвѣтша чудес источника неисчерпаемаго,/ и изобильно всем подавающе богато дарованія чудес,/ о преблаженне и чудонѡсче Лаврѣнтіе,/ испроси молитвами твоими у Христа Бога,/ еже даровати православным людем посѡбие на варвары,/ и иже твоѣ празднество творящим честно,/ очищеніе и спасеніе душам нашим.

Во-первых, используется традиционный образ-символ света, который уже встречался в стихирах на «Господи воззвах» («солнце светозарно», «просіял»). Во-вторых, здесь использованы и другие метафорические образы: мощи святого сравниваются с царской утварью, город поет, словно труба. Все указанные образы являют молящимся единый образ святого

Лаврентия: блаженный просиял, подобно солнцу — в храме, где хранятся его мощи, в городе, который поет и веселится, потому что в нем есть мощи святого как источник чудес. Также здесь упоминается, что праведный Лаврентий может даровать православным «пособие на варвары», то есть возможность миссионерствовать, обращать в истинную веру.

Таким образом, в стихирах на Господи возвах и на литии мы видим традиционное для агиографической гимнографии прославление святого через следующую образность:

1) образы света, сияния: Чистая твоя душа, правоверным смыслом сияющи,/ облистяющи добродетелей светлостью,/ озаряет верных исполнение,/ бесовскую тьму отгоняющи; Яко солнце светозарно,/ добродетельного ради жития твоего,/ повсюду просиял еси,/ храму убо, идеже лежат честныя твоя мощи.

В одной из стихир содержится необычная развернутая метафора, наследующая образцам византийской гимнографии:

Яко солнце светозарно,/ добродетельного ради жития твоего,/ повсюду просиял еси,/ храму убо, идеже лежат честныя твоя мощи,/ якоже царскую имущу утварь,/ граду же всюду, яко трубе, велегласно вопиющую и хвалящуюся,/ имеющую в себе процветша чудес источника неисчерпаемого,/ и изобильно всем подающая богато дарования чудес,/ о преблаженне и чудоносче Лаврентие,/ испроси молитвами твоими у Христа Бога,/ еже даровати православным людем пособие на варвары,/ и иже твое празднество творящим честно,/ очищение и спасение душам нашим.

Здесь содержатся следующие параллели: святой Лаврентий — солнце светозарное, которое повсюду просияло: и в храме, где находятся мощи, подобно царской утвари, и в городе, который уподоблен трубе, возвещающей и хвалящейся угодником Божиим. Таким образом, в этой стихире как будто описано восприятие всеми органами чувств: зрение (Праведный = солнце), осязание (Мощи = царская утварь), слух (Город = играющая труба).

2) образы пространства и пути: Тесным шествовав путем,/

достигл еси райския широты,/ ныне же изрядне наслаждаясь
Небесныя пищи,/ и венцем нетления венчался еси от руки
Вседержительвы./ Егоже ныне моли, блаженне Лаврентие,/
о еже сохранится граду твоему от враг ненаветну/ и душам
нашим даровати велию милость;

тем и святая твоя Чистая душа/ на Небеса востечё, радуящихся/
праведных же лица сретоша тя, веселящися,/ и Небесная
селения восприяша ю.

Интересно, что блаженный Лаврентий прославлен как Христа ради юродивый, однако в текстах стихир эта особенность его святости никак не выражается. Только в двух стихирах на литии это передано:

Юродством Премудрости достиг глубину, преблаженне,/ и
райская селения наследив,/ и ныне веселяся с лики праведных,/ и
чести зря Владычния доброты,/ и со Ангелы предстоя Святей
Троице,/ поминай, блаженне, всегда чтущия память твою.

Светом разумным от Бога просвещён,/ мирскаго пристрастия
отбегл еси,/ буйство Христа ради стяжав,/ тем града нашегцо
Калуги заступник быв,/ в немже чистым и непорочным житием
Господеву угодил еси/ и многия люди удивил еси чудесы,
преблаженне Лаврентие./ Но и ныне, имея дерзновение ко
Владыце всех, Христу Богу,/ моли о верою творящих всечестную
память твою/ и притекающих со усердием к чудотворному гробу
твоему,/ избавится страстей, душевных же вкупе и телесных,/ и
всяких бед и скорбей/ и спастися душам нашим.

В этих стихирах образ праведника создается через бинарные оппозиции: юродство — премудрость, свет разумный — мирское пристрастие.

Наконец, рассмотрим текст икоса:

Како возмогу, грешный и скверный аз душею вкупе и
телом,/ исписати во плоти сущее равноангелом житие твое и
преславная чудеса,/ аще убо мнози премудрии не достигнут
исповедати многого твоего терпения, и смирения, и теплых
ко Христу любве./ Но обаче, надеясь на твое беззлобие,
о блаженне, сиче вопию ти:/ радуйся, пресветлая звездо,/ от
востока добродетелей возсиявшая и вселенную чудесы

озарившая./ Радуйся, возненавидевый родительскую любовь,/ Христа же, единого над всеми Бога, всем сердцем возлюбивый/ и тому невозвратным желанием последовавый./ Радуйся, яко буйственное и юродственное, еже по апостолу, жителство избравый./ Радуйся, прениженный тленная и настоящая надежду будущих благ./ Радуйся, древнему Иову уподобивыйся терпением./ Радуйся, страстотерпче Христов непобедимый./ но присно победивый диавола твоим смирением./ Радуйся, яко древний он Лазарь нищий, ныне почиваеши в недрах Авраамлих./ Радуйся, иже по отшествии мира сего/ сущих в бедах и искушениях готов обретаяйся предстатель и заступник./ Радуйся, везде призывающия тя быстро предваряяй,/ молиши бо Христа Бога непрестанно подати грехов наших прощение.

Помимо уже описанных выше образов света, сияния, а также описания добродетелей святого (терпение, смирение, любовь ко Христу, беззлобие), что характерно для всех песнопений, посвященных святым, икос содержит уже не просто аллюзии на Священное Писание, но эксплицитное (прямое) упоминание библейских событий, как ветхозаветных, так и новозаветных: «Радуйся, древнему Иову уподобивыйся терпением... Радуйся, яко древний Лазарь нищий, ныне почиваеши в недрах Авраамлих». Через эти упоминания описываются добродетели святого Лаврентия: терпение, в котором он уподобляется праведному Иову, и нищета, подобная нищете Лазаря. Интересно также и другое противопоставление, которое редко встречается в гимнографических текстах и которое основано на фрагменте жития святого: «Радуйся, возненавидевый родительскую любовь, Христа же, единого над всеми Бога, всем сердцем возлюбивый». Здесь четко прослеживается бинарная оппозиция «любовь — ненависть»: с одной стороны, святой «возненавидел» любовь родителей, то есть отказался от родного дома, но с другой стороны, он это сделал из любви ко Христу.

Таким образом, если рассматривать малые гимнографические формы службы святому праведному Лаврентию, то можно отметить ряд особенностей:

1. Тексты, описывающие святого, традиционны: они содержат

традиционную образность (свет, сияние, добродетели (воздержание, целомудрие)).

2. При этом тексты службы малоинформативны: в них практически не содержится отсылок к житию святого, в том числе и к его особому типу святости — юродству: только с двух стихирах, а также в иконе содержатся указания на это, однако без деталей, без подробностей. Скорее всего, это обусловлено малым количеством информации о святом и в агиографии.

3. Тексты наследуют поэтике византийской гимнографии: метафорика текстов, посвященных святому, схожа с метафорикой византийской гимнографии, в частности, в использовании приема «согласие несогласного» (*concordia discors*).

4. Тексты представляют традиционный образ святого, что может указывать на уже упоминавшееся малое количество сведений, сохранившихся о святом.

Гимнографические тексты выполняют герменевтическую функцию: толкуют события, представляют их так, как не было указано в исторических документах, а так, как это потом было осмыслено творцами службы. Именно поэтому исследование гимнографии важно с текстуальной точки зрения — как исследование способа осмысления и передачи реальных событий, шире — как исследование религиозного типа сознания.

Дальнейшие перспективы исследования приемов лингвистической репрезентации заключаются в лингвистическом и культурологическом рассмотрении метафорики и концептов, так как «лексическая разработанность культурно значимых концептов» коррелирует с особенностями культуры и мышления [2, с. 29].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Волкова А. Г. Языковая репрезентация события: прием перечисления в византийской церковной поэзии // Язык и культура. 2014. № 4 (28). С. 5–16.

2. Захарова У. С. Лексическая репрезентация культурной доминанты «маскулинность / феминность»: смыслы «преумень-

шение / преувеличение своей роли» (на материале английского и русского языков) // Язык и культура. 2014. № 1 (25). С. 23–30.

3. Мильруд Р. П. Язык как символ культуры // Язык и культура. 2013. № 2 (22). С. 43–60.

4. Минея. Январь. Ч. 2. М.: Издательский совет Русской Православной Церкви, 2002. 648 с. Все тексты песнопений цитируются по этому изданию.

Гаевская Н. З.

соискатель кафедры философии и религиоведения
Русской христианской гуманитарной академии, Санкт-
Петербург
e-mail: Lovich2000@mail.ru

Gaevskaya N. Z.

Candidate of Philosophical and Religious Sciences
Russian Christian Humanitarian Academy, Saint Petersburg
e-mail: Lovich2000@mail.ru

**ТЕМАТИЗАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОГО. К ВОПРОСУ О
ТОПИКЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ФЕНОМЕНОВ КУЛЬТУРЫ**

**THEMATIZATION OF THE RELIGIOUS. TO THE QUESTION
ON THE TOPIC OF RELIGIOUS AND CULTURAL
PHENOMENA**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы тематизации религиозного. Исследуются истоки формирования тематической топики на материале христианской культуры. Представлены как философские, так и теологические аспекты в исследовании топики. Топологический анализ берет свое начало в семиотических исследованиях Ф. де Соссюра и Якобсона и продолжается в исследованиях философии культуры Ю. Лотмана. Основание и способ тематизации религиозных феноменов, в частности памяти смертной, — это проблематизация, видение ее контекста и концептуального основания. Топика религиозного подвига и подвижничества формирует культурное пространство, в котором культурные топосы обладают духовным содержанием. Эсхатологическая проблематика становится смыслообразующей в парадигме хри-

стианского подвига, раскрывающей подходы к проблемам смерти и Спасения на всем последующем пути развития традиции подвижничества.

Abstract. The article deals with the issues of thematization of the religious and the space of religious meanings. The article examines the origins of the formation of thematic topics based on the material of Christian culture. Both philosophical and theological aspects in the study of topics are presented. Topological analysis originates in the semiotic studies of F. R. Tolstoy, de Saussure, and Jakobson and continues in the studies of the philosophy of culture of Yu. Lotman. The basis and method of thematization of religious phenomena, in particular the memory of the mortal, is problematization, the vision of its context and conceptual basis. The topic of religious exploits and asceticism forms a cultural space in which cultural topoi have a spiritual content. The eschatological problem takes on meaning in the paradigm of Christian asceticism, revealing approaches to the problems of death and Salvation throughout the subsequent development of the tradition of asceticism.

Ключевые слова: подвижничество, подвиг, танатология, эсхатология, топология, топос.

Key words: asceticism, feat, thanatology, eschatology, topology, topos.

Жизненный мир представлен традицией. Он дан как целостность, но может быть тематизирован, понят, истолкован и при этом разделен на сферы, определенные тематически. Современные петербургские философы говорят о том, что тематизация представляет собой процесс понимания, в котором одна интерпретация связана с другой подобно тому, как в языке одно означающее отсылает к другому [19]. Религиозный мир тематизируется, объясняется наличием сверхозначающего — Бога, этим он отличается от светского, профанного. Тематизация религиозного мира осуществляется через его символы.

Топология, топологическое пространство есть условие воз-

возможности символизации, когда топос связан со структурой символа и обеспечивает его динамику. Топологический анализ берет свое начало в семиотических исследованиях Ф. де Соссюра и Jakobsona и продолжается в исследованиях философии культуры Ю. Лотмана. Исследования в области религиозной философии, в частности Ж.-Л. Мариона и Дж. Мануссакиса показывают, что механизмы символизации расширяют границы чувственного, выводят его за собственные пределы к тому, что обуславливает возможность видения [14, 15]. «Лицо несет в себе авторитетность Божьего взгляда, ту же неисчерпаемость, которая приходит из запредельной реальности» [14]. Топологическое, топос в основе рассмотрения проблемы усилия и самой возможности быть [21], топос есть условие артикуляции сущего [25, с. 61].

Основание и способ тематизации религиозных феноменов, в частности памяти смертной, — это проблематизация, видение ее контекста и концептуального основания. Так танатологические концепты служат основанием для проблематизации религиозных феноменов. Экспликация понятия смерти делает возможным тематизацию памяти смертной, когда можно говорить о связи между опытом и религиозным пониманием.

1. Теоретическое обоснование топики

На современном этапе развития научных знаний топики осмысляется как техника пространственной организации мышления и понимания и организованное на ее основе мыслительное пространство, и активно применяется в процедуре схематизации смыслов и идеализации содержания. Топика — наиболее точная фиксация проблемной точки ситуации. С. В. Комаров пишет о том, что своеобразным топосом становится интервал «между» двумя примыкающими друг к другу точками «теперь», и это виртуальное время, в котором развивается понимание и возможна рефлексивная реконструкция как событийность [10]. Топос указывает на необходимое количество повторений, помогающих раскрыть важность общего замысла. Топологический анализ аналогичен опреде-

ленным математическим действиям, он позволяет по одному важному элементу восстановить образ целого множества.

Философские исследования XX века расширили трактовку топоса и топики. Функциональное пространство топоса определяется как единица текста, как языкового, так и культурного. Топос — общее место не только в сфере мотива, но и в художественном пространстве от темы и проблематики до образа и идеи. В культуре, в культурологии и в социологии — это формирующееся, необщепринятое понятие. Топосы — хранители культурного кода: смыслов, создаваемых человеком и определяющих его жизнь, ее назначение, перспективы и пределы.

Культура выразила христианские идеалы в иконе и храме, стихе и древнем распеве, сформировав уникальный культурный текст, основу которого составила топка, имеющая религиозное содержание. Христианский подвиг и подвижничество — одна из основных тем текстов, подвиг — культурный топос. Религиозная топка имеет содержание, суть которого обретена в тайне общения с Богом. С тайной связана антитеза явного и скрытого как принципа построения типа и топоса. Таким образом, духовное содержание, наполняющее топос, структурно выражается в отношении трансцендентного и имманентного. «Человек и есть идея Бога», — писал Н. Бердяев [2, с. 14]. Духовная жизнь человека, созданного по образу и подобию Божию, находит отражение в духовном содержании топосов. Необходимо заметить, что античное платоническое понимание образа как чего-то ущербного по своему бытию по сравнению с первообразом было преодолено в христианстве. Это нашло отражение в словах апостола Павла, в которых говорится, что Сын есть «Образ Бога невидимого», и имеется в виду такой Образ, который по бытию и по сущности неотличим от Первообраза, Отца, поскольку единосущен с Ним [5, с. 40]. Св. Григорий Богослов пишет об этом: «Таким образом, апостольское слово, что мы таковы, как Он, тогда будет истинно, когда будет признано, что и Он стал таким, как мы, дабы чрез то, что сделался как мы, соделать нас, как Он» [16]. Путь к осуществлению этого — привнесение Божественного в чело-

веческую природу, чтобы устроить человека по образу и подобию Божиему. Также путь лежит через очищение и усматривание в себе образа Божиего: «Чтобы научились мы из сего, что, очистившись от страстного расположения, в собственной своей слепоте усматривать образ Божьего естества» [16].

Библейское повествование о том, что человек создан по образу и подобию Бога, ставит понятие образа в центр богословской рефлексии. Так для Августина, представителя западной богословской мысли, подобие человека Богу означает условие знания человека о самом себе, тесно связанное с понятиями ощущения, восприятия, воображения и памяти, и необходимость совершенствования. Внутреннее видение, в трактовке Августина рассматриваемое как когнитивный процесс, отсылает к эйдетической основе мышления [12].

Изучение проблемы подобия как особого единения в отклике в коммуникативном аспекте позволяет исследовать коммуникативную функцию топоса. Надо отметить, что религиозный опыт свидетельствует о том, что «мир объективированный и социализированный есть падший мир, не знающий общения, в этом мире сообщения устанавливаются без общения, которому присущи интуиция и любовь. Этот мир, вторичный, отраженный, ни на одном этапе сообщения не знает соединения человеческой души с другой» [4, с. 246]. Тогда как в мире религиозно-духовных смыслов возможно общение в духовном единении, «общения, опосредованного Богом» [4]. Достижение подлинной общности, особое единение становится коммуникативной характеристикой топоса.

Однако образ, наполняющий топос, с которым культурная память связывает ментальную идентичность, выполняет и коммеморативную функцию. Памятование в коммеморативном акте вновь и вновь фиксирует топос в действительной реальности, настоящем. Сама история испытывает в памятовании преобразующее действие высших религиозно-духовных смыслов. «Тогда как в эсхатологическом христианстве есть обратное действие на историческое прошлое, действие воскрешающее, связанное с преобразующей активной памятью. Па-

мать не восстанавливает прошлое таким, каким оно было, она преобразует это прошлое, преобразует в вечное» [3, с. 266]. Духовное содержание топоса в модусе коммеморации — публичного памятования — таким образом испытывает преобладающее действие активной памяти.

В контексте библейской и литургической традиции образы, имеющие евангельское основание, приобретают широкий герменевтический горизонт. Топос памятования в этой нелинейной перспективе многократно варьирует свою семантику за счет вовлечения в смысловую сферу тесно связанных идей.

2. Топика подвижничества как религиозного феномена культуры

Духовное содержание топоса религиозного подвига составляют концепты памяти и памяти смертной. Топос формируется жизненным миром подвижника, символически выраженном в религиозных практиках, ритуалах, атрибутах. Смертные переживания, принятие подвига и смерть в социальном для жизни в ином формируют пространство танатологических смыслов. В подвиге содержание понятия о смерти претерпевает энергичную трансформацию и семантически расширяется. Размышление и подготовка к уходу в загробный мир, а также предсказание о смерти становятся одной из устойчивых линий агиографических сюжетов. Подвижник входит в контакт с самой онтологией смерти. Ему очевидна смерть как следствие падшести в грехопадении, конечности существования. В реакции сознания подвижника смысловое пространство понятия смерти кодируется и преобразуется. Смерть близких, угроза или переходное, лиминарное состояние самого подвижника формирует смертный опыт. Стигматизация, личные околосмертные переживания способствуют изменению восприятия смерти от события индивидуальной кончины до обретения памяти смертной в христоцентричном личностном измерении.

Память смертная становится духовным содержанием топоса. Топос становится местом памяти, танатологические мотивы, тема смерти структурными компонентами топики подвиж-

ничества. Памятование как культурный механизм, обеспечивающий активацию памяти, преобразует основной смысловой концепт — концепт смерти — и способствует формированию установки на кардинальное личностное изменение, умоперемену, преодоление страстей [23, с. 352].

Традиция осмысления феномена памяти берет свое начало в античности, понятие «искусство запоминания» — «*ars memoria*» создано греческим поэтом Симонидом в VI веке до н. э., продолжено в трудах Платона и Аристотеля. Сегодня мы определяем память как принцип и способ связности и единства сознания, рефлексивную структуру, способность сознания задерживать первично воспринятые содержания. Основное действие памяти — воспроизведение в узнавании, воспоминании, припоминании. Психофизиологический механизм памяти создает условия для кодирования, сохранения и использования информации, опыта и впечатлений о событиях и реакциях и вводит информацию в сферу сознания и в сферу поведения. Фуко, рассматривая память в риторическом контексте, когда живая память представляет собой взаимодействие повторения и воспоминания, определяет риторический модус как основной модус памятования [22, с. 263].

Особое внимание традиция осмысления памяти обращает на момент пробуждения памяти, ее активации. Так, прп. Григорий Синаит пишет об опасностях своеволия в практике пробуждения памяти: «Некоторые же, не помышляя об имеющем быть вреде, всякого прилучающегося учат своими усилиями держать память Божию для того, чтобы ум навык сей памяти и возлюбил ее, что невозможно, особенно для привыкших жить по своему чину» [17, с. 237].

Подвижник, храня память о Боге, становится способен в коммуникации активизировать память о грехах, создать пространство с измененными энергийными характеристиками, в котором возможна Встреча как со-бытие и со-причастность, служащая к ограждению в духовной брани: «И не иначе можно оградиться от сего, как памятью о Боге непрестанной, — если в ком память Божия, напечатлевшись в сердце силою креста,

утвердить ум в непоколебимости» [6], — пишет Никифор Уединенник.

Прп. Ефрем Сирийский отмечает, что памятование о Боге пробуждает совесть в скорби о грехах: «Ибо терпение пробуждает память, а отречение (отказ так терпеть) умаляет мысленное мудрование сердца (к Богу устремление пресекает, обращая к земле) и чрез отраду (что сбросил тяжесть) производит забвение. Итак будем раздражать совесть и возбуждать в душе скорбь памятью о грехах, чтобы сделать ее достойною услышания, трезвенной, бодрственной, способною воплями своими достигнуть до небес» [6].

Обновление внутреннего человека — вот цель трудов подвижнических. «Будем желать пустыни не потому только, что она усыпляет страсти, но пожелаем, чтобы при недостатке чувственного и в удалении от всех, умудриться нам в ней, и чтоб обновился в нас внутренний, духовный о Христе человек, чтобы на всякий час быть нам наблюдателями над самими собою, и чтобы ум наш сделался бодрственным и охранял себя ежечасно и не похищалось у него памятование надежды его», — читаем мы в творениях Исаака Сирина [18, с. 300].

Память смертная становится предметом осмысления в трудах сирийских отцов, которые говорят о памятовании как иноческом служении: «Дела инока суть следующие: свобода от телесного, в молитвах телесный труд и непрестанное сердечное памятование о Боге. Будем всегда памятовать о смерти, и в сем помышлении приближаться к Богу сердцем своим» [18].

В памятовании о смерти человек «подлинно считает себя землей и пеплом, всех скуднее и нищетнее». Нищета духа и смирение — цель подвигов и содержательное наполнение топоса: «Стяжи чистоту в делах своих, чтоб озарялась душа твоя в молитве, и памятованием о смерти возжигалась радость в уме твоём» [18].

Христианская традиция определяет памятование о смерти как процесс умного делания, память смертную как результат подвижнических трудов и форму Благодати. В своем труде преподобные отцы пишут о трех способах ведения: «С того вре-

мени, как начинает человек различать зло от добра, и пока не изыдет он из мира сего, ведение души его пребывает в сих трех мерах. <...> Сии же меры у Отцов называются: естественное, противоестественное и сверхъестественное. И это суть три направления, по которым возводится и низводится *памятование разумной души*, когда, по сказанному, или по естеству делает кто правду, или *превыше естества восхищается ее памятованием, в созерцании Бога*» [6].

Памятование становится топологическим механизмом, формирует содержание топосов и способствует фиксации в запоминании содержательных характеристик топоса. Память смертная — это память о вечности. Блаж. Августин пишет о человеческой душе: «Она проходит через то, чему она внимает, и становится тем, что она помнит» [1]. Формирование образа в богословии Августина существенно связано с памятью и теми процессами, которые от нее зависят. Память — это безграничное пространство прошлого опыта, знаний, переживаний, а также тех впечатлений, которые мы получаем посредством внешних органов чувств. Впечатления, информация о внешнем мире попадает в память и остается в виде образов или понятий о предметах внешнего мира. Переживания и душевные состояния хранятся в памяти в виде воспоминаний, природа которых соответствует природе памяти. Бытие Бога мыслится также благодаря памяти. Напряжение души осуществляет акт перевода будущего в прошлое и тем самым силы человеческой души конституируют длящееся время. Душа человеческая живет памятью о жизни вечной. Знание о посмертном хранится в душе и становится содержанием культурного кода.

Блаженный Августин впервые говорит об отношении памяти к внешнему и внутреннему в человеке. В библейской традиции воспоминание воспринимается как реальное прикосновение своей душой к душе Другого. В этом прикосновении сила Божия вливается в душу Другого, дает силу к преодолению и борьбе.

Святоотеческие тексты хранят бесценные наблюдения, говорят о пристальной, глубокой интроспекции, позволяют проа-

нализировать становление топики подвига и подвижничества в период раннего христианства. Танатологическая топика подвижничества включает в топологическую схему топосы жертвы и духовного борения. Память определяет содержание топоса, памятование становится топологическим механизмом. Топос социальной смерти наполняется религиозным, христианским содержанием.

Императив эсхатологии интериоризируется, входит в духовный мир человека: «Когда же бывает в ведении духовном и в житии добром, тогда ум его всякий час занят памятованием будущего суда» [18, с. 200]. И если мнемонические схемы включают намеренное обращение к эйдетическим образам, спонтанно пробуждающим память, то памятование обращает к эсхатологическим образам.

Сегодня можно говорить о наличии когнитивного потенциала памятования, выражающегося в использовании образов, вызывающих воспоминания, восстанавливающих забытые мыслительные ходы. В святоотеческих трудах экспрессивная коллективная память устной традиции уступает место интроспективной личной памяти письменной культуры. Память, которую сначала понимают как повторение, в итоге воспринимается как воспоминание. В связи с чем можно утверждать, что порядок обращения к житийным спискам, повторение которого закреплено традицией годичного круга праздников, формирует канон памятования житийных героев, фиксирует последний в культурной памяти и актуализирует религиозное сознание в поминовении подвижников. Таким образом, память использует образы, вызывающие воспоминания, чтобы воскресить не только исчезающие типы и приемы мышления, но и состояние сознания.

Топика религиозного подвига и подвижничества формирует культурное пространство, в котором культурные топосы обладают духовным содержанием. Эсхатологическая проблематика становится смыслообразующей в парадигме христианского подвига. Эсхатологические мотивы, образы, сюжетные сцены

становятся содержанием топоса, создают топологическую схему, раскрывающую тематическое содержание жития.

3. Аналитика формы религиозной топики

Топосы также имеют свою пространственную ориентацию, они фиксированы в пространстве. Изначально аналитика формы осуществляется в границах у-топоса — не-места, которое является истоком философского конституирования времени [20, с. 13].

Содержание топоса — идея и образ, топологический механизм, основанный на памяти, памятовании и процессах запоминания и воспоминания, можно определить как мнемонический. В основе принцип фиксации идей в памяти путем связи с двойным антиномичным набором мест и образов, восходящий к мнемоническим практикам античности. В памятовании используются образы, вызывающие воспоминания, чтобы воскресить угасающие схемы мышления. С течением времени представление о памяти сменяется ее осмыслением как символической репрезентации прошлого, отраженной как в устной, так и в письменной традиции. Текстуализация коллективной памяти, в частности, с возникновением агиографии углубляет темпоральность сознания представителя письменной культуры, а это в свою очередь ведет к перестройке мнемонических схем, прежде воспринимаемых пространственно, в хронологические линии, исторические события, на которых служат мнемоническими местами. Значимые события из истории подвижничества становятся, таким образом, местами памяти, передающими схемам запоминания координаты, терминологию и культурные ориентиры [22, с. 271].

В пафосе памятования, актуализирующего потребность подтверждения связи с уходящим миром прошлого, наиболее органично представлено единство формы и содержания. Петербургский исследователь М. С. Егорова задает вопрос о том, как совмещается топики и догматическое содержание, какой «характер приобретает чувственный блеск формы в контексте аскетической „учительности“». По мнению исследователя,

характер топоса как мнемотехнической «рекреации» объясняется тем, что христианская культура базируется на памяти и памятовании [8].

Историческое исследование данного вопроса говорит, что процесс формирования топики находится в самом центре преобразований связи устной культуры с письменностью. И если в этой среде воображение и память, в сущности, заменяют друг друга, поскольку для них в равной мере характерна способность формировать образы, в которых прошлое, настоящее и будущее неразрывно связаны, то религиозный характер христианской устной и письменной культуры способствует формированию образов в памятовании, объединяющих память и Надежду в устремлении к Вечности.

Сведения о структуре, форме и содержании библейской топики мы находим в святоотеческой литературе. Так, этимология названия «Голгофа» позволяет рассматривать топоним как указание на главу первого человека [11, с. 144]. Топоним участвует в формировании топоса Голгофы, соединяющего религиозные смыслы двух традиций: ветхозаветной и новозаветной, находящие отражение в коммеморативных мотивах памятования места захоронения Адама и мотивах жертвы Христа. Петербургский исследователь Н. А. Липатов-Чичерин отмечает, что в сочетании со словами апостола Павла о Христе как новом Адаме (Рим. 5; 1 Кор. 15) этот образ Христа-главы при конкретно-осязательном восприятии выражений должен был вызывать мысли о естественной параллели главе нового Адама. Так топологический метод делает возможным анализ библейской топики на основе современных текстологических исследований. Автор, анализируя источники [7], отмечает: «Что касается апостола Павла, то он рассматривает Христа как второго, нового Адама, повернувшего вспять процесс отчуждения людей от Бога, поскольку для него как грехопадение Адама, так и победа Христа над смертью отразилась не на отдельной личности, а на всей человеческой природе». Так углубляется содержание библейского топоса. Неопределённость в указании на источники означает, что текст может относиться как к

письменной, так и к устной форме распространения предания. Коммеморативные мотивы позволяют прочесть текст Посланий Ап. Павла (Кор. 15:22) как сообщение о том, что Адам был первым, кто получил погребение. В первом известном нам богословском комментарии Оригена на предание о могиле Адама углубляется тема памятования через использование слова об умирании всех людей в Адаме и их оживании во Христе.

В группе коммеморативных мотивов особое место занимает мотив памяти. Сказание об Адаме на Голгофе определяется как некое сказание, которое сохраняется в Церкви *неписаной памятью*. В 324 г. Евсевий пишет: «И прежде всего он начал украшать священную пещеру, как некую главу всего. Она была *памятником*, исполненным *вечной памяти*, содержа в себе трофеи великого Спасителя над смертью, божественным *памятником*, пред которым излучающий свет ангел некогда возвещал всем возрождение, явленное Спасителем» [7].

Топика христианского подвижничества определена в пространстве. Тема скитаний, странствий — основная тема для безвестного скитающегося подвижника. Топос приобретает линейные пространственные характеристики, реконструирует архетипическую модель пути. Исследования коллективной памяти, ее характера и культурных ресурсов показывают, как однажды созданный типический образ парадоксально стремится к распространению во множестве новых конфигураций [22]. Однако если этот образ, в частности образ подвижника, связывается с мощными ментальными характеристиками, то в итоге он срастается с идеальным типом, типом странника в основе архетипической модели, смысловой доминантой которой становится идея пути. Идеал становится опорой формирования коллективной памяти, идеальное — основным ресурсом. Применительно к теме исследования мы можем говорить об образе подвижника, находящегося в пути как внешнем, так и внутреннем. Феодорит, епископ Кирский, отмечая противоречивость понятий *technicus terminus* места поклонения и места Бога, говорит, что подвижники (филофеи) проводят пустынноческую

жизнь, блуждают по пустыне для поклонения Богу не потому, будто они думают, что Бог ограничен местом [9].

Религиозное понимание пространства связано с представлениями о Боге как внепространственном Существо. Царство Небесное — это Царство Вечности, лишённое не только временных, но и пространственных измерений. Архим. Софроний (Сахаров) пишет: «Вечность беспространственно включает в себя все просторы мироздания». Получая в молитве опыт выхода из времени в вечность, святой вместе с ним обретает и опыт внепространственного способа существования, опыт выхода из физического пространства. Топика подвига предполагает выход из пространственности или переход в духовное, умопостигаемое пространство, смену профанного места на священный топос, указанный Самим Богом.

Задача наполнения абстрактных форм уникальным содержанием связана с попытками возродить ощущение гармоничного целостного мира. Тогда как в профанном стали значимы тенденции структурирования абстракций и культивирования пустоты. Реакция на преодоление абстракций, а значит и преодоление пустоты реализуется в неклассическом мотиве символического наполнения пустых форм [20, с. 18]. Когда исходный принцип «imitatio» теряет абстрактность, топос становится отыменным. С именем подвижника отныне связано как определенное место в пространстве, так и определенные смыслы.

Имплицитная коммеморация [24, с. 534], то есть связь людей с прошлым посредством ритуалов, соотносит память о подвижнике с сакральными местами прошлого — местами совершения подвигов, сотворения чудес, смерти героя. Таким образом, через пространственное сопричастие с прошлым происходит и духовное, эмоциональное взаимодействие с ним. Так в топике подвига реализуется принцип цельности, когда в каждой частности дана интуиция целого, а в реальности нет ничего внешнего, условного, пустого. В воплощении творящий стремится к совершенству формы. Придание формы не тождественно объективации, оно эсхатологично [3, с. 266]. Трансцендирование ориентировано на то, что называется пу-

стыми формами [13]. Раскрытие трансцендентного, трансцендирования осуществляется в разнообразных тематизациях, пониманиях и трактовках. Для нас особенно важно выделить следующие позиции: в онтологическом срезе: трактовка трансцендентного как запредельного по отношению к бытию; в гносеологическом ключе: интерпретация трансцендентного как преодолевающего границы определенного вида или уровня познания, как выходящее за пределы всякого опыта человека. Для подвигов свойственен уход из места, наполненного славой «от человек», к месту, которое наполняется Славой Божией. В данном случае слава человеческая в профанном, вне сакрального не несет духовных смыслов, способных наполнить топос, который так и остается «пустым» топосом. В свою очередь, «пустой» топос, становясь местом подвига, наполняется духовными смыслами.

Воспоминания увековечены в фиксированных формах, в частности, в текстах, где и происходит их соотнесенность. Так образ подвига, зафиксированный устной традицией на этапе запоминания, соотносится с агиографическим текстом — житием подвижника. Мы можем говорить об истории изменений образов, представленных в коммеморативных формах (формах памятования) и являющихся содержанием топоса. Образ подвижника, представленный в тексте жития и иконе, становится содержанием топоса. В качестве отдельных репрезентаций, зафиксированных в иконографии и религиозном дискурсе, образы памяти предстают как свидетельства усилий к обретению формы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Аврелий Августин*. Исповедь. М., 2007. Кн. 11. Разд. XX.
2. *Бердяев Н. А.* Философия свободного духа. М.: Республика, 2004. С. 14.
3. *Бердяев Н. А.* Царство Духа и царство кесаря. М.: Республика., 1995., С. 266.
4. *Бердяев Н. А.* Я и мир объектов // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. С. 246.

5. *Бирюков Д. С.* Образ, подобие, платонизм и христианство // Подобие и подражание в средневековой культуре. СПб.: изд-во СПбГУ, 2009. С. 40.
6. Добротолюбие. М.: Изд-во Сретенского монастыря. 1995. В 5 Т.
7. *Евсевий // Евсевий Памфил, еп. Кесарии Палестинской.* Жизнь блаженного Василевса Константина // см. Eusebius Caesariensis, Vita Constantini 3.33.3–34 (Eusebius Werke I/1: Vita Constantini / Ed. by F. Winkelmann. Berlin: Akademie-Verlag, 1975 (GCS 7). P. 99.19–100.2. CPG 3496).
8. *Егорова М. С.* Топика в агиографии и гимнографии: «живоносная мертвость» и «живые мертвецы» средневековой русской традиции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (69). 2017.
9. *Кирский Феодорит, блаж.* Сокращенное изложение божественных догматов. М. 2004.
10. *Комаров С. В.* Различие как событие: возможность мышления // Вестник Пермского Университета. 2012. Философия. Психология. Социология. Выпуск 2 (10).
11. *Липатов-Чичерин Н. А.* Предание о погребении Адама // Источниковедение культурных традиций Востока. Сборник. СПб.: Ин-тут иудаики, 2016. С. 144.
12. *Литвин Т. С.* Подобие и образ в философии Августина // Подобие и подражание в средневековой культуре. СПб.: изд-во СПбГУ, 2009. С. 57.
13. *Мамардашвили М. К.* Вильнюсские лекции по социальной философии (опыт физической метафизики). М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2018.
14. *Мануссакис Дж., арх.* Бог после метафизики. Киев: Дух-и-литера. 2014.
15. *Ж.-Л. Марион.* Насыщенный феномен // Постфеноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами. М.: Академический проект. 2014. С. 63 // см. Marion, Jean-Luc. «La Banalite de la saturation» In *Le Visible et le revele*, 143–182. Paris: Cerf, 2005.
16. *Нисский Григорий.* Избранные творения / сост. диак. А. Гуреров. М., 2007.

17. *Синаит Григорий*. О безмолвии и молитве // Добротолюбие. М., 1995. Т. 5. С. 237.

18. *Сирин Исаак*, *прп.* Слова подвижнические. М., 2008. С. 300.

19. *Соколов Б. Г.* Тематизация дисциплинарного пространства культурологии // «Symposium» №11, 2001.

20. *Файбышенко В. Ю.* Пустая форма и начало истории: трансцендентальная философия рождения у Мераба Мамардашвили // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. II, № 4. С. 13–31. См. Мамардашвили М. К. Вильнюсские лекции по социальной философии (опыт физической метафизики). М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2018.

21. *Хайдеггер. М.* Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997.

22. *Хаттон Патрик*. История как искусство памяти. Пер. В. Ю. Быстров. СПб.: Вл. Даль, 2004, С. 263.

23. *Хоружий С. С.* К феноменологии аскезы. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. С. 352.

24. *Шуб М. Л.* Современные коммеморативные практики: воспитательный и образовательный потенциал // Челябинский гуманитарий., Челябинск. 2016., № 3 (36) см. Durkheim E. (1990). Les formes elementaires de la vie religieuse. Paris: PUF p. 534.

25. *Яковлева Л. Ю.* Механизмы символизации времени и пространства в искусстве XX века. Автореферат диссерт. исслед. 2016.

Раздел II.
ФИЛОЛОГИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 82-1/29

Зуйков А. А.

студент 3-го курса бакалавриата
Калужской духовной семинарии
e-mail: zuikov95@yandex.ru

Zuikov A. A.

3th year undergraduate student
Kaluga Theological Seminary
e-mail: zuikov95@yandex.ru

**ОБРАЗ СЯГОГО ПРАВЕДНОГО ЛАВРЕНТИЯ И
ЛАВРЕНТЬЕВА МОНАСТЫРЯ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ**
(Доклад на VI Свято-Лаврентьевских чтениях, 28 декабря 2019)

**THE IMAGE OF THE HOLY RIGHTEOUS LAWRENCE AND
THE LAVRENTIEV MONASTERY IN RUSSIAN POETRY**
(Report at the VI St. Lawrence Readings, December 28, 2019)

Аннотация. В данной публикации анализируется образ св. Лаврентия в русской духовной поэзии конца XIX столетия. В статье разбираются произведения, вышедшие в печать в Калужских епархиальных ведомостях. Авторами их были представители духовенства Калужского края: протоиерей С. Всесвятский, епископ Калужский и Боровский Макарий (Введенский), архимандрит Арсений (Зерченинов).

Abstract. This publication analyzes the image of St. Lawrence in

Russian spiritual poetry of the late XIX century. The article examines the works published in the Kaluga Diocesan Gazette. Their authors were representatives of the clergy of the Kaluga region: Archpriest S. All-Holy, Bishop Makariy (Vvedensky), Archimandrite Arseny (Zercheninov), Bishop of Kaluga and Borovsky.

Ключевые слова: Св. Лаврентий, Калуга, Свято-Лаврентьев монастырь, поэзия, литературоведение.

Key words: St. Lawrence, Kaluga, St. Lawrence Monastery, poetry, literary studies.

Святой праведный Лаврентий, живший в начале XVI века, является одним из святых покровителей города Калуги. О его жизни, о его подвиге юродства Христа ради известно мало подробностей. Точно мы можем сказать лишь то, что он имел крепкую веру в Бога и любовь к своему земному Отечеству, к городу Калуге и калужанам. Вера блаженного Лаврентия обнаруживается в его беззаботной жизни, добровольной нищете ради Бога и постоянной к Нему молитве. А заботу его о своем городе иллюстрирует известный случай чудесного заступничества за калужского князя Симеона, когда святой Лаврентий помог ему одолеть татар. Существуют письменные свидетельства о том, как блаженный Лаврентий после своей кончины неоднократно являл благодатные исцеления страждущим людям, с верою приходящим к его раке.

На месте хижины Калужского чудотворца, на месте храма Рождества Христова, который находился рядом с этой хижинной, вскоре после кончины святого был основан монастырь, названный его именем. За историю своего существования Лаврентьев монастырь подвергался разорению, восстанавливался, служил местом обучения семинаристов, сделался местом упокоения многих почетных горожан города Калуги.

После 1917 года практически все монастырские постройки и многочисленные надгробия некрополя были уничтожены, а в настоящее время Лаврентьев монастырь находится в процессе восстановления. Однако и теперь прежний вид цветущего монастыря мы можем представить себе, просматривая его старинные фотографии и изучая его описания по свидетельствам ранее живших людей.

В данной статье предпринимается попытка осветить образ праведного Лаврентия Калужского и дореволюционный образ монастыря, носящего его имя, который был явлен в стихотворениях конца XIX столетия. Большинство этих стихотворений выходило в печать в журналах Калужских Епархиальных Ведомостей, — одного из старейших епархиальных журналов Русской Православной Церкви. При рассмотрении стихотворений основное внимание обращается не только на художественные особенности, то есть на «специфику языковой личности автора» [1, с. 120], но, прежде всего, на то, каким предстает в поэтических текстах святой и его монастырь.

И первое стихотворение, которое мы можем рассмотреть, было опубликовано в двенадцатом номере журнала Ведомостей за 1891 год. Написано оно неким протоиереем С. Всесвятским, и начинается это стихотворение такими словами:

Прошло уж несколько столетий,
Когда жил праведный Лаврентий;
Топорик на плече носил,
И подаяния просил...

На момент написания стихотворения действительно прошло уже более трехсот лет со дня кончины Калужского чудотворца. Мы видим, как автор упоминает о том, что святой Лаврентий носил на своем плече топор и просил подаяния. Этот образ соответствует житию праведного Лаврентия, соответствует его старинным изображениям на иконах, где он показан в виде босого нищего человека с топориком на длинном топорнице. Архимандрит Леонид (Кавелин) — русский историк и богослов XIX века, в своем «Описании Калужского Лаврентиева мо-

настыря» говорит: «На древних иконах, хранящихся в церквях и домах Калужской области, Праведный Лаврентий благоговейно изображается босой, как ходил он зиму и лето, в рубахе, портах и овчине, с секирою, насаженною на длинное древко» [2, с. 11].

Далее в этом стихотворении говорится о том, что Лаврентьев монастырь появился именно после кончины святого, а не раньше того, поскольку основан он был «на пустыре». Еще говорится здесь, что в былое время 10 августа (по старому стилю), в день преставления блаженного, в этот монастырь ежегодно собиралось множество верующих калужан:

...Стоит Лаврентьев монастырь,
Где прежде был один пустырь.
Тут в день памяти святого
И в Вознесение Христово
Со всей губернии идет
Простой и набожный народ...

Архимандрит Леонид также упоминает, что в день памяти Калужского чудотворца совершалось в Лаврентиевом монастыре особенное торжество. «В этот день, — пишет он в своей книге, — бывает сюда из кафедрального собора с иконами из всех городских церквей крестный ход при многочисленном стечении народа. Другой подобный же ход бывает сюда в день Вознесения Господня, который ныне почитается храмовым главным праздником обители» [2, с. 11]. С художественной точки зрения здесь употребляются эпитеты (определения), которые характеризуют прихожан — «простой и набожный народ», тем самым подчеркивается, что монастырь привлекал к себе и простых людей, вера которых была также проста, но крепка.

Другое стихотворение, изданное в восемнадцатом номере журнала Калужских епархиальных ведомостей от 1896 года, имеет следующее название: «Архиерейская беседка в саду Лаврентиева монастыря». В подписи автора мы видим только две буквы: «Е. М.». Можно предположить, что этот стих написал епископ Макарий (Введенский), бывший епископом Калуж-

ским и Боровским с 1895 по 1901 год. Начало стихотворения звучит так:

В саду беседку я устроил
Среди деревьев вековых;
И тем мой дух я успокоил
От впечатлений мира злых.

В целом это произведение говорит нам о том, как хорошо иногда проводить время в тихих и уединенных местах, вдали от городской суеты. Более того, в приведенных строках указывается, что герой в уединении успокаивается «от впечатлений мира злых», что напоминает нам стихи Священного Писания, а именно — Послания святого апостола Иоанна: «весь мир лежит во зле» (1 Ин. 5:19). Таким образом, видно, что автор стихотворения хорошо знаком со Священным Писанием, так как не раз использует такие скрытые цитаты. Автор говорит, что Господь таинственным образом призывает всякого человека к вечности, и этот призыв особенно отчетливо ощущается человеком, когда он находится далеко от житейского шума:

Житейским шумом заглушаем
Мы часто этот чудный зов
И даже вовсе забываем
О нем среди греховных наших слов.
Но вот в местах уединенных
Такой призыв слышнее нам
И в мыслях, чувствах умиленных
Бываем ближе к Богу там.

В этих строках стихотворения снова содержится скрытая отсылка к библейскому тексту, теперь уже Евангельскому. Строки «Житейским шумом заглушаем...» напоминают притчу Христа о сеятеле, а именно о тех семенах, которые были заглушены тернием, то есть заботами мира сего, «житейским шумом» (например, Мф. 13:3–23). То есть здесь мы вновь видим неявные отсылки ко Священному Писанию, что подтверждает возможность создания стихотворения епископом Макарием,

который, несомненно, очень хорошо знал священные тексты. Сам сад, в котором располагалась упоминаемая архиерейская беседка, получил основание из дикой рощи преосвященным Евлампием (Введенским), а при его преемниках — епископе Евгении и епископе Антонии был окончательно благоустроен.

Ещё одно стихотворение, под названием «Лаврентьев монастырь», было подписано тем же автором и издано в 24 номере журнала Ведомостей того же 1896 года. Вот его первые два четверостишья:

Хранитель Калуги! Лаврентий блаженный!
Отраднa для сердца обитель твоя;
Доселе витает твой дух сокрушенный
Под сводами храма и в кельях ея.

Доселе пещера, где ты подвизался;
Превнятно всем верным пришельцам гласит,
Как, Богу предавшись, ты мира чуждался;
Она о трудах твоих всем говорит.

Из жизнеописания святого Лаврентия мы знаем о том, что этот праведник сам прокопал подземный ход от своей хижины к храму, чтобы незаметно ходить к нему во время богослужений. Поэтому, говоря о пещере, в которой подвизался смиренный богомолец, автор стихотворения говорит:

Из этой пещеры, для всех потаенной
Твой слух проникал в час служенья во храм,
И в небо всходил ты душой умилённой
И часто ты с Богом беседовал там.

Также в этом стихотворении упоминаются чудеса, происходившие у подспудных мощей блаженного Лаврентия. Известно, что у раки святого получали исцеления бесноватые, пораженные расслаблением и другими болезнями.

Здесь мощи твои, почивая под спудом,
Чудес источают целебный бальзам,
Поток благодати чрез них неоскудный

Всещедрый Господь проливает всем нам
И всякий, кто с верою к ним припадает
И просит молитвы пред Богом твоей,
Все скорби и беды тотчас побеждает
И мирен становится в жизни своей...

В таких выразительных словах отзывается автор произведения о благодатной помощи, которую являл Господь у раки праведного Лаврентия. Интересно, что в этом стихотворении активно используются слова «высокого стиля», церковнославянизмы, что связано с тематикой стихотворения: слова «отрадный», «доселе», «подвизаться», «чуждаться», «превнятно», «всходить», «неоскудный», «всещедрый», «мирен» указывают на то, что предмет изображения — святой, отрекшийся от этого мира. Более того, некоторые из приведенных слов используются и в богослужебных текстах, и это тоже связано с тем, что в стихотворении описывается святой и его подвиг.

Иное стихотворение, которое начинается словами «Средь леса, на холме, обитель...» было напечатано в 1899 году. Оно содержит в себе упоминания не столько о праведном Лаврентии, сколько о принадлежностях и окрестности его монастыря. Например, здесь упоминаются монастырские захоронения с мраморными памятниками:

Вкруг храма Божьего гробницы
Могилы разные вершат;
Супруги, юноши, девицы,
Там смерти сном глубоким спят.
И хладный мрамор возвещает,
Кто жил на свете и когда,
Их воскресенье ожидает, —
Проснутся все они тогда.

Соборный храм Лаврентьева монастыря действительно со всех сторон окружен кладбищем. Монастырская земля стала местом упокоения Ермила — «одного из подражателей образа жизни и подвигов св. Праведного Лаврентия» [2, с. 70], игуме-

нии Агнии — настоятельницы Калужского Казанского монастыря, монастырской братии, почетных Калужских граждан и других духовных и светских лиц.

Далее, в следующих строках, автор, наблюдая с холма, описывает особенности здешней природы:

Вот близ меня большой овраг,
На дне его журчит ручей,
Невольный он наводит страх,
Звучит, как будто голос чей.
Внизу роскошные долины,
Направо виден темный лес,
Левой, холмов крутых вершины, —
Над всем лазурный свод небес.

Для сравнения можно привести описание вида окрестностей обители святого Лаврентия, предложенное в книге архимандрита Леонида 1891 года. Он говорит, что монастырь, окруженный глубокими рвами и деревьями, замечателен «своим очаровательным, весьма красивым местоположением, по видам, открывающимся из сада» [2, с. 5]. Если же наблюдать на монастырь с западной стороны, со стороны городского бора, то, по словам архимандрита Леонида, взору представляется «полукруглая, довольно высокая гора, покрытая сплошь от подошвы до вершины развесистыми деревьями, из среды коих виднеются глава соборной церкви и верх величественной колокольни. У подошвы горы по зелени лугов извивается серебряной лентой речка Яченка, которая у монастырской мельницы расширяется в небольшой пруд, а вверх по течению теряется в ущелье, образуемом монастырской горой и противоположным ей возвышением, где также тянется густой лес» [2, с. 8].

Последнее стихотворение, о котором хотелось бы упомянуть, было сочинено архимандритом Арсением Зерчениновым и называется «Взгляд на Лаврентьевский монастырь». Оно довольно пространно по сравнению с предыдущими стихами. В нем также упоминаются красота монастырской местности, чудеса святого Лаврентия, описание монастырских построек. Осо-

бенно подробно описываются надгробные памятники и люди, которым они принадлежат. Здесь снова мы можем встретить имена Ермила и игуменьи Агнии, над могилами которых раньше были устроены небольшие каменные часовни. Мы можем видеть, с каким уважением простой народ относился к этим людям в прошлом, читая следующие строки данного стиха:

Лет уж триста почивают
Мощи одного простца
По названию Ермила,
Вера в лик его вчинила
Удостоенных венца;
Город весь и вся округа
Посещают гроб его.
В каплице другой лежит
Агния Агнцеподобна,
И смиренна, и беззлобна,
Вера и ее блажит;
Ею стадо упасёно.

Итак, прочитывая поэтические отрывки, связанные с праведным Лаврентием и его монастырем, мы можем составить себе яркое представление жизни святого, можем представить вид и устройство монастыря до его разрушения. Сравнивая содержимое строк стихов с историческими фактами, мы найдем полное соответствие. Мы найдем, что в приведенных стихах не содержатся какие-либо выдумки, но подлинные и достоверные свидетельства, под впечатлением которых и рождались вдохновенные поэтические строки. Хотя в годы революции совершались попытки осквернить и уничтожить память о святых местах нашей родины, но изучение истории, изучение свидетельств людей о том, что они видели и чувствовали, помогает нам живо представить себе картину прошлого.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Казарин Ю. В.* Поэзия и литература: Книга о поэзии. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017.
2. *Леонид (Кавелин), иером.* Историческое описание Калужского Лаврентиева монастыря, нынешняго Калужскаго архиерейскаго дома и принадлежащей к оному Крестовской церкви. Типография А. М. Михайлова, Калуга, 1891.

Раздел III. ИСТОРИЯ

УДК 929

Протоиерей Сергей Третьяков
кандидат богословия,
проректор по учебной работе
Калужской духовной семинарии,
доцент кафедры библейских
и богословских дисциплин
e-mail: tresergius@mail.ru

Archpriest Sergiy Tretyakov
candidate of Theology
vice-rector for educational work
of Kaluga Theological Seminary,
associate professor for the Chair
of Theological and Biblical Studies
e-mail: tresergius@mail.ru

**КАЛУЖСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ ПРИ
МИТРОПОЛИТЕ ПЛАТОНЕ (ЛЕВШИНЕ)**
(Доклад на VI Свято-Лаврентьевских чтениях, 28 декабря 2019)

**KALUGA THEOLOGICAL SEMINARY UNDER
METROPOLITAN PLATON (LEVSHIN)**
(Report at the VI St. Lawrence Readings, December 28, 2019)

Аннотация. Публикация посвящена начальному периоду истории Калужской духовной семинарии, когда еще не была основана Калужская епархия, а сама духовная школа располагалась на территории Лаврентьева монастыря. В означенный период Калуга

входила в Московскую епархию, а Калужская семинария находилась в ведении Московского митрополита Платона (Левшина).

Abstract. The publication is devoted to the initial period of the history of the Kaluga Theological Seminary, when the Kaluga diocese was not yet founded, and the theological school itself was located on the territory of the Lavrentyev Monastery. During this period, Kaluga was part of the Moscow diocese, and the Kaluga Seminary was under the jurisdiction of Metropolitan Platon (Levshin) of Moscow.

Ключевые слова: Православие, Русская Православная Церковь, Калужская епархия, духовное образование, Калужская семинария.

Key words: Orthodoxy, Russian Orthodox Church, Kaluga diocese, spiritual education, Kaluga seminary.

Калужская духовная семинария в качестве училища была открыта еще до учреждения Калужской епархии, когда последняя входила в состав Московской, и Калуга была вторым кафедральным городом. 15 сентября 1775 года Екатерина Великая прибыла в Калугу в сопровождении тогда еще архиепископа Московского и Калужского Платона (Левшина). В осенний период упомянутого года и было решено открыть духовное училище в Калуге. В ризнице Свято-Троицкой Сергиевой Лавры хранится подлинник автобиографии митрополита Платона, написанной им собственноручно в двух рукописях. Для нашего периода важна первая, № 121 (до 1799 г.), которая, как и вторая, неоднократно издавалась. Вот что говорит учредитель семинарии в своей автобиографии: «Находя в Перервинском монастыре доходы немалые, издерживаемые едва на что полезное, и между рук уходящие, по указу Императрицы в 1775 году устроил там училище... В том же году завел малые училища в Калуге в тамошнем Лаврентьеве монастыре и испросил у Императрицы на каждое из сих училищ, для содержания учителей

и бедных учеников, по 300 р.¹ в год» [1, с. 39–40]. Из Калужских епархиальных ведомостей, а также труда Дмитрия Ивановича Малинина мы узнаем, что первоначально Калужское училище размещалось в казенном доме [13; 8, с. 122] на Жировке², пока, вероятно, готовилось помещение для него в Лаврентьевском монастыре.

В следующем 1776 году митрополит Платон вторично посетил Калугу по случаю открытия в ней 24 августа наместничества. Плодом этой поездки, как отмечает иеромонах Леонид (Кавелин) в своей «Истории Церкви в пределах нынешней Калужской губернии», было образование при Лаврентьевском монастыре духовной семинарии [7, с. 151], в которой обучались уже 120 человек [9, с. 2]. Итак, будущая семинария недолго пробыла в первоначальном помещении на Жировке. Если считать со времени визита Екатерины II, не более года.

Священник Гергиевской за верхом церкви Иоанн Остроглазов в своей «Речи, произнесенной в торжественном собрании по поводу исполнившегося столетия Калужской епархии» подчеркивает, что касается собственно калужского края, то здесь правильно организованных (духовных — *авт.*) школ до последней четверти прошедшего столетия (речь о XVIII в. — *авт.*) вовсе не было. На этот недостаток впервые обратил внимание митрополит Платон» [9, с. 2].

Автор краткого исторического очерка о Калужской духовной семинарии Ф. Соколов в Калужских епархиальных ведомостях за 1902 г. особую роль митрополита Платона объяснял рядом обстоятельств, что, во-первых, «духовные школы того времени находились в полном распоряжении епархиальных архиереев,

¹ Для сравнения: в 1775 г. на один рубль можно было купить 27 килограммов мяса или рыбы 1 сорта (стерлядь, белуга) или 48 килограммов ржаной муки, а также проехать 100 верст (примерно 200 километров) в почтовой карете.

² Западная часть современной улицы Салтыкова-Щедрина, недалеко располагались утраченные ныне церкви Спаса Преображения и святителя Николая на Жировке.

все направление хода учения и вся учебно-воспитательская постановка дела в семинариях зависели от взглядов и вкусов начальников школы — епископов» [12, с. 545]. А во-вторых, Калужская семинария в начале своего существования имела во главе знаменитейшего архипастыря... человека просвещеннейшего, любившего науку и образование» [12, с. 545; 11, с. 130–131].

Известно, что митрополит Платон был ректором Славяно-латинской академии и преобразовал ее в Славяно-греко-латинскую, имел попечение о Тверской семинарии, основал и до конца своих дней заботился о семинариях при Николо-Перервинском и Спасо-Вифанском монастырях [2, с. 10–11] и «сделан он был указом Св. Синода полным директором и протектором даже Московской академии» [12, с. 545].

Однако из изученных нами источников несложно сделать вывод, что митрополит интересовался, вникал и близко принимал к сердцу жизнь не только академии, но и низших духовных школ. Он лично следил за ходом учебно-воспитательного процесса, поощрял наставников и учеников и входил в мельчайшие подробности жизни школы. Доказательства тому мы представим в дальнейшем тексте доклада.

Важно отметить, что, как и все основанные митрополитом Платоном семинарии при обителях, Калужская расположилась в Лаврентьевском монастыре. Думается, это не случайное совпадение: во-первых, там всегда удобнее и легче всего найти подходящее помещение, во-вторых, как он сам говорил, это способствовало тому, чтобы средства монастырские «не издерживались едва на что полезное и между рук не проходили», а в-третьих, шло на духовную пользу учащим и учащимся.

Общая парадигма организации и взаимодействия духовных школ была следующая. Московская академия имела право надзора над семинариями; последние ежемесячно должны были представлять академическому начальству рапорты о порядке обучения и списки воспитанников с их успеваемостью. Достоянейшие из них переводились в академию, по предварительном испытании учителями академии, и поступали в тот или другой

класс сообразно со степенью познаний, которые они показали на экзамене. Сумма на содержание семинарии отпускалась два раза в год и к концу года ректор академии проверял приходно-расходные книги. Избранием наставников для семинарий занималась администрация академии, а затем предложенные кандидатуры утверждались митрополитом Платоном. Как правило, учителями семинарий становились выпускники академии, причем направлялись в основном в ту семинарию, откуда поступали.

В Калужской семинарии в рассматриваемый период было только два класса: высший грамматический и нижний грамматический. В 1782 году в высшем грамматическом классе учителем упоминается Николай Марков, в 1783 году его сменил иерей Иоанн Михайлов, клирик Свято-Троицкого собора, а в 1785 году был направлен из Московской академии Иван Воздвиженский, пробывший до 1789 года, когда приехал из академии новый учитель Никита Аристархов. В нижнем грамматическом классе с того же времени встречаем первым учителя Федула Флерова, а в 1786 году из академии был прислан на его место Гурий Ветошкин. Последний пробыл до мая месяца 1788 года. В приходно-расходной книге предыдущего года митрополитом Платоном при прибавке жалованья учителям касаясь его было написано: «Ветошкину прибавить или от должности уволить, игумену предоставить». Ветошкин был уволен, а на его место определён Афанасий Беляев, которого сменил Семен Зверев³. В 1798 году митрополит Платон назначил в семинарию ревизию, по результатам которой Никита Аристархов и Семён Зверев были уволены, а на место их были утверждены для высшего грамматического класса студент богословия Сергей Лавров, а для низшего — студент философии Александр Корсаковский. Кроме этих двух учителей главных классов был ещё третий, так называемый певческий учитель, назначаемый обычно из пономарей или диаконов г. Калуги [12, с. 577–578].

³ Судя по краткой биографии данного учителя, отождествить его с протоиереем Троицкого кафедрального собора, носящего то же имя, не представляется возможным.

Жалованье учителям назначал митрополит Платон, и выдавалось оно один раз в триместр. Учитель высшего грамматического класса получал 60 рублей в год, низшего грамматического — 45 рублей, и певческий учитель от 9 до 12 рублей в год. Проживали учителя в казенных квартирах семинарского корпуса, которые были пристроены с правой стороны к настоятельским кельям, — позже архиерейскому дому в Лаврентиевском монастыре, где расположились дровяник и каменная квасоварня [6, с. 35]. Дрова учителя заготавливали сами, а иногда на дрова выдавались средства, как, например, учителю Ветошкину — 4 рубля в год. Певческий учитель жил в помещении при церкви, к которой был определен как церковнослужитель. Кроме того, учителя главных классов получали ежегодно прибавку к жалованью: от 5 до 10 рублей. Возраставшая дороговизна жизни, ежегодно отмечавшаяся в приходно-расходных книгах семинарии, заставила ревизора — Лужецкого архимандрита Серафима — просить преосвященного для вновь назначенных учителей увеличить оклады: учителю высшего грамматического класса до 85 руб. в год, а низшего — до 70 руб., на что митрополит согласился [12, с. 578–579].

Святитель Филарет Московский, поступив в Троицкую семинарию в 1800 году, отмечал, что «семинария эта славилась знанием латинского языка, и славу эту поддерживали калужане, бывшие хорошими латинистами. С учреждением семинарии в Калуге отошли в нее некоторые лучшие знатоки латинского языка, и латынь стала у них — в Троицкой семинарии — падать» [5, 14–15]. Это говорит о том, что Калужская духовная школа в ранний период своего существования (до 1799 г.) давала глубокие знания латинского языка своим воспитанникам.

Особое внимание митрополит Платон уделял пополнению библиотеки. На собственном примере он знал, что такое учиться без учебника или пособия: «Не было грамматики греческой, купить было не на что; да и учить было некому. Но чего не преодолевает горячее прилежание и тщание? Выпросил на время у товарища грамматику греческую на латинском языке, сочинённую архимандритом Варлаамом Лащевским, и оную

всю переписал, чрез то и писать по-гречески изучился, как бы срисовывая буквы греческие с печатных» [4]. Сохранилось множество свидетельств, что при нем библиотека была значительно укомплектована учебной и иной необходимой литературой. В Российском Государственном историческом архиве сохранилась опись книг библиотеки Калужской семинарии, приобретенных при митрополите Платоне: «№ 671 — прописи — расположенные по правилам руководства к чистописанию, СПб, 1782 г.;

№ 642 — руководство к прописям, СПб, 1785 г.; № 666 — Новая азбука для научения чистому письму двух почерков, М., 1781 г.; № 626 — Правила для учащихся, 1786 г.; № 600 — Российский букварь, СПб, 1784 г.» [10, л. 74]. Не лишним будет здесь отметить, что и сам митрополит был автором ряда учебников. Например, именно по его учебнику изучался Катехизис.

Находя сумму в 300 рублей серебром, выхлопотанную у императрицы Екатерины, недостаточной, и принимая во внимание ограниченные средства Свято-Лаврентьева монастыря, он регулярно пополнял казну из других источников. Так, например, в 1792 году из доходов Перервинского монастыря приписано по резолюции митрополита дополнительно 50 рублей на содержание семинарии. В 1797 году при указе из Московской духовной консистории 46 рублей 20 коп. [12, с. 546].

Митрополит был недоволен тем фактом, что на ремонт семинарии тратились семинарские суммы. Когда первый смотритель семинарии архимандрит Никодим показал в 1784 году в приходно-расходной книге потраченными из семинарской суммы 300 рублей на покрытие для дров семинарских сарая, починку оконниц во всех окнах и проч., то митрополит Платон написал такую резолюцию: «А как усмотрено, что и некоторое строение и починка в строении употреблялась из сей суммы (семинарской), то сего вперед не делать, а употреблять на то из штатной или сверхштатной монастырской суммы, способствуя чрез то общей пользе и недостаткам семинарии» [12, с. 547]. Заметим, что штрафные деньги со священно-церковнослужителей также следовало передавать

в семинарскую бухгалтерию. Однако за все описываемое время в документах имеется одно только указание на три рубля, поступивших как штраф с благочинного священника Знаменской церкви г. Калуги Ивана Григорьева за ложное в бытность его представление на священника села Ахлебинина, якобы он жаловался на сына своего, дьячка Алексея, обвиняя его «не в послушании и отлучках от церкви» [12, с. 547].

Как мы уже поняли, главный надзор над семинарией вверялся настоятелю Лаврентьева монастыря, которому платилось «за присмотр» 12 рублей в год, а в 1786 году выдано только 6 рублей. За период с 1772 — 1799 гг. по документам семинарского архива упоминается два архимандрита монастыря, бывших начальниками Калужской семинарии, а именно: с 1783 года Никодим и с 1787 года — Феофан, сначала игумен, а с 1798 года — архимандрит. Управляли они семинарией на основании инструкции, подписанной архиепископом Московским Платоном в 1779 году. Эта инструкция опубликована и гласит следующее: «Лаврентьевскому архимандриту Никодиму иметь смотрение над Калужской семинарией в том, 1) чтобы учение происходило по учрежденному порядку, 2) надзирать над учителями, дабы в должности своей были рачительны и в школах в назначенные часы и также и в церкви, когда должно, неотменно были, 3) чтобы отпуск семинаристов домой, также и представления об исключении неспособных из семинарии были с рассмотрением его, архимандрита, 4) сумму семинарскую принимать и содержать правящую префектовскую должность на определенные расходы, а чтобы она порядочно была употребляема, архимандриту своим рассмотрением в оное входить, 5) ему ж, архимандриту, наблюдать, чтобы бурсаки пристойно назначенной суммой содержаны были, 6) вновь семинаристов принимать правящему префектовскую должность с ведома архимандрита, 7) ему же, архимандриту, каждую треть экзаменовывать семинаристов и каким кто окажется присылать нам рапорты, 8) если бы по всему вышеписанному оказался в чем непорядок, то ему, архимандриту, то отвращать; иного

подлежит увещанием исправлять, а если бы за всем тем, что оказалось, что он собою исправить не может, о том нам представлять» [3, л. 1].

Казалось бы, появление инструкции, упорядочивающей учебно-воспитательный процесс, должно было способствовать поступательному развитию духовной школы, однако произошло на первых порах иначе. За пять лет, с 1778 по 1783 гг. утеряны были приходно-расходные книги, много книг пропало из семинарской библиотеки. Прибывшая по благословению митрополита Платона в 1787 году комиссия не нашла ни книг, ни приходно-расходной документации, ни злого умысла со стороны о. Никодима: «за не отысканием приходо-расходной книги до истины дойти трудно и никакого решительного мнения положить невозможно» [12, с. 549]. В итоге архимандрит Никодим был переведен настоятелем Лихвинского Доброго монастыря, а «смотрение» за семинарией поручено было новому игумену Лаврентьевого монастыря Феофану. Этот смотритель был человек строгий, любил наблюдать порядок во всем, а особенно следил за нравственностью учеников, которые обязаны были неопустительно посещать храм Божий в воскресные и праздничные дни, а в посты сверх того по средам и пятницам. Взыскания за леность и шалость были умеренные и зависели непосредственно от смотрителя; самоуправство учителей допускать не было. Вообще смотрителя архимандрита Феофана боялись и любили за то, что он сам входил во все подробности ученического быта [6, с. 27].

По свидетельству историка-краеведа Малинина, ученики поступали в семинарию от 8 до 14 лет, а оканчивали 15–19 лет. В 1796 г. обучались 293 ученика. Любопытна их аттестация и судьба: выключены «за непонятием» — 26, учения «средственного» — 38, «не худого» — 108, «хорошаго» — 69, «к учению надежных» — 12, за нехождением в школу выключено 15, на месте выбыли 15, трое умерло, 3 ушли в светское звание, 3 перешли в Московскую Академию. Поведения все «добраго», только один «самаго буянского»⁴ [8, с. 123].

Большая часть учащихся состояли на своём содержании. Бедные ученики с хорошим поведением и «надежные к продолжению учения» зачислялись на церковнослужительские места, с которых получали доходы на своё содержание, что было узаконено указами Святейшего Синода⁵. Из всех учеников с начала основания семинарии до 1787 года только 9 человек были на казенном содержании и назывались бурсаками. В первое время было положено 9 рублей на каждого в год, всего 81 рубль. В 1784 году на приходно-расходной книге митрополит Платон наложил резолюцию: «По нынешней дороговизне на содержание семинаристов на каждого прибавить по 1 рублю», а через год в резолюции говорилось: «на семинаристов 9 человек к издерживаемым 90 рублям ещё добавить 30 рублей, итого 120 рублей, но так расположить, чтобы могло стать на 15 человек содержания; наблюдать игумену хозяйство и благоразумие». В следующем году резолюция на этот предмет гласила: «по нынешней дороговизне ещё прибавить 20 рублей, только чтобы не менее 15 человек бурсаков было и в сей книге прописывать содержимое число бурсаков, так как и в каждой статье прописывать, сколько по штату или по резолюции на ту статью положено» [12, с. 581].

Для наглядности приведем список необходимых вещей, купленных на 9 бурсаков в 1783 году (на 81 рубль):

Одежда, куплено: два тулупа, дано 3 руб. 20 коп.

Пять шуб заплачено 12 руб. 50 коп.

¹ Такое поведение было у Якова Сахарова, сына причетника Мосальского уезда, церкви Николая Чудотворца, что на стану, Ивана Александрова.

² Обычно это делалось следующим образом: реестр праздных церковнослужительских мест из многоштатных по преимуществу приходов присылался из Московской консистории или Калужского духовного правления в семинарию для отобрания подписки от семинаристов, кто на какое место желает поступить, с засвидетельствованием о их поведении, учении и надежности к продолжению учения начальством и учителями.

И строго было предписано особым указом (1788 г.), «чтобы находящиеся в Калужской семинарии ученики, которые за собою имеют места, на казенном коште содержаны не были».

32 пары котов заплачено 8 руб. 74 коп.

22 пары чулок больших и малых — 4 руб. 77 коп.

4 аршин сукна синего по 63 коп. арш. — 2 руб. 52 коп.

49 аршин серого сукна на кафтаны по 16 к. — 7 р. 84 коп.

Ниток и разных приборов к тем кафтанам — 50 коп.

9 арш. крашенины к кафтанам — 55,5 коп.

72 арш. холста на рубашки и портки — 2 руб. 91,5 к.

Заплачено за шитьё двух рубах и троих порток 35 коп.

За шитьё пяти кафтанов 1 руб. 25 коп.

Заплачено за починку двух шуб 35 коп.

Выдано за мытьё семинарских рубах 50 коп.

Стол. Куплено муки ржаной на хлеб 10 пудов, всего на 1 руб. 50 коп.

Куплено две четверти и 3 четвёртки грешневых круп за 3 руб. 80 коп.

Куплено ржи пять четвертей 5 руб. 25 коп.

В январе израсходовано на соль, хлеб, крупы, солонину, сало, масло коровье и конопляное, снетки и капусту и на посуду для варенья пищи 1 руб. 71,5 коп.

В феврале на то же 68 коп.

С марта по декабрь включительно на то же — 13 руб. 58 ¼ коп.

Как можно заметить, трапеза и одежда описываемого периода не отличались большим разнообразием. В некоторые годы упоминается закупка соленой рыбы (раз или два в год). С сентября и до 15 ноября как правило ели свежую говядину. В 1784 году, например, было заплачено за шесть пудов 3 рубля 74,5 коп. Мало изменений претерпевала и одежда бурсаков, но всё-таки небольшой прогресс можно отметить: в 1786 году на кафтаны покупается чёрное сукно; встречаются среди «котов» двое кожаных сапог, с 1789 года уже всем шьётся по паре кожаных сапог. Экономия велась самым исправным и отчетливым образом, дефицита не было, всегда был остаток, самый малый из которых отмечен в 1791 году — 81 рубль 30,5 коп. (из 300 руб.) [12, с. 582–583].

В рассматриваемый нами период Калужской духовной семинарии из ее стен вышли замечательные люди, среди кото-

рых особенно выделяются два выдающихся иерарха. Это митрополит Санкт-Петербургский, Новгородский, Эстляндский и Финляндский Серафим (Глаголевский), который родился в 1757 году в Калуге в семье причетника, а позднее диакона Калужской церкви святых бессребреников Космы и Дамиана Василия Глаголева. Первоначальное образование он получил именно в Калужской духовной семинарии, о которой не забывал всю свою жизнь. Так, например, для бедных учеников семинарии он прислал 1714 рублей 28 коп. [2, с. 17–19]. Вторым выпускником был также родившийся в Калуге в 1762 году экзарх Грузии митрополит Иона (Васильевский), сын дьячка Васильевской церкви Семена Афанасьева [12, с. 584].

С образованием самостоятельной Калужской епархии и назначением правящего архиерея на Калужскую кафедру в 1799 году начинается особый период в жизни Калужской духовной семинарии, но это уже другая история.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Автобиография, или Записки о жизни Платона, митрополита Московского // «Из глубины воззвах к Тебе, Господи...». Творения Преосвященного Платона, митрополита Московского. М.: Паломник; Русский Двор, 1996.

2. Архиереи Русской Православной Церкви. Избранные жизнеописания (конец XVIII — начало XX). М., 2008.

3. ГАКО, ф. 65, оп. 1, д. 1.

4. Жизнь Платона, митрополита Московского // Электронный ресурс: URL: https://docviewer.yandex.ru/view/1130000004350461/?* [Дата обращения: 26.12.2019 г.].

5. Историческая записка об учреждении и состоянии Калужской епархии за столетний период ее существования (16 октября 1799 — 16 октября 1899 гг.) / Сост. под ред. ректора семинарии прот. Димитрия Лужецкого. Калуга: Типография Губернского Правления, 1900.

6. Леонид (Кавелин), иером. Историческое описание Калужского Лаврентьева монастыря. Калуга, 1862.

7. *Леонид (Кавелин), иером.* История Церкви в пределах нынешней Калужской губернии. Калуга, 1876.
8. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главным центрам губернии. (Репринтное издание 1912 г.) / Составитель Д. Малинин — Калуга: Издательство «Фридгельм», 2017.
9. *Остроглазов И., свящ.* Речь, произнесенная в торжественном собрании по поводу исполнившегося столетия Калужской епархии. Калуга, 1899.
10. РГИА, ф. 796, оп. 87, д. 1101.
11. Собрание писем... Преосвященнейшему Платону, архиепископу Московскому. М.: Перервинская духовная семинария, 2016.
12. *Соколов Ф.* Материалы для истории Калужской духовной семинарии // Калужские епархиальные ведомости. 1902, № 3.
13. Церковная летопись города Калуги // Калужские епархиальные ведомости. 1863, № 3; Калуга.

Абакулов В. И.

хранитель отдела фондов
Калужского объединенного музея-заповедника
e-mail: vasya-speleo@yandex.ru

Abakulov V. I.

Custodian of the Funds Department
Kaluga United Museum-Reserve
e-mail: vasya-speleo@yandex.ru

**МАТВЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ И НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА
ТИЛИЧЕЕВЫ. ШТРИХИ К БИОГРАФИИ**

(Доклад на VI Свято-Лаврентьевских чтениях, 28 декабря 2019)

**MATVEY YAKOVLEVICH AND NATALIA ALEXANDROVNA
TILICHEYEV. TOUCHES TO THE BIOGRAPHY**

(Report at the VI St. Lawrence Readings, December 28, 2019)

Аннотация. Данная публикация посвящена истории семьи Тиличевых, связанной с Калужским краем с первой половины XVIII и до конца XIX в. Описание истории этого семейства основано на проанализированных документах Государственного архива Калужской области. Статья охватывает биографию двух представителей этой фамилии, связанных с Калужским Лаврентьевым монастырем, Матвея Яковлевича и его супруги Натальи Александровны Тиличевых.

Abstract. This publication is devoted to the history of the Tilicheyev family associated with the Kaluga region from the first half of the XVIII to the end of the XIX century. The description of the history of this family is based on the analyzed documents of the State Archive of the Kaluga region. The article covers the biography of two representatives

of this surname associated with the Kaluga Lavrentyev Monastery, Matvey Yakovlevich and his wife Natalia Alexandrovna Tilicheyeva.

Ключевые слова: краеведение, Калуга, Тиличевы, Свято-Лаврентьев монастырь.

Key words: local history, Kaluga, Tilichevs, St. Lawrence Monastery.

Дворянский род Тиличевых — древний, восходящий к началу XVII века. Егор Сергеевич Тиличев был владимирским губернатором (1857–1862 гг.), Николай Павлович Тиличев — директором ярославского Демидовского лицея. Род Тиличевых внесен во II и VI части родословных книг Калужской, Новгородской и Тульской губерний.

С Калужским краем этот род связан как минимум с первой половины XVIII и до конца XIX века. Исследований по истории этой фамилии, особенно в связи с историей Калужского региона, немного. Из печатных работ, посвященных этой фамилии, можно назвать статьи В. И. Абакулова в соавторстве с А. С. Жердевой, Д. Алексеева и М. В. Маркиной и упоминания в книге известного калужского краеведа Г. М. Морозовой [1, 2, 3, 4, 28, 29].

Если про Тиличевых в Калуге в XIX веке написано относительно подробно, то XVIII век освящен недостаточно. В данной работе, основываясь на проанализированных документах Государственного архива Калужской области, мы остановимся на двух представителях этой фамилии, связанных с Калужским Лаврентьевым монастырем, Матвее Яковлевиче и его супруге Наталье Александровне Тиличевых. К сожалению, документов второй половины XVIII века, в которых упоминаются Тиличевы, выявлено не много.

В Калуге до сих пор сохранился деревянный дом, известный как «дом Польман», который с начала XIX в. и до 1882 г. принадлежал семье Тиличевых. Представители этой семьи были

широко известны своими общественными и культурными связями. Отец Матвея Яковлевича, Яков Иванович Тиличеев, в 1745 г. был капитаном Сибирского пехотного полка [15, л. 119 об. — 120]. Его сын Матвей Яковлевич Тиличеев (1730–1795 гг.) — участник многих батальей Семилетней войны и кавалер разных орденов, богородский, венецкий, алексинский воевода, был председателем Калужского верхнего земского суда. Он имел жену Наталью Александровну. Супруги с середины XVIII в. владели сельцом Азаровским, или Чертово Калужского уезда, где находился их усадебный дом. Это имение перешло Наталье Александровне после ее отца Александра Петровича Ляпунова (писался и как Липунов) [17, л. 26 об., 43 об., 44].

В синодик Лаврентьева монастыря внесен для поминовения род отца Натальи Александровны: «Род морского флота пурчика и ундер экипаж местера Александра Ляпунова: Фому Анны Стефаниды Евлампий: Никифора: Марию; Агрипину: Иоанна Петра. Анисии Ирины: Параскевии, Данила Кирилла: Афонасия: Стефана, Анны: Акилины: Анастасии отрока: Петра: Андрея: младенцев: Анны: Марии: Надежды: Параскевы: Иоанна: Елены Сергия: Александры и: Марию Петра: Иоанна: Афонасия отрока: Петра. Девуцу Екатерину Анну. Екатерину: Елисавету» [31, л. 92–92 об].

Экипажмейстер — экипажный мастер, чиновник в русском военно-морском флоте в XVIII–XIX вв. Экипажмейстер следил за вооружением и снаряжением кораблей, производил закупки в интересах морского ведомства, продавал на слом и в частные руки отслужившие срок суда, проверял отчетность в работе верфей.

В государственной вотчинной коллегии рассматривалось спорное дело по поданному от жены председателя верхней расправы Калужского наместничества Матвея Яковлевича Натальи Александровны Тиличеевой челобитью на вдову полковника Пелагею Ивановну Матрунину. После смерти последней дело продолжалось с сыном покойной майором Иваном Ивановичем Матруниным. Спор шел о недвижимом имении

их прадеда Ивана Ивановича Ляпунова. За ним в Подгородном стане Калужского уезда состояло: «в деревне Чертовой 85 четвертей с четвериком, в пустоши Василевской 25 четвертей с получетвериком, в пустоши Сухой 2 четверти 4 четверика с половиною, в пустоши Лебедани 13 четвертей бес получетверика, в сельце Подымкине 39 четвертей, в пустоши Никитинской на речке Големе 37 четвертей, в пустоши Волкове 12 четвертей, в сельце Озаровском 40 четвертей, в пустоши Сазоновой 20 четвертей, в пустоши Дубовой 2 четверти 6 четвериков, в пустоши Домановой 20 четвертей, в жеребье сельца Лебедяни 3 четверти 3 четверика с половиною, в пустоши Трубниковой на речке Теребце 6 четвертей 6 четвериков, в пустоши Иншиной Горбуша, или Голема, на Големинском отвершку и на Московской дороге 2 четверти с третником, в пустоши Белой на болоте 8 четвертей, в деревне Дубищеве 16 четвертей с осминою, в пустоши Бизюкиной (Шетуново) 2 четверти, в трети пустоши Созоновой 2 четверти с осминою, в полупустоши Кошкине 3 четверти с четвериком и с третью четверика. Итого 341 четверть с третью четверика» [5, л. 1].

Иван Иванович Ляпунов был женат на Елене Пахомовне. У них были двое детей: сын Петр (имевший жену Анисью Семеновну и умерший в 1703 г.) и дочь Дарья, вышедшая замуж за полковника Афанасия Ивановича Беклемишева. У Петра Ивановича Ляпунова также было двое детей: Пелагея (вышедшая замуж за полковника Ивана Михайловича Матрунина) и Александр. Последний был женат на Марье Фоминичне. Супруги имели дочь Наталью, вышедшую замуж за Матвея Яковлевича Тиличева.

Пелагея Матрунина и впоследствии ее сын Иван претендовали на часть недвижимого имущества, оставшегося после смерти Петра Ивановича Ляпунова. В свою очередь на эти же имущества претендовала и Наталья Александровна Тиличева, поэтому и спор между ними разбирался в государственной вотчинной коллегии. В 1753 г. Пелагея Матрунина получила часть калужского имущества в размере 107 четвертей земли. Марья Фоминич-

на Ляпунова просила не давать во владение часть калужского имения Пелагее Матруниной, т. к. она, якобы, когда выходила замуж, то уже получила часть имений в приданое. Однако ей было отказано.

Наталья Тиличеева подавала апелляцию в Правительствующий Сенат, из которого спорное дело 1 июля 1776 г. было прислано при указе обратно в вотчинную коллегию. Очередным челобитьем, поданным в вотчинную коллегию 19 сентября 1776 г., Наталья Тиличеева сообщала, что Пелагея Матрунина умерла в 1775 г. и просила взять сведения у ее сына Ивана о том, когда его мать была обвенчана. Челобитную Тиличевой вернули, т. к. было неизвестно, где Матрунин проживал. 29 ноября того же года поверенный Тиличевой показал, что Матрунин жил в Тульской своей вотчине [5, л. 1–3].

В 1777 г. Иван Матрунин в вотчинной коллегии не мог показать, с приданным ли его мать была выдана замуж или без оного. 7 и 14 марта 1778 г. в государственной вотчинной коллегии было определено: «...раз Пелагея выдана за Матрунина до указа 1731 г. с награждением, то вторичного награждения она не имеет права брать». Поэтому коллегия 16 мая 1778 г. постановила все вышеписанное имение в Калужском уезде отказать Марье Фоминичне Ляпуновой и ее дочери Наталье Александровне Тиличевой, о чем сообщить в Калужского наместничества палату гражданского суда [5, л. 5–8].

25 мая 1778 г. указом из палаты гражданского суда велели Калужскому уездному суду учинить исполнение решению вотчинной коллегии. 30 июня того же года заседатель уездного суда капитан Дмитрий Сеченов отказал калужские имения Тиличевой и Ляпуновой. Свидетелями были Николаевской церкви, что на Борщовке, священник Дмитрий Васильев и диакон Иван Васильев. В это время в сельце Азаровском (или Чертово) у Тиличевой и Ляпуновой был господский дом «со всеми строениями». Недалеко им принадлежала мельница. В сельце за ними же числилось 35 душ мужского и 31 душа женского пола крепостных дворовых людей и крестьян [5, л. 9, 22–22 об., 24–25].

Служитель Натальи Александровны Тиличевой Борис Данилов из сельца Азаровского 26 апреля 1762 г. сообщал в Калужскую провинциальную канцелярию, что в этом месяце неизвестными ворами были украдены из господской «житни» 32 бараньи овчины ценою 3 руб. 50 коп. (житница, житня — строение для хранения вымолоченного зернового хлеба. — В. А.), «два веретья портеных» ценою 80 коп. (веретье — грубая ткань из оческов льна или пеньки, используемая для сушки зерна и других сельскохозяйственных нужд. — В. А.) и медный заклеянный винный куб ценою 10 руб., в который ранее, при отце его госпожи, производилось курение вина [17, л. 26–27].

Другой служитель Н. А. Тиличевой из упомянутого сельца Азаровского Матвей Архипов в июле того же 1762 г. жаловался на то, что крестьянин того же сельца Алексей Киреев с другими «товарищами», принадлежавшие полковнику Афанасию Ионовичу Беклемишеву, напали на старосту его госпожи Никиту Аникеева и «имеющимися в руках их дубинами... хотели убить до смерти». Староста от них еле спасся, укрывшись в своем доме [17, л. 43 об.]. В то же время Матвей Архипов жаловался в Калужскую провинциальную канцелярию, что неизвестные «воровские люди» выкосили на принадлежавшей Н. А. Тиличевой пустоши Сазановой Калужского уезда травы ценою на 25 руб. 15 июля упоминаемого года ночью крестьяне едва не поймали одного из таких воров, но тот бросил свою лошадь и телегу с накошенной травой, и скрылся [17, л. 44].

Отметим, что земля и крепостные крестьяне в сельце Азаровском достались полковнику А. И. Беклемишеву по духовному завещанию от его тещи Елены Пахомовны Ляпуновой (напомним, что он был женат на ее дочери Дарье Ивановне и приходился Тиличевым родственником) [16, л. 79].

Жаловался в канцелярию приказчик Тиличевых Матвей Архипов и в феврале 1766 г. По его сообщению, 14 февраля этого года дворовый человек Денис Михайлов и староста Наум Павлов с крестьянами сельца Укладова Калужского уезда, владения вдовы Матрены Осиповны Лавровой и Анны Лаврентьевны Скарятинной, приехали в пустошь Потребинскую того

же уезда, принадлежавшую Тиличевым, и вырубил там большое количество деревьев [18, л. 21–21 об.].

В октябре 1770 г. канцелярист Калужской канцелярии Виктор Бизяев ездил в сельцо Азаровское по делу о смертном убийстве крестьянином Иваном Силаевым, принадлежавшим упоминаемому выше полковнику А. И. Беклемишеву, крестьянина этого сельца Петра Трофимова, который находился во владении матери Н. А. Тиличевой Марьи Фоминичны Ляпуновой. Помещиков в сельце не оказалось, и Бизяев объявил об этом деле приказчику Матвею Архипову и бывшим крестьянам Беклемишева, которые находились уже во владении нового помещика Алексея Андреяновича Левшина [19, л. 614–614 об.].

В следующем 1771 г. в сельце Укладове, вотчине полковника Федора Васильевича Бегичева, в ночь под 13 июля был пойман на воровстве крестьянин помещика Матвея Яковлевича Тиличева Даниил Степанов. При поимке он порезал ножом одного из укладовских крестьян, но все же был схвачен и доставлен в Калужскую провинциальную канцелярию. После доставления в Калугу вор содержался на дворе графа Кирилла Григорьевича Разумовского, но в ночь на 14 июля сумел из-под караула сбежать [20, л. 148].

Землемер прапорщик Федор Чуриков 2 мая 1777 г. проводил межевание земель в пустоши Ишкиной Горбуши (или Голема) Подгородного стана Калужского уезда, которая состояла в общем владении жены надворного советника Натальи Александровны Тиличевой, жены прапорщика Пелагеи Афанасьевны Левшиной, майора Ивана Петровича и жены капитана Марьи Евстратьевны Бегичевых ото всех смежных посторонних земель. Всего одной окружной межою было обмежевано 160 дес. 696 кв. саж. земли и был составлен специальный геометрический план, ныне хранящийся в Государственном архиве Калужской области [22, л. 1].

15 июля 1779 г. дворовый человек Матвея Яковлевича Тиличева Николай Федоров подал прошение на имя генерал-поручика, правящего должность Калужского, Тульского и Рязанского государева наместника Михаила Никитича Кре-

четникова. Он писал, что когда Тиличев находился в прусском городе Кенигсберге (а мы помним, что тот был участником Семилетней войны 1756–1763 гг. — В. А.), то проживал на квартире недалеко от дома, где жила семья Николая. В то время мальчику было всего 9 лет, и по приглашению слуг Тиличевеева, он приходил к нему на квартиру, где ему давали деньги и поили чаем. Далее случилось следующее: «И как он господин Тиличев из одного города Кинизберга вознамерился ехать в Россию, тот в тот день уговорил его ехать с собою якобы гулять. И по вывозе из того города ехали до вечера. И как пришла ночь, стал он плакать, то оной господин Тиличев уговаривал его, дабы он не плакал, уверяя, что он отвезет к матери обратно. А как усмотрел, что и на другой день весь ехали далее, а не домой, что он, предвидя уже отдаленность от города своего, наиболее плакал. И потом уже оным господином Тиличевым при привозе в Санкт-Петербург, где пожив с месяц, привезен в дом отца его в Кашинской уезд в сельцо Надорово, в котором пожив у отца своего оной господин Тиличев с месяц или более, из одного поехал опять в Санкт-Петербург, а его оставил в доме реченного отца его, где и жил» [23, л. 21].

Однажды по приезде М. Я. Тиличева к отцу, Николай Федоров был крещен вместе с другими «пруссакими» и с того времени стал находиться у него в услужении. В 1765 г. Николая Федорова насильно заставили жениться на крепостной дворовой девушке Тиличевых Аксинье Васильевой, «чтоб быть вечно у него (М. Я. Тиличевеева. — В. А.) в услугах». При этом никакого прошения об этом ни в какую воеводскую канцелярию он не подавал, в том числе когда Тиличев был воеводой в г. Алексине. (Тиличев находился на воеводстве в Алексине с 1761 года по открытие Тульского наместничества, т. е. по 1777 год) [23, л. 22]. Николай Федоров утверждал, что всего он именовался вольным человеком, а не крепостным и просил наместника Кречетникова это утвердить.

В том же июле 1779 г. М. Я. Тиличев в Калужском уездном суде, которое рассматривало прошение дворового человека Николая Федорова, утверждал, что когда он находился на вое-

водстве в г. Алексине, у него была «владенная данная» на данного человека, выданная из Алексинской воеводской канцелярии за подписью майора Спицына. Однако в ночь с 27 на 28 апреля 1777 г. в Алексине был сильный пожар, во время которого старая воеводская канцелярия и архив с делами сгорели. Такая же участь постигла и дом отца Матвея Яковлевича Тиличиева. При этом в нем сгорели «всякие крепости и пожитки, в том числе и данная владенная на человека его Федорова выпись» [23, л. 20 об.]. Таким образом, Тиличиев не мог документально подтвердить, что Николай Федоров был его крепостным человеком. Видимо, это и послужило причиной тому, что уездный суд вынес свое решение в пользу Федорова.

Не желая смириться с произошедшим, 22 августа 1779 г. Наталья Александровна Тиличиева обратилась с прошением в Калужский верхний земский суд, в котором писала, что Калужский уездный суд вынес неверное решение, решив подтвердить вольность Николая Федорова. Тиличиева просила решение уездного суда «отставить», а Николая Федорова и его жену Акулину Васильеву «отдать ей в вечные ... услуги» [23, л. 14].

К тому времени у Николая Федорова было трое детей — Яков 13 лет, Евгения 8 лет и Дмитрий 5 лет. Как бы то ни было, а Н. А. Тиличиевой удалось добиться своего. 5 ноября 1779 г. Николай Федоров подал челобитную в верхний земский суд. Федоров подтверждал, что женился на крепостной девушке добровольно, и соответственно должен был быть с женой и детьми своими в вечных услугах у Тиличиевой. Поэтому, даже не дожидаясь очередного решения суда, он признавал, что «отбывательство его от ее услужения незаконное». Федоров признавал себя виновным, а «производимые от него просьбы оставляет недействительными». Считал челобитные Тиличиевых правильными. Он писал: «...желаю в вечных услугах за нею госпожою Тиличиевою быть безо всякого от меня впредь челобитья» и что «признание его добровольное и произошло по чистой совести» [23, л. 49–49 об., 51].

За неплатеж по векселю жене коллежского советника Наталье Александровне Тиличиевой 2000 руб. указом Калужского

наместнического правления № 13084 от 10 декабря 1781 г. Калужскому верхнему земскому суду предписывалось назначить дату продажи описанного за долг имения дворянина Алексея Никитича Демидова, состоящему в селе Ромоданове Калужского уезда. Имение включало в себя 18 крестьянских дворов с крепостными крестьянами, с их усадьбами, садами, строениями, пожитками и 150 дес. земли. В результате торга имение купил генерал-майор Иван Андреянович Позняков [24, л. 1, 5 об., 10].

В 1780-гг. Наталье Александровне Тиличевой совместно с другими помещиками принадлежали в Калужском уезде деревня Подымкина, сельцо Укладово, пустоши Сухая, Ишкина Горбушка (Голема), Никитинская, Рыбина, Потребинская, Степановская, Лебедянь, Дубищи, Паршукова, Чертенская, а также сенные покосы и боровой лес по речке Яченке. В единоличном ее владении в том же уезде были сельцо Азаровское (или Чертово) и деревня Фефилова. Матвею Яковлевичу Тиличеву в Калужском уезде принадлежали в совместном владении с другими помещиками пустоши Белая, Сазанова, Волкова, а также боровой лес по речке Речице [30, с. 5, 12, 13, 14, 20, 22, 23, 24, 33–34, 35, 36].

Перемышльский помещик поручик Петр Васильевич Панин в сентябре 1783 г. подал челобитье в Калужскую палату гражданского суда. Он писал, что в мае 1782 г. его брат Иван Васильевич Панин занял на полгода у коллежского советника Матвея Яковлевича Тиличева 500 руб. И в тех деньгах заложил ему свое недвижимое имение в сельце Куракине Перемышльского уезда 10 дес. земли и 10 душ крепостных крестьян с их женами и детьми. В Калужской гражданской палате была написана закладная. Вовремя И. В. Панин денег Тиличеву не вернул и тот представил ту закладную для платежа указных пошлин в Калужскую гражданскую палату. По указу указанной палаты Перемышльский нижний земский суд отдал во владение М. Я. Тиличеву заложенную Паниным землю и 10 душ мужского пола крестьян в сельце Куракине.

Ныне же поручик Петр Васильевич Панин хотел выкупить

обратно принадлежавшую его брату землю и крепостных крестьян сельца Куракина, перешедших к Тиличеву. При этом к челобитной он приложил следуемые по закладной брата деньги, а также указные пошрины и за гербовую бумагу, всего 563 руб. 11 коп. [21, л. 2–2 об.].

Перемышльский уездный суд указом № 612 от 26 октября 1783 г. велел Перемышльскому земскому суду передать имение при сельце Куракине от М. Я. Тиличева во владение П. В. Панина [21, л. 9–9 об.].

Поверенный коллежского советника Матвея Яковлевича Тиличева калужский купец Сидор Григорьевич Губкин 1 сентября 1786 г. подал в Калужский верхний земский суд апелляционную жалобу на решение Калужского уездного суда. Он сообщил, что в уездном суде рассматривалось дело о крепостной дворовой девушке Тиличева Агафье Осиповой. 29 июля 1785 г. она бежала от своего хозяина, затем была поймана С. Г. Губкиным и доставлена в управу благочиния. 22 мая 1786 г. в уездном суде дело о бежавшей было решено, но его решением поверенный Тиличева остался недоволен. Так как он считал решение суда неправильным, то и подал на него жалобу.

Пойманная Губкиным Агафья Осипова в управе благочиния и уездном суде показала следующее. Первоначально она принадлежала помещице Анисье Федоровне Тургеневой, но в 7 июля 1777 г. была ею вместе со своей матерью Марьей Трофимовой и сестрой Марфой Осиповой продана помещику Поликарпу Осиповичу Семичеву. Последний в свою очередь в 1782 г. продал их Матвею Яковлевичу Тиличеву, а он отдал их в услужение калужскому купцу Ивану Григорьевичу Губкину, у которого они жили по договору.

Марфа и Агафья Осиповы, прихватив с собой шесть рубаш, бежали на прежнее свое местожительство в сельцо Жестовое Калужского уезда (?). Бывшая там помещица жена провинциального секретаря Наталья Васильевна Попкова, урожденная Ключарева, представила их к допросу в Одоевский нижний земский суд. После проведенного там допроса, все беглые были отданы в услужение названной помещице. Затем помещица

Попкова приехала в Калугу и взяла с собой для услужения Агафью Осипову. Тут ее увидел калужский купец Сидор Григорьевич Губкин, поймал и доставил в управу благочиния.

Далее Агафья Осипова поведала в суде о том, что когда Семичев продавал ее вместе с матерью и сестрой Тиличеву, то очень спешил и выдал последнему старую купчую, полученную им от А. Ф. Тургеневой. Семичев написал верящее письмо калужскому купцу Ивану Григорьевичу Меньшому Губкину в 1782 г., и с тех пор Агафья Осипова и ее родные находились во владении Тиличева. Затем уже Матвей Яковлевич Тиличев отдал их в работницы в дом указанного купца Ивана Губкина. От него же они после смерти матери Марьи Трофимовой и бежали.

Купец Сидор Григорьевич Губкин писал в жалобе Калужскому верхнему земскому суду, что помещица Н. В. Попкова никаких крепостей на Агафью Осипову представить не могла, и просил вытребовать от Калужского уездного суда копию верящего письма от помещика Семичева купцу Ивану Губкину как доказательство покупки Тиличевым описанных выше крепостных женщин. Губкин жаловался, что своим решением от 22 мая Калужский уездный суд определил Агафью Осипову отдать помещице Н. В. Попковой. Купец считал, что суд учинил решение «в противность законов», потому подавал апелляционную жалобу на его решение с просьбой отобрать ту крепостную девушку от Попковой и вернуть ее во владение М. Я. Тиличеву [25, л. 5–6 об.].

29 апреля 1787 г. в Калужском верхнем земском суде решили спорное дело Попковой и Тиличева. По рассмотрению оно приказали Агафью Осипову отобрать от Н. В. Попковой и через управу благочиния отдать по крепости во владение М. Я. Тиличеву [25, л. 23].

Согласно исповедным росписям за 1792 г. в вотчине статского советника и кавалера Матвея Яковлевича Тиличева в сельце Азаровском Калужского уезда при его господском доме находились 28 душ мужского пола и 28 душ женского пола дворовых людей. В том же сельце ему принадлежало 6 крестьянских дворов, в которых проживало 20 душ мужского пола и

17 душ женского пола крепостных крестьян. Сельцо входило в приход церкви Николая Чудотворца села Ближняя Борщовка Калужского уезда [28, л. 290–291 об.].

Матвей Яковлевич Тиличеев, как и другие калужские дворяне, участвовал в разных встречах и увеселениях. 24 октября 1793 г. он был на балу у советника Калужской казенной палаты Барнаволокова. На том же балу был и отставной прапорщик Петр Евдокимович Демидов. Последний начал расспрашивать Тиличеева о деле с бывшим на принадлежавшем ему заводе приказчиком канцеляристом Лапушкиным, которое рассматривалось в Калужском верхнем земском суде, председателем которого был Матвей Яковлевич. Тиличеев сказал Демидову, что дело решено разбирать гражданским, а не уголовным судом, и для этого оно отправлено к рассмотрению в палату уголовного суда. Услышав это, Демидов в запальчивости сказал, что секретарь верхнего земского суда Галкин для решения дела в пользу Лапушкина взял у него взятку в 2000 руб. Тиличеев очень обиделся на то, что Демидов возводил напраслину на вверенное ему учреждение.

На следующий день, 25 октября, М. Я. Тиличеев ездил к правителю Калужского наместничества генерал-майору князю Петру Петровичу Долгорукову, желая рассказать о происшествии, бывшем на балу. Однако тот его не принял, «сказав, что занят нужнейшими делами». (Отметим, что в это время князь завершал свою должность правителя наместничества, которую исправлял до 27 октября).

Секретарь верхнего земского суда Галкин подал прошение на имя правителя наместничества с жалобой на клевету Демидова, а тот в свою очередь передал прошение на рассмотрение в наместническое правление. П. Е. Демидов был вызван в правление для разбирательства. И там он дал такое объяснение, что уже, якобы, не Галкин взял взятку, а сам М. Я. Тиличеев. И об этом знал некий майор Струговщиков еще в июле того же 1793 г., который, к сожалению, уже умер. И здесь Демидов вновь лгал, т. к. дело о Лапушкине поступило в верхний земский суд лишь 1 августа.

Не успокоившись, М. Я. Тиличев 9 ноября 1793 г. подал прошение на имя замещающего должность правителя Калужского наместничества вице-губернатора Василия Петровича Митусова, в котором рассказал о произошедшем на балу. Он писал: «Милостивый государь! Хотя прискорбно духу моему, что при самом начальном приступе Вашего Высокопревосходительства к главному управлению Калугскою губерниєю или особенная злоба или необузданная привычка к злоречению соплела такое не сноско обидное и поносное на щот чести моей обстоятельство, представляющееся ныне благоусмотрению вашему, которое поставило меня в совершенную необходимость обременить внимание вашего высокопревосходительства все-нижайшим прошением моим о начальнической защите в нижеследующем.

48-летнее служение мое (с 1745 г. — В. А.), приобретенный оным настоящий чин, знаки отличия Семимилостивейше пожалованный орден и самая с лишком 60-летняя старость свидетельствуют беспристрастное всегда поведение мое, тем более, что во все продолжение службы моей не только ни в каких пороках, но и под судом и под следствием ни за что и никогда я не был, продолжая служение всегда гнушался я и имени лихоимства, на которое если покусится человеку в моих летах, чина и пост особливо же и в моем состоянии, так как я имею за собою с жениными более 1000 душ, было бы дело человека если не лишнего ума, то самопорочнейшего и подлейшего, не меньше ж во всю жизнь мою гнушался я постыдной лжи и всяких оклеветаний, а по нещастию моему ныне при таких летах сверх чаяния озлословлен я в том и в другом лейб-гвардии отставным прапорщиком Петром Евдокимовым сыном Демидовым...» [8, л. 1]. Тиличев просил наказать Демидова за его ложь.

14 ноября того же 1793 г. М. Я. Тиличев встретился с замещающим должность правителя Калужского наместничества вице-губернатором В. П. Митусовым и вновь рассказал ему о лживом обвинении его П. Е. Демидовым во взятке [8, л. 6 об.]. К сожалению, архивное дело не рассказывает нам, был ли Демидов как-то наказан за клевету и примирился ли он с Тиличевым.

М. Я. Тиличеев в 1794 г. был свидетелем небесного явления, о котором написано в записках калужского купца Губкина (лист 43 об.): «27 августа в 7-м часов 45 м(инут) пополудни при ясном небе явилось в восточной стороне гораздо ясная звезда, и в две минуты зделалась огненным шаром, и тот час разсыпалась в искры и померкли причем слышны были три прегромких удара подобные пушечным выстрелам и в то же время минуты с три продолжался гром или треск подобный беглому из ружей огню, потом еще с четверть часа слышны были глухие наподобие пушечных выстрелов. Сие видимо было Тульского наместничества в Чернском уезде, а вернее в Авчурине, Ждамирове и в деревне Павловке, самовидцы г(осподин) Тиличеев и прочие» [27, с. 102].

Скончался М. Я. Тиличеев в 1795 г., о чем есть запись в записной книжке калужского купца Ивана Григорьевича Меньшого Губкина, который упоминался выше. Они были близко знакомы. Запись на листе 31 гласит: «13 февраля скончался статский советник Матфей Яковлевич Тиличеев, кавалер 4 степени св. Владимира, был на многих баталиях, получил много ран. 65 лет от роду погребен в Лаврентьеве монастыре» [27, с. 183].

Более подробная запись о смерти Тиличеева повторяется на обороте 46 листа рукописи: «1795. Февраля 13 преставился статский советник и кавалер Матфей Яковлевич Тиличеев 65 лет от рождения. От молодости был в воинской службе был на многих сражениях и троекратно ранен, а после все также служил, и умер, быв председателем верхнего земского суда в Калуге, погребен 15 числа в Калужском Лаврентьеве монастыре, от колокольни к югу» [27, с. 183].

К большому сожалению, до настоящего времени надгробный памятник над могилой М. Я. Тиличеева в Лаврентьеве монастыре не сохранился.

В том же году, когда скончался Матвей Яковлевич Тиличеев, умер бывший его крепостной крестьянин. Об этом событии также имеется запись в записках купца Губкина на листах 47 и его обороте: «Июня 15 дня скончался раб божий Феофилакт Гаврилович, ктитор церкви Николая Чудотворца на Болшов-

ке, слуга Господу и святителю великому Николаю с 25-ти лет он был прежде крестьянин г(осподина) Матвея Яковлевича Тиличеева, был у него в доме ключником, после господин его отпустил на волю, тогда он, наложив на себя вериги, жил труждаясь Богу при вышесказанной церкви, в келье под колокольнею, был доброй человек и почитаем ради богоугодного жития своего, как от граждан калужских так и от крестьян, кои ему угождали и повиновались с усердием. Да почиет с миром о Господе погребен 17 числа в воскресенье подле келии под колокольнею. При жизни его старообрядцы подговорили пойти в раскольнические слободы и он пошел и сутки идя пришел опять к церкви Николая Чудотворца на Болшовке, хотя дорога и казалось ему его удаляла, потом уже поехал с старообрядцем в слободы, но Николай Чудотворец воспротивлял ему и повелел жить при своей церкви, как заместо десятков вершков очутился подле церкви, где и погребать себя приказал, жил крайне воздержанно как в словах, так и делах, ничего не копил, а для украшения церкви много собрал, и церковь его рачением как иконами так украшена, был росту среднего широк борода окладиста» [27, с. 111–112].

В январе 1799 г. крестьяне из села Спасского Перемышльского уезда по договору с женой статского советника Натальей Александровной Тиличеевой обязались срубить лес, находившийся в Обоянском уезде Курской губернии, для построения по данному от нее плану хором. 10 марта того же года крестьяне деревни Максимовской Кологривовского уезда Костромской губернии и сельца Великого Мещовского уезда по договору, данному коллежскому асессору Сергею Матвеевичу Тиличееву, подрядились «у него господина Тиличеева на доме его, состоящем здесь в г. Калуге, старую крышу разломать и новым тесом самой лучшей работой нам надлежит снова покрыть. Взяли мы с него за сию работу денег 150 руб., да ржаной муки 2 четверти, круп грешневых 2 четверика» [6, л. 15, 38 об.].

В сентябре 1801 г. проводилось отмежевание земель Калужского уезда, частью которых владела и вдова Наталья Александровна Тиличеева. В деревне Подымкиной ей принадлежало

10 душ мужского пола, 15 душ женского пола крепостных крестьян. Другие помещики владели только землей в этой деревне. Всего обмежевано было 56 дес. 600 кв. саж. земли. На межевании был поверенный служитель Тиличевой Иван Иванов [10, л. 1, 4; 11, л. 5, 6]. В пустоши Потребинской было обмежевано 124 дес. 1575 саж. земли. Также присутствовал поверенный Тиличевой Иван Иванов. В межевой книге расписался за понятых сторонних людей дьячок Николаевской церкви села Ближней Борщовки Алексей Иванов [12, л. 1, 16, 18].

Обмежевывалась и земля сельца Азаровского, которой насчитывалось 297 дес. 1617 кв. саж. В этом сельце у Н. А. Тиличевой было во владении 25 душ мужского пола и 24 души женского пола крепостных крестьян. Еще 31 душа крестьян в этом сельце принадлежала жене прапорщика Пеллагея Афанасьевне Левшиной. На межевании был указанный выше служитель Тиличевой Иван Иванов [9, л. 1, 16 об. — 18]. В пустоши Волковой было обмежевано 59 дес. 464 кв. саж. земли [13, л. 1 а, 8 об. — 9]. В пустоши Паршуковой было обмежевано 94 дес. 582 кв. саж. земли [14, л. 1, 10].

Последний раз в документах ГАКО, которые нам удалось выявить, Наталья Александровна Тиличева упоминается как восприемница (крестная мать) при Крещении своей внучки, дочери Сергея Матвеевича Тиличева, Прасковьи. Родилась Прасковья 20 октября 1804 г. Крещена была 22 октября того же года в Благовещенской церкви г. Калуги [7, л. 2 об.]. Сыновья М. Я. и Н. А. Тиличевых, прошедшие военную службу, — Сергей Матвеевич — служил председателем Калужской палаты уголовного суда и Павел Матвеевич — директором Калужского театра, но о них уже писалось выше.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Абакулов В. И. Взаимоотношения княгини Натальи Петровны Голицыной и Сергея Матвеевича Тиличева / Хозяева и гости усадьбы Вязёмы. Материалы XVI Голицынских чтений

24–25 января 2009 г. Материалы XVII Голицынских чтений 23–24 января 2010 г. М., 2011. С. 108–118.

2. *Абакулов В. И., Жердева А. С.* Дворянский род Тиличевых в истории города Калуги и Калужской губернии / Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Выпуск 13. Калуга, 2012, С. 41–52.

3. *Абакулов В. И.* Дворянский род Тиличевых в истории города Калуги и Калужской губернии в период царствования Романовых. Втор. пол. XVIII — перв. пол. XIX в. / У истоков российской государственности (Роль женщин в истории династии Романовых). Исследования. Материалы. СПб., 2012. С. 14–24.

4. *Алексеев Д.* «Но пожалуйста, не верь... Пять поколений одной семьи в литературных прототипах и ассоциациях» // Историк и художник. № 2, 2007.

5. ГАКО. Ф. 43, оп. 6, д. 26.

6. ГАКО. Ф. 45, оп. 1, д. 71.

7. ГАКО. Ф. 66, оп. 1, д. 1337.

8. ГАКО. Ф. 132, оп. 1, д. 1580.

9. ГАКО. Ф. 159, оп. 1, д. 10.

10. ГАКО. Ф. 159, оп. 1, д. 24;

11. ГАКО. Ф. 159, оп. 1, д. 25.

12. ГАКО. Ф. 159, оп. 1, д. 26.

13. ГАКО. Ф. 159, оп. 1, д. 35.

14. ГАКО. Ф. 159, оп. 1, д. 162.

15. ГАКО. Ф. 221, оп. 1, д. 38.

16. ГАКО. Ф. 221, оп. 1, д. 85.

17. ГАКО. Ф. 221, оп. 1, д. 195.

18. ГАКО. Ф. 221, оп. 1, д. 267.

19. ГАКО. Ф. 221, оп. 1, д. 315.

20. ГАКО. Ф. 221, оп. 1, д. 334.

21. ГАКО. Ф. 395, оп. 3, д. 241.

22. ГАКО. Ф. 440, оп. 3, д. 196.
23. ГАКО. Ф. 441, оп. 1, д. 5.
24. ГАКО. Ф. 441, оп. 1, д. 136.
25. ГАКО. Ф. 441, оп. 1, д. 263.
26. ГАКО. Ф. 565, оп. 1, д. 11.
27. Драгоценная память, или Разные записки, собранные из записок Григорья Васильевича Губкина, продолжаемая сыном его Иваном Меншим Губкиным в Калуге в 18-ом столетии. Калуга. 2014. С. 102.
28. *Маркина И. В.* Три дворянских рода владельцев одного дома: Воейковы, Теличевы, Польман / Калуга в шести веках. Материалы 10-й городской краеведческой конференции. Октябрь, 2014 г. Калуга, 2015. С. 142–155;
29. *Морозова Г. М.* Прогулки по старой Калуге. Калуга, 1993.
30. Описания и алфавиты к Калужскому атласу. СПб., 1782. Часть 1.
31. Синодик Лаврентьева монастыря / ГБУК КО «КОМЗ», инв. № КЛ 7066.

УДК 908

Бессонов В. А.

кандидат исторических наук,
генеральный директор
Калужского областного краеведческого музея
e-mail: v_bessonov@list.ru

Пелисова О.

искусствовед
Калужского объединенного музея-заповедника

Bessonov V. A.

Candidate of Historical Sciences,
General manager of
Kaluga Regional Museum of Local Lore
e-mail: v_bessonov@list.ru

Pelisova O.

art critic
Kaluga United Museum-Reserve

**ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ
ЗЕМЛИ КАЛУЖСКОЙ**

(Доклад на VI Свято-Лаврентьевских чтениях, 28 декабря 2019)

**PORTRAIT GALLERY OF THE CLERGY OF THE
KALUGA LAND**

(Report at the VI St. Lawrence Readings, December 28, 2019)

Аннотация. Публикация посвящена вопросу атрибуции и биографиям духовных лиц, чьи портреты хранятся в фондах Калужского объединенного музея-заповедника. Портреты поступили

в музей из разных источников: одни — из собрания музея при Калужской ученой архивной комиссии, другие были включены в фонды музея в 1920-х гг. В советский период были ликвидированы многие религиозные учреждения, а с музейного учета списаны десятки холстов с изображениями царской семьи и священнослужителей. Часть их оказалась в фондах Калужского объединенного музея-заповедника, причем далеко не все портреты были снабжены подписями на подрамнике. В ходе научно-исследовательской работы, проведенной в ходе подготовки выставки, посвященной 220-летию юбилею Калужской епархии, удалось провести идентификацию всех священнослужителей, изображенных на портретах музейного собрания.

Abstract. The publication is devoted to the attribution and biographies of the clergy, whose portraits are kept in the funds of the Kaluga United Museum-Reserve. The portraits came to the museum from various sources: some were from the collection of the museum at the Kaluga Scientific Archival Commission, others were included in the museum's funds in the 1920s. During the Soviet period, many religious institutions were liquidated, and dozens of canvases with images of the royal family and clergy were written off from the museum account. Some of them ended up in the funds of the Kaluga United Museum-Reserve, and not all of the portraits were signed on a stretcher. During the research work carried out during the preparation of the exhibition dedicated to the 220th anniversary of the Kaluga Diocese, it was possible to identify all the clergy depicted in the portraits of the museum collection.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Калужская епархия, священнослужители, музейное дело, краеведение, фалеристика.

Key words: Russian Orthodox Church, Kaluga Diocese, clergy, museum business, local history, faleristics.

В фондах Калужского объединенного музея-заповедника хранится коллекция портретов священнослужителей, состоящая из 13 живописных и 3 литографированных изображений¹. Согласно документам, портреты поступили в музей из разных источников. Одни происходили из собрания музея при Калужской ученой архивной комиссии, другие попали в фонды после революционных событий в 1920-х гг. История формирования коллекции в этот период была сопряжена с ликвидацией религиозных учреждений, списанием в советский период с музейного учета десятков холстов с изображениями царской семьи и священнослужителей. Некоторая часть портретов имела подписи на подрамнике, остальные были записаны в Книгу поступления как портреты неизвестных архиереев. Вопрос атрибуции стал особенно актуален при подготовке выставки, посвященной 220-летию юбилею Калужской епархии, на которой вниманию посетителей была представлена большая часть хранящихся в собрании музея портретов. В ходе научно-исследовательской работы удалось провести идентификацию всех священнослужителей, изображенных на портретах музейного собрания. При атрибуции помимо методов иконографического и стилистического анализа использовались методы вспомогательных исторических дисциплин, и в первую очередь фалеристики.

Рассматривая неоднородную по составу коллекцию, можно предположить, что портреты создавались для разных галерей. Крупноформатные холсты, вероятно, происходили из семинарской коллекции или могли быть частью интерьеров архиерейского дома. Ряд портретов, поступивших из музея при Калужской ученой архивной комиссии, экспонировались в палатах Коробовых в конце XIX — начале XX вв. По всей видимости, портреты духовных лиц создавались в период службы епископов на кафедре или поводом для их написания стано-

¹ Фотографические изображения священнослужителей из фондов Калужского объединенного музея-заповедника в данной работе не рассматривались.

вилось награждение. Так, подобная причина могла подвигнуть паству к заказу портрета протоиерея калужского Успенского храма Михаила, награжденного в 1818 г. крестом для священнослужителей в память 1812 г.

Важную роль в учреждении в 1799 г. Калужской епархии сыграл знаменитый в истории Православной Церкви митрополит Платон (Левшин Петр Георгиевич; 1737–1812 гг.). Он был придворным проповедником, законоучителем наследника престола, членом Святейшего Синода. С 1775 г. назначен архиепископом Московским и Калужским, в 1787 г. возведен в сан митрополита, а с момента образования Калужской епархии стал именоваться митрополитом Московским и Коломенским. Митрополит Платон был автором многих духовных и исторических произведений, в том числе «Церковной российской истории». Он сыграл значительную роль в учреждении единоверия. Был первым иерархом Русской Православной Церкви, вступившим в прямые сношения с Англиканской церковью. Более 24 лет Платон возглавлял Калужскую кафедру [19, с. 49–54].

В собрании Калужского объединенного музея-заповедника хранятся три изображения митрополита Платона. На первом портрете, написанном, вероятно всего, с гравюры, на одеянии митрополита изображены ордена Святого апостола Андрея Первозванного и Александра Невского. Следует отметить, что священнослужители, которым государственные награды начали выдаваться лишь при Павле I, отступали от установленных регламентов. Так, существовала традиция ношения духовенством лент орденских знаков исключительно на шее, несмотря на то что правила указывали располагать их через плечо. В рассматриваемом портрете обращает на себя внимание перенос звезды ордена Святого Александра Невского на правую, не соответствующую порядку ношения наград сторону. При этом изображения епископа Платона с подобной иконографической схемой встречаются в музейных собраниях некоторых региональных музеев. На втором портрете митрополита изображены знаки тех же орденов, но звезда ордена Святого Андрея Первозванного показана на правой стороне, в то время как она

должна была носиться на левой. Третий портрет митрополита Платона восходит к живописному оригиналу, выполненному в 1800 г. в Москве австрийским художником Людвигом Гуттенбруном.

Последним епископом Крутицкой епархии, в состав которой входила значительная часть калужских церквей, был Амвросий (Подобедов Андрей Иванович; 1742–1818 гг.). Он возглавлял епархию с 1781 по 1785 гг., затем она состояла под управлением Московской синодальной конторы, а в 1788 г. была упразднена. Находившиеся в ее составе храмы, в том числе и расположенные на территории Калужской губернии, оказались присоединены к Московской епархии. Предметом особой заботы епископа Амвросия (с 1801 г. — митрополита) являлось духовное образование и усовершенствование его преподавания. В период пребывания во главе Крутицкой епархии он открыл духовные училища в Боровском и Белевском монастырях. За успешные труды по реформированию духовного образования Амвросий первым в России был удостоен звания почетного доктора богословия [16, с. 87–89].

Портрет митрополита Амвросия написан неизвестным художником в первой половине XIX в. Возможно, он является копией с портрета Амвросия, написанного неизвестным художником и хранящегося ныне в Государственной Третьяковской галерее. На портрете митрополит изображен в архиерейской мантии, большом омофоре, митре, с архиерейским жезлом, с вензелем на белом сулоке. На груди крест и панагия с образом Спасителя, украшенные драгоценными камнями, с алмазными знаками орденов Святого апостола Андрея Первозванного и Святого Иоанна Иерусалимского (Мальтийский крест).

Один из знаменитых духовных деятелей-калужан был митрополит Иона (Василевский Иван Семенович; 1763–1849 гг.). Он родился в Калуге 18 февраля 1763 г.² в семье дьячка-иконописца. В 8 лет лишился родителей и жил со своей слепой собакой, собирая милостыню. На пятнадцатом году случайно был определен в училище при Лаврентиевском монастыре. Это предподре-

² Даты приводятся по старому стилю.

делило его дальнейшую жизнь. Закончив в 1790 г. Московскую духовную академию, он вернулся в Калугу священником в Воскресенскую церковь. В 1803 г. был произведен в сан протоиерея. В городе он жил до 1807 г., затем был переведен в Санкт-Петербург законоучителем Коммерческого училища. В 1808 г. в сане архимандрита назначен ректором Калужской семинарии и настоятелем Перемышльского Троицкого Лютикова монастыря. В 1810 г. Иона покинул Калугу. После череды служений в Санкт-Петербурге настоятелем Волоколамского монастыря, епископом Тамбовским, архиепископом Астраханским он в 1821 г. был назначен экзархом Грузии [17, с. 316].

Хранящийся в музее-заповеднике портрет митрополита Ионы создан, вероятно, по литографии А. Бурунова, выполненной по рисунку Г. Гессе. Эта литография была опубликована в Санкт-Петербурге в 1852 г. в книге М. Бельского «Сказание о жизни митрополита Ионы, бывшего экзарха Грузии». На портрете митрополита Ионы изображены орденские знаки Святого Александра Невского и Святого равноапостольного князя Владимира 1-й степени, бронзовый крест в память Отечественной войны 1812 г., наперсный крест с Распятием и панагия, украшенная драгоценными камнями.

Первым епископом, прибывшим во вновь учрежденную 16 октября 1799 г. Калужскую епархию, был Феофилакт (Русанов Федор Гаврилович, 1765–1821 гг.). Происходил он из духовного звания. Воспитывался в Олонецкой семинарии, обучался в Александро-Невской главной семинарии, где и был оставлен учителем поэзии и риторики. С 1794 г. преподавал в Греческом корпусе, затем до 1797 г. в Сухопутном шляхетном и артиллерийском кадетских корпусах. В 1795 г. был возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Зеленского монастыря. В последующее время был настоятелем нескольких монастырей, но все время жил в Санкт-Петербурге. Своими познаниями и даром слова Феофилакт был хорошо известен в столице, знали его и при дворе. Именно его нарекли 23 октября 1799 г. епископом Калужским, а хиротония происходила 30 октября в Гатчине, в присутствии царской семьи. Калужскую епархию

Феофилакт возглавлял до 1809 г. С 27 ноября 1812 г. Феофилакт по поручению Синода занимался приведением в порядок пострадавших в ходе Отечественной войны епархий, в том числе и Калужской. С 1817 г. он был назначен экзархом Грузии, в 1819 г. получил сан митрополита, а в 1821 г. заболел тифом и умер [21, с. 466–468]. Его место в Грузии занял митрополит Иона.

30 октября 1799 г., в день хиротонии, Феофилакт был высочайше пожалован орденом святой Анны 1-й степени [15, с. 362]. Именно знаки этого ордена: золотой крест с красной финифтью, широкую красную ленту с желтой каймой и серебряную звезду с красным крестом в центре выделил на портрете епископа неизвестный художник. С восьмиконечной орденской звездой перекликается и панагия, выполненная также в форме восьмиконечной звезды. В правой руке Феофилакт держит посох с медным навершием, украшенным растительным орнаментом, а в левой — четки. Вероятно, этот портрет, написанный в первые месяцы служения, положил начало галерее калужских епископов.

В конце своего пребывания в Калужской епархии, 26 июня 1808 г., Феофилакт был награжден орденом Святого Владимира 2-й степени [15, с. 196]. Но в это время он уже не жил в Калуге. С 1806 г. он был вызван в Санкт-Петербург для присутствия в Святейшем Синоде [21, с. 467]. В марте 1809 г. архиепископ Феофилакт получил назначение в Рязанскую епархию.

Рассматриваемый портрет епископа Феофилакта до последнего времени считался портретом епископа Евгения (Болховитинова) на основании сделанной в инвентарной книге 1930-х гг. записи. Однако изучение иконографии Феофилакта и Евгения, а также порядка их награждения, позволяет сегодня исправить сделанную в учетной документации ошибку и ввести в оборот неизвестный ранее портрет Феофилакта, созданный, предположительно, в 1800 г.

С 16 апреля 1809 г. Калужскую епархию возглавил епископ Евлампий (Введенский Евфимий Иванович; 1756–1813 гг.). Евлампий происходил из семьи дьякона города Юрьева Владимирской губернии. Обучение проходил в духовных заведениях

Владимирской епархии и в Московской духовной академии. Отличался высокой образованностью. В 1788 г. постригся в монахи. В 1792 определен ректором Троицкой семинарии, в 1795 г. — Московской духовной академии. С 1798 г. был настоятелем Московского Донского монастыря. В 1801 г. стал епископом Архангельским и Холмогорским. В апреле 1809 г. был направлен в Калужскую епархию. Именно на его долю выпала вся тяжесть управления епархией в период Отечественной войны 1812 г., когда Калужская губерния оказалась местом ожесточенного сопротивления и многие храмы подверглись разорению [4, с. 171–172].

В 1812 г. Евлампий окормлял Калужскую губернию и южные уезды Смоленской губернии. Сохранил порядок в епархии, организовывал сбор пожертвований для армии, проводил крестные ходы с иконой Калужской Божией Матери, постоянно обращался с пастырским словом к жителям, сам и через священников сообщал калужанам сведения о ходе военных действий, призывал к борьбе с врагом и всемерной поддержке русских войск. В начале сентября 1812 г. перед ратниками ополчения Евлампий совершил молебен с коленопреклонением и передал начальнику ополчения В. Ф. Шепелеву Хоругвь с изображением Калужской иконы Божией Матери и святого Праведного Лаврентия Калужского [1, с. 60–64]. По окончании Отечественной войны и заграничных походов Хоругвь была возвращена в Калугу и помещена в Троицком кафедральном соборе, откуда в 1920-х гг. была передана в музей.

После завершения боевых действий Евлампий активно участвовал в восстановлении богослужения в оскверненных неприятелем храмах, организовывал помощь разоренным войной священникам и мирянам, занимался сбором средств на восстановление пострадавших от неприятеля храмов и монастырей. Война и ее последствия отрицательно сказались на слабом здоровье епископа, он умер 22 мая 1813 г. Тело его было погребено в Троицком соборе у южного входа [4, с. 187].

На портрете епископ Евлампий изображен в темном облачении со знаками ордена Святой Анны 1-й степени, который был

им получен 18 ноября 1806 г [15, с. 374]. Это была единственная светская награда, пожалованная епископу. Над крестом ордена помещена овальная панагия красного цвета (возможно, каменная) в серебряной оправе с короной. В левой руке Евлампий держит деревянный посох с небольшим серебряным навершием, украшенным орнаментом, в правой руке — четки. Портрет, по всей видимости, был написан в 1809 г., на начальном этапе пребывания епископа в Калужской епархии.

Размеры погрудного портрета Евлампия близки с портретом Феофилакта, что позволяет высказать предположение об использовании их в одной галерее. Однако известно о существовании еще одного поясного портрета Евлампия, изображение которого было опубликовано в Юбилейном сборнике в память Отечественной войны 1812 г. на отдельном листе между 14 и 15 страницами текста первой пагинации [23]. Несмотря на имеющиеся отличия, между двумя изображениями прослеживается определенная композиционная схожесть. Вероятно, в сборнике был опубликован портрет из галереи архиереев, находившейся в Калужской семинарии. Местонахождение этого поясного портрета неизвестно, поэтому хранящийся в фондах музея-заповедника портрет Евлампия является на сегодняшний день единственным подлинным изображением епископа, стоявшего во главе Калужской епархии в эпоху 1812 г.

Одним из сподвижников Евлампия был протоиерей церкви Успения Пресвятой Богородицы в Калуге Михаил (Любимов Михаил Егорович). По имеющимся сведениям, он родился в селе Андреевское Калужского уезда, в семье священника Благовещенской церкви Егора (Любимова). В 1787–1790 гг. иерей Михаил служил в Воскресенской церкви села Лисино, затем был назначен настоятелем храма Успения Пресвятой Богородицы в Калуге [3, с. 10, 34, 263]. В 1808 г. Михаил (Любимов) уже упоминается среди присутствующих в Калужской консистории, то есть он входил в число лиц, занимавшихся управлением Калужской епархии [5, с. 125]. На этом посту он состоял около двух десятков лет, до 1828 г. Так, в Месяцеслове на 1828 г., содержащем сведения, собранные к концу 1827 г., протоиерей

Михаил еще значится среди присутствующих Калужской консистории, а в Месяцеслове на 1829 г. его уже нет [8, с. 334; 9, с. 340].

На живописном портрете протоиерей Михаил изображен погрудно, в камилавке, с деревянным посохом в правой руке, украшенным серебряным навершием. Наличие посоха у приходского священника противоречит сложившейся традиции. Вероятно, данный символ пастырской власти, характерный для архиереев и настоятелей монастырей, указывал на занимаемую должность присутствующего в Калужской консистории. На портрете протоиерея показано два наперсных креста. Один — золотой в виде Распятия на цепочке, выдававшийся по указу Павла I от 18 декабря 1797 г. белому духовенству за «отличные заслуги» [12, с. 822], а рядом с ним — наградной в память 1812 г. на Владимирской ленте. Этот памятный крест был учрежден высочайшим манифестом от 30 августа 1814 г. для награждения священников, служивших в период Отечественной войны и призывавших «перед Алтарем Всевышнего теплыми молитвами своими благоволение Божие на всероссийское оружие и воинство, и примерами благочестия, ободрявшие народ к единодушию и твердости» [13, с. 907; 11, с. 84]. Получение креста в память 1812 г., по всей видимости, стало поводом к написанию портрета настоятеля Успенского храма.

На оборотной стороне портрета краской сделана надпись: «...от роду 48: лет», и ниже другим почерком чернилами приписано: «в 1812 году». Последняя дата не соответствует действительности, так как портрет не мог быть написан в 1812 г. Указанное количество лет однозначно относится к моменту создания портрета, который мог писаться с натуры только после получения протоиереем Михаилом наградного креста.

Следует отметить, что раздача крестов в ознаменование 1812 г. началась только с 1818 г. Последовало это после указа Синода от 14 февраля 1818 г., которым определялся порядок рассылки и выдачи наградных крестов духовенству. В отношении епархий в указе говорилось, «чтобы преосвященные архиереи и ставропигиальных монастырей настоятели, по получении тех

крестов с актами от Святейшего Синода, следующие лично им возложили на себя, а из прочих, посылаемых ныне на первый раз, роздали и разослали при актах же за своим подписанием монастырским настоятелям, присутствующим к Консисториях и Духовных Правлениях, соборных и градских церквей протоиереям и священникам, также благочинным, депутатам, увещателям, духовникам и монашествующим; из остальных же за сим прочему духовенству, по рассмотрению их преосвященных, с подписанием каждому по приложенной форме» [14, с. 110–111]. Таким образом, протоиерей Михаил, как присутствующий в Калужской консистории, должен был одним из первых получить крест в память 1812 г. Произошло это, вероятно, весной 1818 г., после чего и был написан рассматриваемый портрет. Следовательно, 48 лет настоятелю Успенского храма было не в 1812 г., а в 1818 г., и, исходя из этих зафиксированных на портрете данных, родиться Михаил (Любимов) мог в 1770 г.

После кончины епископа Евлампия Калужскую епархию с 19 июля 1813 г. возглавил епископ Евгений (Болховитинов Евфимий Алексеевич; 1767–1837 гг.). Более трех лет он оставался на этом посту. Главными задачами, которые решал Евгений, были восстановление храмов и монастырей после разорения 1812 г. и оказание помощи в восстановлении хозяйств пострадавшим священно- и церковнослужителям. 7 февраля 1816 г. он был возведен в сан архиепископа и направлен в Псковскую епархию. Много времени Евгений уделял научной деятельности, ввел в оборот многие ранее неизвестные исторические факты. Являлся членом Российской и Петербургской Академий наук. Принимал участие в работе археографического кружка графа Н. П. Румянцева [22, с. 128–134].

Портрет епископа Евгения написан после получения им в 1814 г. ордена Святого Владимира 2-й степени. До этого, с 5 марта 1805 г., он был награжден орденом Святой Анны 1-й степени [15, с. 371; 6, с. 174; 7, с. 188]. Именно знаки этих двух орденов изображены на портрете, написанном неизвестным художником. Между орденскими крестами показана панагия овальной формы. В левой руке епископ Евгений держит четки,

а правой совершает благословление. Сходное по композиции изображение Евгения с теми же орденскими знаками выполнил в 1816 г., после назначения его в Псковскую епархию, гравер А. Осипов. Существенным отличием этого портрета является то, что правая рука не благословляет зрителя, а опирается на книгу.

Следующим епископом Калужской епархии с 7 февраля 1816 г. стал Антоний (Соколов Алексей Федорович; 1767–1827 гг.) [16, с. 226], который оставался на этом посту до 16 марта 1819 г. Находясь во главе Калужской епархии, Антоний дважды, в 1816 и 1817 гг., принимал в Калуге императора Александра I, а также великих князей Николая и Михаила Павловичей. Был знатоком церковного пения, занимался благоустройством Черноостровского Малоярославецкого монастыря и Доброго Покровского. Антоний оставался в Калуге до 10 апреля 1819 г. В этот день, на пасхальной неделе он освятил Троицкий кафедральный собор, строительство которого началось еще в 1786 г. Когда Божественная литургия подходила к концу, Антоний, назначенный в Каменец-Подольскую епархию, произнес слово и простился с паствой³.

Живописный портрет епископа Антония выделяется в коллекции тонкостью письма, вниманием живописца к передаче фактуры тканей, драгоценностей, украшающих панагию и одеяния епископа, награды. Лицо и руки прописаны тщательно, но сохраняют отголоски парсунности.

Епископ Антоний изображен в парадном одеянии с надетой на шею орденской лентой и знаком ордена Святой Анны 1-й степени. По сторонам награды показаны покрытые алмазами панагия и наперсный крест. В левой руке епископ держит богослужебный жезл, навершие которого украшено повернутыми друг к другу змеями. На сулке жезла читается вензель епископа Антония. Правая рука обращена ладонью к зрителю. Этот символ в иконописи обозначается как ладонь праведни-

³ Из Калуги, от 12 апреля // Северная почта. 1819. 26 апреля.

ка, а в языке жестов означает искренность и доверие. Возможно, этим движением Антоний хотел показать свою открытость, чистоту помыслов, благорасположение и любовь к ближним.

Портрет, вероятно, был написан для галереи калужских епископов, в начале служения Антония в епархии. На это косвенным образом указывает изображенный на сулоке жезла вензель епископа в виде букв «ЕАВ», который может читаться как Антоний, епископ Воронежский. Этот пост Антоний занимал с 1810 до 1816 г. Приехав весной 1816 г. в Калугу, к месту нового назначения, он мог использовать имеющийся у него жезл для позирования. При этом на портрете, нарушая стройную композицию, между панагией и орденом показан наградной крест на Владимирской ленте в память 1812 г. Манера исполнения этого знака явно отличается от той, в которой выполнен портрет. Наградной крест епископ Антоний, как и протоиерей Успенской церкви Михаил, мог получить только весной 1818 г. Именно тогда на парадном портрете Калужского епископа появился памятный крест, который был специально приписан, чтобы обозначить награждение за участие в событиях Отечественной войны 1812 г.

С 1 июля 1819 г. в Калужскую епархию был назначен епископ Филарет (Амфитеатров Федор Георгиевич; 1779–1857 гг.). Особое внимание архипастырь уделял строительству, обновлению и благоустройству храмов. За период его епископства было построено 25 каменных церквей. При нем был вновь создан Покровский Добрый монастырь. В Оптиной пустыни в 1820 г. был устроен скит с кельей для Филарета. Епископ возглавлял Калужскую епархию до 12 января 1825 г. После многих лет служения Филарет был назначен в 1837 г. митрополитом Киевским [20, с. 77–80]. В 2016 г. установлено общецерковное почитание святителя Филарета.

Портрет епископа Филарета, по всей видимости, выполнен в Калуге неизвестным художником-иконописцем для галереи калужских епископов. Филарет изображен в архиерейской мантии и клобуке. На груди нарисован крест с Распятием и панагия. Между ними знаки ордена Святого Владимира 2-й

степени и Святой Анны 2-й степени. О том, какое внимание уделялось правильному определению степени наград, говорит тот факт, что для обозначения 2-й степени ордена Святого Владимира художник показал выглядывающие из-под мантии краешки трех лучей орденской звезды (золотого и двух серебряных). Именно эти награды имел епископ Филарет в период пребывания во главе Калужской епархии. В левой руке епископ держит богослужебный жезл со змеями и сулоком, а правой рукой благословляет. Данный портрет существенно расширяет имеющуюся иконографию канонизированного церковью святителя Филарета и является одним из ранних его изображений.

В собрании музея-заповедника хранится еще один уникальный предмет, связанный с митрополитом Филаретом. Это литографический портрет, отпечатанный в 1850-х гг. в мастерской В. Дарленга в Санкт-Петербурге, с собственноручным наставлением митрополита, обращенным, надо полагать, к пастве Калужской епархии. «Завещаю, — писал митрополит, — именем Господа нашего Иисуса Христа хранить непоколебимую верность Благочестивейшему Самодержавнейшему Великому Государю нашему. Филарет Митрополит Киевский».

Место Филарета в Калужской епархии занял епископ Григорий (Постников Георгий Петрович; 1784–1860 гг.). Во главе калужской паствы он находился с 4 января 1826 г. до 20 мая 1828 г. Затем, с 20 мая 1828 г. до 31 августа 1831 г. Калужской епархией управлял епископ Гавриил (Городков Григорий Иванович; 1785–1862 гг.). Вслед за ним в Калугу прибыл епископ Никанор (Клементьевский Николай Степанович; 1787–1856 гг.), возглавлявший Калужскую епархию с 9 сентября 1831 г. до 8 сентября 1834 г. [10, с. 62]. Портретные изображения этих епископов не сохранились в собрании музея-заповедника.

С 26 октября 1834 г. Калужскую епархию возглавил епископ Николай (Соколов Иван Поликарпович; 1780–1851 гг.). Сын священника города Медыни. Обучался в Московской славяно-греко-латинской академии. В 1800 г. направлен учителем в Калужскую семинарию. В 1810 г. определен смотрителем Бо-

ровского духовного училища. Затем назначен в Тамбовскую семинарию. После многолетнего служения в 1834 г. возглавил Калужскую епархию. Епископ Николай проявлял чуткость и отзывчивость к нуждам духовенства и мирян, поддерживал сельское духовенство во время голодного 1840 г. При епископе Николае в Калуге было выстроено здание епархиальной богадельни, проводился ремонт храмов, благоустраивался Калужский Лаврентьевский монастырь [18, с. 357]. На свои средства епископ заказал большую серебряную дарохранительницу на Святой престол Троицкого кафедрального собора. Во главе Калужской епархии епископ Николай находился до своей смерти, последовавшей в ночь на 18 сентября 1851 г. Был погребен возле южных ворот Троицкого собора.

Портрет епископа Николая, как и других епископов, выполнен неизвестным художником в начальный период управления Калужской епархией. Об этом свидетельствуют изображенные на одеянии рядом с панагией знаки ордена Святой Анны 1-й степени. В период последующего служения епископ был пожалован еще одним орденом Святого Владимира 2-й степени. Сам портрет схематичен по композиции и сдержан в технике исполнения, все внимание художника сосредоточено на психологической характеристике и тщательной проработке деталей архиерейского облачения. В левой руке епископ Николай держит богослужебный жезл со змеями и сулоком, на котором нанесен вензель ЕН (епископ Николай), а правой рукой он совершает благословение.

Следующим епископом, поставленным во главе Калужской епархии, стал Григорий (Миткевич Николай Васильевич; 1807–1881 гг.). Без малого тридцать лет, с 9 декабря 1851 г. до 13 апреля 1881 г., он руководил епархией. В 1869 г. был возведен в сан архиепископа. При его содействии началось издание «Калужских епархиальных ведомостей», где печатались проповеди епископа. Он принимал деятельное участие в жизни Оптиной пустыни, в возрождении Тихоновой пустыни, покровительствовал старчеству. При Григории было основано Калужское отделение Православного миссионерского общества, преобра-

зованы духовно-учебные заведения, открыто множество церковноприходских школ, учреждено Калужское женское епархиальное училище. Григорий до конца своих дней возглавлял Калужскую епархию и был похоронен в Троицком соборе у южных ворот [2, с. 13].

В музее-заповеднике имеется два изображения епископа Григория: живописное и литографическое. На портрете, написанном неизвестным художником, епископ Григорий изображен сидящим в повседневном одеянии коричневого цвета, без головного убора. В правой руке он держит четки, а левая рука возложена на стоящий на столе клубук. На шее епископа висит серебряная панагия и с правой стороны одеяния закреплена звезда ордена Святой Анны. Орденская лента и крест на портрете отсутствуют, но наличие звезды однозначно указывает на то, что епископ награжден орденом Анны 1-й степени. За свою службу епископ Григорий был награжден многими российским орденами. Свой первый орден Святой Анны 1-й степени он получил в 1853 г. Именно это награждение было обозначено орденой звездой на портрете. Других наград у епископа не показано. Это обстоятельство позволяет датировать написание портрета временем, близким к получению Григорием Анненского ордена.

Второй портрет епископа Григория был напечатан в Москве в 1860 г. в литографической мастерской В. Бахмана. Епископ представлен на нем сидящим в кресле возле стола, в рясе и черном клубуке, с панагией, наградным крестом в память Крымской войны, знаками орденов Святой Анны 1-й степени с императорской короной и Святого Владимира 3-й степени. В руках епископ держит четки. Литографическое изображение оформлено в специально изготовленную в 1860-гг. рамку с паспарту, в котором сделан овальный вырез. В нижней части паспарту имеется подпись: «Григорій Епскпъ Калужскій».

Живописных и графических изображений последующих епископов, возглавлявших Калужскую епархию, в собрании музея-заповедника не имеется. Исключение составляет литография епископа Макария (Троицкий Макарий Трифонович;

1830–1906 гг.). Выпускник Орловской духовной семинарии и Киевской духовной академии со степенью кандидата богословия. Возглавлял Калужскую кафедру с 22 октября 1895 г. до 11 июля 1901 г. Несмотря на свой преклонный возраст, часто объезжал епархию, ревизуя храмы и школы, везде произнося проповеди и поучения. Перед поездками служил напутственный молебен в Троицком соборе. Оставил после себя духовные труды и проповеди, а также сборник стихотворений. Погребен в Преображенском храме Белевского монастыря Тульской епархии [2, 14].

Хранящийся в музее-заповеднике литографированный портрет епископа Макария напечатан в типографии М. Т. Соловьева в Москве в 1897 г. Он был выполнен, вероятно, по фотографии. Епископ представлен в темном облачении, клобуке, с панагией, знаками ордена Святой Анны 1-й степени, Святого Владимира 3-й степени и знаком почетного члена Императорского православного палестинского общества.

Таким образом, в ходе проведенного исследования удалось идентифицировать всех священнослужителей, изображенных на портретах, хранящихся в собрании Калужского объединенного музея-заповедника. Оказалось, что все тринадцать живописных портретов написаны неизвестными художниками. Из них восемь вероятнее всего написаны непосредственно в Калуге. Остальные, судя по всему, сделаны с гравированных или иных живописных изображений. На имеющихся портретах и литографиях запечатлен один приходской священник, ректор Калужской семинарии, восемь из двадцати епископов, возглавлявших Калужскую епархию, епископ Крутицкий и митрополит Московский. Как видно, в собрании музея-заповедника отложилась представительная галерея калужских епископов начального периода ее истории. Так, представлены семь уникальных, не имеющих аналогов живописных портретов и литография практически всех (за исключением трех) епископов, стоявших во главе епархии с 1799 г. до 1881 г. В последующий период, до начала XX в., Калужской епархией управляло десять епископов, из которых в музее-заповеднике имеется лишь один литографированный портрет.

Особое место в собрании занимает литография с автографом митрополита Филарета. Написанное им духовное завещание, оставленное неисполненным, оказалось пророчеством для грядущего века и предопределило судьбу Русской Православной Церкви и русского народа, обречшего себя на тяжелейшие испытания и мучительный поиск утраченного пути.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Зельницкий Г. К.* Описание происшествий 1812 г., случившихся в пределах Калужской губернии. М., 1815.
2. *Земля Калужская — земля святая.* Калуга, 2014.
3. *Легостаев В. В.* Синодик священнослужителей: Калужский уезд. Калуга, 2004.
4. *Леонид (Кавелин), иеромонах.* История церкви в пределах нынешней Калужской губернии и калужские иерархи. Калуга, 1876.
5. Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1809. СПб., [1809]. Ч. 1.
6. Месяцеслов с росписью чиновных особ... 1814. СПб., [1814]. Ч. 1
7. Месяцеслов с росписью чиновных особ... 1815. СПб., [1815]. Ч. 1.
8. Месяцеслов с росписью чиновных особ... 1828. СПб., [1828]. Ч. 1.
9. Месяцеслов с росписью чиновных особ... 1829. СПб., [1829]. Ч. 1.
10. Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1910 г. Калуга, 1910.
11. *Петерс Д. И.* Наградные медали Российской империи XIX–XX вв. М., 1996.
12. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 24. № 18273.
13. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 32. № 25671.

14. Полное собрание законов Российской империи СПб., 1830. Т. 35. № 27271.
15. Придворный месяцеслов на лето от Рождества Христова 1810. СПб., [1809].
16. Русский биографический словарь: Алексинский-Бестужев-Рюмин. СПб., 1900. Т. 2.
17. Русский биографический словарь: Ибак-Ключарев. СПб., 1897. Т. 8.
18. Русский биографический словарь: Нааке-Накенский — Николай Николаевич Старший. СПб., 1914. Т. 11
19. Русский биографический словарь: Плавильщиков-Примо. СПб., 1905. Т. 14.
20. Русский биографический словарь: Фабер-Цявловский. СПб., 1901. Т. 21.
21. Русский биографический словарь: Яблоновский-Фомин. СПб., 1913. Т. 25.
22. *Чиркова Н. Ю., Шляпникова Е. А.* Евгений Болховитинов — ученый и архиерей // Вопросы истории. 2000. № 11–12.
23. Юбилейный сборник в память Отечественной войны 1812 г. Калуга, 1912.

УДК 348.2

Зуйков А. А.

студент 3-го курса бакалавриата
Калужской духовной семинарии
e-mail: zuikov95@yandex.ru

Кутепов О. Е.

доцент кафедры гражданско-правовых
дисциплин. к. ю. н., доцент
Калужского института (филиала) «Всероссийского государ-
ственного
Университета юстиции (РПА Минюста России)»
e-mail: cutepov.oleg@yandex.ru

Zuikov A. A.

3th year undergraduate student
Kaluga Theological Seminary
e-mail: zuikov95@yandex.ru

Kutepov O. E.

Associate Professor of the Department of Civil Law
Disciplines, PhD, Associate Professor
Kaluga Institute (branch)
«All-Russian State University
University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)»
e-mail: cutepov.oleg@yandex.ru

**СУДОПРОИЗВОДСТВО
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ**

**LEGAL PROCEEDINGS IN THE RUSSIAN ORTHODOX
CHURCH**

Аннотация. В статье рассматривается история возникновения судебных органов Церкви, и история развития этих органов в Русской Православной Церкви вплоть до наших дней. В зависимости от исторических обстоятельств, в нашем государстве изменялись права и полномочия церковного суда. На современном этапе судопроизводство Русской Православной Церкви имеет некоторые особенности по сравнению с древностью.

Abstract. The article examines the history of the emergence of the judiciary of the Church, and the history of the development of these bodies in the Russian Orthodox Church up to the present day. Depending on historical circumstances, the rights and powers of the ecclesiastical court changed in our state. At the present stage, the legal proceedings of the Russian Orthodox Church have some peculiarities in comparison with antiquity.

Ключевые слова: Церковный суд, Русская Православная Церковь, каноническое право, судебная система.

Key words: Church court, Russian Orthodox Church, canon law, judicial system.

Церковь, как живая, Богом установленная организация, имеет в себе духовное и земное составляющее. Будучи поистине святой и духовной, Церковь не имеет в себе никакого «пятна, или порока, или чего-либо подобного» (Еф. 5:27), в силу того что она неким таинственным образом является Телом Богочеловека Иисуса Христа. Эта же святая и непорочная Церковь является в то же время и обществом верующих в Господа людей, не всегда святых, но лишь стоящих на пути к святости и спасению. За почти двухтысячелетнюю историю своего существования, Церковь Христова не раз обличала людей, пытавшихся от её имени отклонить христиан от Бога через свои ложные учения, как о том предупреждал всех верующих апостол Петр, говоря: *«у вас будут лжеучители, которые введут пагубные ереси и, отвергаясь искупившего их Господа, навлекут сами*

на себя скорую погибель» (2 Пет. 2:1). Впрочем, некоторые заблуждающиеся или погрешающие против Церкви христиане приносили покаяние, возвращались в её лоно и оканчивали свою земную жизнь в мире с Церковью. В церковном обществе также возникали разногласия и тяжбы как между простыми верующими людьми, так и между влиятельными священноначальниками. Нередко Церковь вставала перед вопросами по поводу её взаимоотношения с представителями государственной власти и представителями иных вероисповеданий, иных общественных образований. В совокупности все эти человеческие факторы ещё в первые века христианства ясно обозначили необходимость возникновения специальных законов и судопроизводственных инстанций в среде церковного общества, которые впоследствии стали «одним из ключевых элементов самосохранения Церкви» [7, с. 67]. Рассмотрим подробнее, каким образом сформировалась судебная система Церкви, какое значение она имела в истории нашего русского государства и что она представляет из себя ныне в юрисдикции Русской Православной Церкви.

Первая христианская община, существовавшая на территории Римской империи, следовала наставлениям апостолов, учивших производить внутрицерковные судебные разбирательства исключительно в своей среде, а не обращаться за помощью к языческим судьям. «*Как смеет кто у вас, имея дело с другим, судиться у нечестивых, а не у святых?*» (1 Кор. 6:1), — писал апостол Павел к посвященным в христианство коринфянам, которые пытались разрешить возникавшие между ними обиды и тяжбы при посредстве внешних, светских судилищ. Когда же был издан Миланский эдикт и во главе империи стояли христианские правители, «обычай христиан судиться у своих епископов получил государственную санкцию, а судебные решения архиереев стали опираться на исполнительную силу государства» [10, с. 634]. Время от времени, зачастую без участия Византийских императоров, созывались Вселенские и Поместные соборы, формировался канонический свод правил, а также совершенствовалось взаимодействие церков-

ного и гражданского судопроизводства, разграничивалась их компетенция по отношению к разного рода делам. Возникали Номоканоны — специальные сборники, составленные из канонов Церкви и гражданских законов по церковным делам. Стоит отметить особую роль епископов — именно им, как преемникам апостолов, во все последующее время суждено будет руководить общинами верующих, *«производить над ними суд писанный»* (Пс. 149:9) и играть решающую роль в решении особо важных церковных вопросов.

Как известно, при Крещении Древняя Русь получила от Византийской империи первых церковных иерархов, а вместе с ними и упомянутые Номоканоны, которые были необходимы духовенству для практического руководства. На основании этих византийских «Законоправильников» святой князь Владимир стал «проявлять известную законодательную или учредительную деятельность, направленную к установлению и упрочению в своей земле нового порядка общественной жизни, согласного с существом и предписаниями новой религии» [4, с. 136]: он составил для Русской Церкви собственный Устав, который можно считать, «с одной стороны, первым приложением к условиям жизни русской общего церковного, и в частности византийского законоположения, а с другой — первым опытом местного, самобытного церковного законодательства в России» [3]. Затем, в XII веке, основные идеи этого Устава были еще более развиты в Уставе князя Ярослава Мудрого. Согласно этим уставам, к области епископского суда были отнесены все гражданские дела, касающиеся религии и нравственности, а также дела о взаимоотношениях между мужьями и женами, между детьми и их родителями. Религиовед Ю. П. Зуев отмечает, что под полную юрисдикцию Церкви попадали «люди церковные (духовенство, монашество, миряне, исполняющие в церкви постоянные обязанности) и лица, находящиеся под патронатом Церкви (вдовы, калеки, лица, отпущенные на свободу по завещанию)» [2, с. 21]. Такая обширная область влияния церковного судопроизводства сохранялась до времени правления Петра I, после чего была заметно сокращена: петровские

реформы и учреждение Духовной Коллегии (Святейшего Правительствующего Синода) лишили Русскую Церковь юридической самостоятельности, подчинили ее «светской власти и целям нового, секуляризованного государства» [1, с. 590], обратив «в одно из государственных ведомств» [1, с. 590]. Спустя два столетия, вслед за революцией 1917 года, новая власть в лице Союза Народных Комиссаров вовсе отделила Церковь от государства и лишила ее каких бы то ни было юридических прав, так что «компетенция церковного суда по гражданским и тяжёбным делам была совершенно упразднена» [10, с. 630]. Юридический статус Церкви начал постепенно восстанавливаться после встречи Иосифа Сталина с митрополитом Сергием (Страгородским) в сентябре 1943 года. События юбилея по случаю тысячелетия Крещения Руси 1988 года и одновременного заката существования Советского Союза стали началом возрождения прав и свобод нашей Церкви в Российском государстве. Началась реорганизация существовавших прежде подразделений церковного управления и устройство новых, таких как Высший Церковный Совет и Межсоборное присутствие, а также было воссоздано церковное судопроизводство.

На современном этапе основанием регулирования церковного суда Русской Православной Церкви являются священные каноны, Устав, принятый на Архиерейском Соборе 2000 года (последние изменения и дополнения этого Устава были сделаны в 2017 году), и «Положение о церковном суде», принятое на Архиерейском Соборе 2008 года (последняя редакция «Положения» была произведена также в 2017 году). Устав предусматривает общий порядок правовых предписаний для производства судебных действий органами церкви, а Положение «конкретизирует и детализирует деятельность церковных судов разных уровней» [7, с. 69]. Всего, как предусматривает Устав [8], в нашей Церкви существует три таких уровня судопроизводства:

- Суд первой инстанции — епархиальный, состоящий не

менее чем из пяти судей в священническом или епископском сане. Решения этого суда вступают в силу после утверждения епархиальным архиереем;

- Суд второй инстанции — общецерковный, состоящий из председателя и не менее, чем четырех епископов. Состав суда этой инстанции избирается Архиерейским Собором сроком на 4 года;
- Суд третьей, высшей инстанции — суд Архиерейского Собора, который состоит из всех епархиальных и викарных архиереев.

Нормативными актами регулируется компетенция каждого из перечисленных судов, а также полномочия и обязательства участников судебного процесса, стадии судебного разбирательства, порядок решающего постановления суда и метод обжалования этого постановления посредством вышестоящих инстанций. Церковные суды являются вполне доступными за счет того, что каждая епархия содержит в себе судебный орган. К особенностям церковного суда в нынешней России относится то, что они всегда являются непубличными [8]. Ю. И. Сафоклов в статье «Современное состояние судебной системы Русской Православной Церкви» отмечает этот факт как несоответствующий «общественному запросу в условиях всеобщей информационной открытости» [7, с. 73]. Кроме того, по его мнению, негативным является «изоляция мирян, обладающих познаниями в области права, теологии и других научных дисциплин» [7, с. 73] от участия в церковных судебных разбирательствах в рекомендационной роли, в роли экспертов без юридических полномочий. Еще одним отрицательным фактором в области современного церковного судопроизводства, по словам Ю. И. Сафоклова, является проблема «адекватности применения древних церковных канонов в условиях нынешнего времени» [7, с. 73]. На это мы можем заметить, что в настоящее время Церковь и не руководствуется точь-в-точь теми правилами, которые

были изданы более одиннадцать веков тому назад. Древние каноны, конечно, не всегда применимы в наши дни, но «полноту значимости, действенности и авторитета сохранили лежащие в их основе экклезиологические и нравственные принципы, по существу дела относящиеся к Преданию Церкви» [9]. Концепции непогрешимых и богодухновенных правил Церкви, принятых в древности по случаям конкретных исторических обстоятельств того времени, предоставляют основу для правотворчества в обстоятельствах, с которыми Церкви приходится сталкиваться в наши дни.

Итак, церковный суд имеет происхождение от времен самых первых христиан, и уже тогда он производился исключительно духовными лицами — предстоятелями и управителями церквей. По свидетельству епископа Никодима (Милаша), это право епископов «проистекает из священнопастырской их власти, принадлежащей им в церкви по божественному установлению» [6, с. 155]. В истории Русского государства судебная система Церкви играла значительную роль до тех пор, пока светская власть не стала вмешиваться в дела церковные. От времени Петра I государство приспособляло функции священноначалия к своим интересам, а во времена «красного террора» приверженцы христианства просто уничтожались для того, чтобы они не мешали устанавливать новый государственный порядок, в котором нет места для Церкви. Последние тридцать лет были наиболее благоприятными для того, чтобы восстановить в Русской Православной Церкви порядок внутреннего управления. Были вновь разработаны и продуманы функции церковных судов, которые предназначены для «восстановления нарушенного порядка и строя церковной жизни и призваны способствовать соблюдению священных канонических и иных установлений Православной Церкви» [5].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Верховской П. В.* Учреждение Духовной коллегии и «Духовный регламент». Ростов-на-Дону, 1916.

2. Зувев Ю. П. История государственно-конфессиональных отношений в России: X — начало XXI века. Издательский дом «Медиа Пром». М., 2010.

3. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Makarij_Bulgakov/istorija-russkoj-tserkvi/2_5 (дата обращения 09.03.2021).

4. Павлов А. С. Курс Церковного права. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1902.

5. Положение о церковном суде Русской Православной Церкви (Московского Патриархата). URL: <https://azbyka.ru/otechnik/dokumenty/polozhenie-o-tserkovnom-sude-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi-moskovskogo-patriarhata/> (дата обращения 09.03.2021).

6. Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. Т. I. Издательство имени святителя Льва, Папы Римского. Киев, 2008.

7. Сафоклов Ю. И. Современное состояние судебной системы Русской Православной Церкви // Государство и право. 2020. № 12. С. 66–75.

8. Устав Русской Православной Церкви (с дополнениями 2017 года). URL: <https://azbyka.ru/otechnik/dokumenty/ustav-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi/> (дата обращения: 09.03.2021).

9. Цыпин В., прот. К вопросу о церковном суде. URL: <https://pravoslavie.ru/70345.html> (дата обращения: 09.03.2021).

10. Цыпин В., прот. Каноническое право. Издательство Сретенского монастыря. М., 2012.

Корнюкова Л. А.
старший научный сотрудник
Отдела Древнерусской живописи
Государственного исторического музея
e-mail: lakornyukova@yandex.ru

Kornyukova L. A.
Senior Researcher
Department of Ancient Russian Painting
State Historical Museum
e-mail: lakornyukova@yandex.ru

**КАЛУЖСКАЯ СВЯТЫНЯ ИЗ МОСКОВСКОГО ХРАМА
СПАСА, ЧТО НА «УБОГИХ ДОМАХ»**
(Доклад на VI Свято-Лаврентьевских чтениях, 28 декабря 2019)

**KALUGA SHRINE FROM THE MOSCOW CHURCH OF THE
SAVIOR, WHICH IS ON THE «POOR HOUSES»**
(Report at the VI St. Lawrence Readings, December 28, 2019)

Аннотация. Публикация прослеживает историю калужского списка Казанской иконы Пресвятой Богородицы. В ней проводится искусствоведческий и исторический анализ образа и выявляется его связь с историческими судьбами Калужского края и калужского купечества.

Abstract. The publication traces the history of the Kaluga list of the Kazan Icon of the Most Holy Theotokos. It provides an art and historical analysis of the image and reveals its connection with the historical destinies of the Kaluga Region and the Kaluga merchants.

Ключевые слова: Православие, искусствоведение, иконопись,

иконография Пресвятой Богородицы, Казанская икона Пресвятой Богородицы, Калуга.

Key words: Orthodoxy, art history, iconography, iconography of the Most Holy Theotokos, Kazan Icon of the Most Holy Theotokos, Kaluga.

Краткие упоминания об иконе Богородицы «Казанской» Калужской Романа Родионова¹ уже встречались в литературе в последние годы [17, с. 531], но памятник заслуживает более пристального внимания. Несмотря на наличие только даты и неизвестного имени калужского иконописца, данный образ охватывает исторический период на протяжении всего XVII — первой четверти XVIII в., а также несколько выдающихся фамилий, связанных с духовной жизнью самого города Калуги, а также Вязников и Москвы.

Согласно музейной учетной документации памятник поступил в музей в 1934 г. из Госфонда МОНО², хранилище которого располагалось на Рогожском кладбище, куда он попал из церкви Спаса Нерукотворного, что на Убогих домах, в Чертольском переулке [15, с. 3], разрушенной в 1934 г. [11, с. 417–418]. Икона была раскрыта от потемневшей олифы в 1980 г. в реставрационных мастерских ГИМ³. На нижнем поле, под средником, рядом с датой находится автограф иконописца. Летопись исполнена белыми буквами по зеленому фону: «~~А~~ΨГ АВГУСТА ЕЇ (15) ДЕНЬ НАПИСА(Л) СЕЙ ЁБРА(З) СЧЮ-

¹ 1703 год. Школа Оружейной палаты. Калуга Дерево, левкас, темпера. 50,5 x 40 x 3 см. ГИМ 76337 И VIII 5265. Икона имеет серебряный, позолоченный оклад, расчеканенный гирляндами цветов и травным орнаментом, который хранится в отделе Драгметаллов ГИМ ОК 10365.

² МОНО — Московский отдел народного образования 1928–1930 (ликвидация Музейного отдела) — организация, предшествующая Департаменту образования и науки города Москвы (2018 г.).

³ Реставратором высшей категории А. И. Гоголевой.

ДОТВОРНОЙ / ИКОНЫ КАЗАНСКО(Й) Б(ОГОРОДИ) ЦЫ КОЛУЖЕНІ(Н) РОМАНЪ РОДІЇНОВЪ С(Ы)НЪ»⁴.

Икона Богоматери «Казанская» имеет уникальную иконографическую программу: ее средник является списком с почитавшейся в Калуге иконы 1630 г. Этот чтимый образ является в свою очередь списком с иконы 1622 г., созданной, предположительно, старцем Никола-Шартомского монастыря Иоакимом⁵ и вложенной в церковь Святителя Николая в своей вотчине княгиней Ириной Михайловной, вдовой князя Федора Мстиславского⁶. Размеры вязниковской иконы (51,5 x 40,8 см) превышают явленную чудотворную икону в Казани (26,7 x 22,3 см) [20,

⁴ Идентичная летопись вычеканена на окладе.

⁵ Преподобный Иоаким Шартомский (ум. После 1625 г., Суздаль) — инок Николо-Шартомского монастыря (близ г. Шуи), иконописец, ученик прп. Ирнарха Ростовского затворника, обладал даром прозорливости. Чудесам, происходящим от написанных им икон Богоматери Казанской Вязниковской и Суздальской, посвящены два «Сказания». Сохранилось предание, что святой не брал денег за написанные им образы и они были наделены Господом благодатью чудотворения.

⁶ Вязниковская слобода находилась во владении князей Мстиславских, знаменитых своим древним родом Гедеминовичей. Воеводой Иван Феодорович Мстиславский (ум. 1586 г.) участвовал в 1552 г. во взятии Казани. Его сын, князь Феодор Иоаннович Мстиславский (ум. 1622 г.), пережил в своем высоком статусе первого боярина в Думе семь русских царей, сам дважды выдвигался на царский престол и отказывался от этой чести, глава «семибоярщины» (временного правительства после низложения царя Василия Шуйского). Несмотря на знатность, он не был честолюбивым, не участвовал в интригах, служил тому государю, которому обещался крестным целованием. Дочь Ивана Феодоровича, Арина Иоанновна (ум. 1639 г.) в боярском заговоре Шуйских была наречена «царской невестой» царя Феодора Иоанновича, бездетного в браке с Ириной Годуновой, в связи с чем похищена из дома и пострижена по желанию Бориса Годунова в Вознесенском кремлевском монастыре. Вдова князя Феодора Мстиславского, в девичестве княжна Ирина Михайловна Темкина-Ростовская (инокиня Домника, ум. 1630 г.), унаследовала все его владения и, и как самая знатная и состоятельная боярыня, занимала первенствующее место при дворе царицы Евдокии Лукьяновны Стрешневой. Считаясь «большой» вдовой, она обеспечивала своими дворовыми людьми царский выезд в торжественных посольских приемах.

с. 10]. Казанская святыня в то время еще не имела общерусского признания, поэтому обращение к образу имело историческое значение: созданный список символизировал подлинную святость времен Ивана Грозного и духовную преемственность в правлении, и идейную близость бояр Мстиславских с новой династией Романовых.

Икона очень скоро прославилась чудесами исцеления. По указу царя и по благословению Патриарха Филарета в октябре 1623 г. состоялось освидетельствование Вязниковской иконы, были переписаны чудеса и имена исцелившихся. Новоявленный образ приобрел широкую известность. В честь обретения святыни было составлено «Сказание о чудесах от чудотворного сего святого образа Казанские Пресвятые Владычицы наша Богородицы и присно Девы Марии града Иерополча в Вязниковской слободе»⁷.

В 1627 г. совершилось чудесное исцеление калужской купчихи Евфимии Симеоновны Судовщиковой, оказавшее судьбоносное значение для ее родного края.

Калуга — древний заокский город, известный по письменным источникам с XIV века, имеет яркую, наполненную драматическими политическими страницами историю, одна из них приходится на «смутное время». Расположенный на юго-западе от Москвы город на протяжении веков оказывался на пересечении движущихся с запада и юга захватчиков: крымских татар, казаков, литовских и польских интервентов. Не-

После смерти своего мужа вместе с его дочерью, инокиней «старницей» Александрой, Ариной Иоановной, Ирина Михайловна вложила в церковь, предположительно, Николая Чудотворца своей вязниковской вотчины образ Богоматери Казанской.

⁷ В 1640 г. паломническую поездку к чудотворной иконе совершил царь Михаил Федорович. Всего до июля 1703 г. было зафиксировано 270 исцелений. В 1670–1674 гг. на средства дворцовой казны Алексея Михайловича, церковной казны и мирского подаяния была построена Казанская каменная соборная церковь, перестроенная после пожара в 1708 г., где святыня пребывала в летний период. Ныне образ находится в Крестовоздвиженском соборе г. Вязники.

смотря на частое почти полное разорение, предприимчивая жилка калужского купечества правительством была замечена. Уже со второй половины царствования Михаила Федоровича город быстро восстанавливается и достигает своего расцвета в XVIII веке. Через Калугу по Оке шел торговый путь из Сибири, Урала, Казани через Нижний Новгород, столицу в северские города и Украину. Калуга — важнейший рынок сбыта пермской соли. Также калужский хлеб и печенье пользовались почетной известностью. Калужские купцы совершали торговые сделки в Великом Устюге, поддерживающим торговые отношения большим числом торговых центров страны. В Москву поступали из Калуги ефимки (иностранная валюта, получаемая благодаря торговле с Литвой за пермскую соль и хлеб).

Калужские купцы первой трети XVII в., братья Третьяк (третий) — Трифон и Константин-Смирной Судовщиковы занимались торгом в этот очень трудный для Калуги и для всей России период. Вместе с тем они сохраняли присутствие духа, были патриотами и отличались глубоким благочестием. Современники дали прозвище Смирный («мирный», «смиранный»), сохранили могилу братьев, на которую в течение столетий священники приходили с панихидой два раза в год — 8 июля и 22 октября (на день празднования иконы Богоматери Казанской), в XVIII в. построили и украсили росписями склеп-часовню, и деяние, сотворенное ими в пользу родного города, запечатлели в Сказании (здание не сохранилось). Калуга при их жизни была бедна и разорена. Производство и торговля были слабыми в виду военных опасностей и всеобщей нищеты. Тем не менее, наряду со Строгановыми, ярославскими, московскими купцами Судовщиковы кредитовали царя Василия Ивановича Шуйского деньгами под заклад жемчуга, золота и серебряных сосудов. Смирной Судовщиков — участник Земского собора 1613 г., был единственным среди гостей, чья подпись оказалась на утвержденной грамоте, что было и знаменательным и, видимо, необходимым для калужан с их «разбойным» прошлым. Специалисты отметили, что на Земском соборе 1613 г. Смир-

ной Судовщиков был избран «от Калуги и от северских городов», что свидетельствует об известности уважении к нему не только в Калуге, но и в близлежащих населенных пунктах. На следующий 1614 год он был отправлен из Москвы в Калугу исполнять службу кабацкого головы (сбирать налог с питейного товара в пользу государства).

В 1615 г братья получили пожалование гостиним чином, в заслугу им была поставлена удачная торговая операция: «...в Дорогобуже под Смоленском хлеб продавали ратным людям и в той покупке прибыль учинили». Несмотря на высокую честь, им оказанную, братья не были богаты. До пожалования в гости братья Судовщиковы имели 1000 рублей долга. Разбогатели они уже будучи гостями. В 1621 г. не желавший отбывать службу в таможене Нижнего Новгорода Смирной Судовщиков был отправлен туда из Устюжской четверти «за приставом». В 1622 г. снова в Нижнем Новгороде ему все же опять пришлось отправлять гостиную службу. Надо заметить, что эту работу в пользу государевой казны по принятому в стране порядку гость обязан совершать за свой счет, бросив свои торговые дела. В 1627, согласно «Сказанию», супруга Третьяка Никитича, брата Константина-Смирного, Евфимия Симеоновна отправилась на богомолье к явленному чудотворному образу Богоматери Казанской в Казань, но по дороге она заболела (впала в «расслабление») и узнав, что список с Казанской святыни находится в Вязниках, поехала туда. После молебна перед вязниковской иконой Евфимия исцелилась. Тогда же, в 1627 г., братья Судовщиковы, находившиеся в Москве, получили подтверждение на гостевую грамоту, видимо, ими утраченную, что было большой удачей для семьи и тоже «чудом». По ее заказу был сделан список «в меру и подобие», и с ним купчиха вернулась в свой разоренный войнами, пожарами, голодом родной город. История чудотворной иконы Богоматери Казанской-Калужской описана в рукописном «Сказании» [5, с. 309–316] «о принесении чудотворных иконы Казанския Пресвятыя Богородицы из града Вязники в богоспасаемый град Калугу во храм Преоб-

ражения Господня, что под горою» с описанием чудотворений. В «Сказании» сообщается, что она обложила образ серебром, жемчугом «и камением драгим и поставила во граде Калуге в церкви Преображения Господня, что под горою. Учредися же на праздник ея (22 октября) крестное хождение из соборных церкви». Ежегодно стали совершаться крестные ходы из Троицкого собора в Преображенскую церковь. Предания рассказывают о многочисленных исцелениях, происходивших от чудотворного списка Калужской-Казанской Божией Матери [10, с. 7–39].

Царским указом о переселении в Москву братья Судовщиковы не подчинились, оставшись на жительство в Калуге. Последнее упоминание в делопроизводственных документах о них — 1631 г. Даты смерти Третьяка-Трифона Никитича 1633 г., его брата Константина-Смирного, в схиме Кирилла — 1632 г. Сын Константина — Герман (Демьян) Смирнович в 1631 г. получил за заслуги отца звание гостя минуя гостиную сотню, что в истории корпорации является единственным случаем (умер 1634 г.) [3, с. 10, 88–90, 96, 99, 103, 109, 312; 4].

«Сказание» закрепило особое почитание в Калуге этой иконы. Известно, что в 1674 г. (в год строительства в Вязниках каменного Казанского храма) чудотворный образ пребывал в Москве, в палатах царицы Наталии Кирилловны, где по царскому указу должен был быть сделан список жалованным иконописцем Симоном Ушаковым.

История священной топографии получила свое развитие и в XVIII в. Память о чудотворном калужском образе сохранялась в царской семье и ее окружении. При строительстве каменного калужского храма Преображения, что «под горой» в 1707–1717 гг. дочерью Наталии Кирилловны, царевной и великой княжной Наталией Алексеевной был внесен денежный вклад 100 рублей, и непосредственными соратниками царя Петра I, графом Бориса Петровичем Шереметьевым и светлейшим князем Да-

нили Меньшикова вклад размером 1000 рублей. Неслучайным можно считать поэтому появление в Москве списков с калужской святыни [9; 19]⁸.

На полях иконы изображены четыре ростовые фигуры приписных святых: преподобный Тихон Медынский и Калужский⁹ и Лаврентий Калужский, Христа ради юродивый. Далеко не сразу удалось понять, кто заказчик моленного образа. Подбор палеосных святых на иконе отражает индивидуальный заказ (благодаря изображению Архангела такие иконы называются «семейными») и одновременно носит ярко выраженный «местный» характер, связанный, как и список с Вязниковской «Казанской» иконы 1630 г., с историей Калуги и ее земель: блаженный Лаврентий — Христа ради юродивый, согласно преданию, жил в конце XV — начале XVI в., во времена правления калужского удельного князя Семена Ивановича, и спас город и самого князя во время битвы с татарами под Калугой в 1512 г. На месте «подвигов» Лаврентия недалеко от Калуги в 1515 г. был основан Рождественский Лаврентиев монастырь, где юродивый и был похоронен. Канонизирован он в первой половине XVII в., празднование святому — 10 августа. «Сказание о чудесах Лаврентия» известно в рукописи конца XVII — начала XVIII вв. Изображался босым, в шубе на плечах, с секирой в руке, с которой он, по преданию, явился на поле битвы, защищая калуж-

⁸ Списки начала XVIII и начала XIX вв. сохраняют композиционное сходство, положение кисти Богомладенца на фоне шеи Богоматери, направление взглядов персонажей, изображение платья с подольником, формы ворота и однотонного зеленого клава на гиматия у Христа, рисунок каймы на мафории, цветовую гамму на одеждах. Но пропорции сглаживаются: овал лица становится ровно удлинненным, асимметрия в чертах и тенях практически не заметна, что отличает списки от подлинного образа, лишают их выразительности.

⁹ На иконе он назван «Ярославецкий», по городу Малоярославцу, близ которого находилась основанная им пустынь, по топониму он часто именуется «Медынским» и «Калужским», т. е. по недалеко расположенным городам Медынь и Калуга.

ского князя от татар. Преподобный Тихон Калужский — (ум. ок. 1492 г.), затворник, игумен основанной им Успенской Тихоновой пустыни, канонизирован в 1580 г., память празднуется 16/29 июня, служба составлена в XVII в. [16, с. 162–163, 262; 18, с. 231–232; 2, с. 162–163, 560; 6; 7; 8].

Указанная в автографе иконописца дата написания иконы — 15 августа, приходящаяся на день Успения Богородицы, видимо, неслучайна, она могла адресовать к самому художнику, бывшему иноком Тихоновой обители, посвященной Успению Богородицы.

В Москве икона находилась в приделе святителя Николая храма на Божедомке, в Чертольском переулке, главный престол которого посвящен его поспразднеству Успения Богородицы: «Перенесению из Едессы в Константинополь Нерукотворенного Образа (Убруса) Господа Иисуса Христа», построенного в память умершего супруга Федора Алексеевича на средства царицы Марфы Матвеевны (1694–1696). Дом Апраксиных находился недалеко от храма на Пречистенке. Теплый Никольский придел вместо древнего деревянного, упоминаемого в 1694 г., был возобновлен Е. Н. Ла(о)дыженской в 1730 г. на месте обширного семейного захоронения. Там же в Никольском приделе храма на Божедомке, рядом с образом Богоматери Казанской, стояла надгробная плита семейства Ла(о)дыженских 1724 г., литая на чугунных заводах Александра Нарышкина¹⁰, что могло быть связано и с заботой о приходском храме, и с личными неизвестными нам трагическими событиями в московской дворянской семье. Среди умерших младенцев последней упо-

¹⁰ Сохранилось описание металлического надгробия Ю.Ф. Ладыженского, отлитого на чугунных заводах Александра Нарышкина: «Ладыженский Георгий (Юрий) Федорович, ближний стольник, ум. 27 марта 1714, на память св. Матроны Селунской. Жил 49 л. 4 м.; тезоименство 26 ноября. Дети его, младенцы: Иоанн, Ирина, Васса, Иоанн, Василий, Мария, Иоанн, Георгий, Анна. Чугунная доска сделана на заводах Александра Львовича Нарышкина в январе 1724 г. Лил мастер Сергей Малафеев (Церковь св. Пятницы, на Убогих домах, в Чертоле, близ Пречистенки)».

минается Анна, что позволяет предположить, что пророчица Анна, изображенная на иконе — патрональная святая Анны Юрьевны Ла(о)дыженской, дочери Юрия Федоровича и Елены Никитичны Ла(о)дыженских. На иконе напротив ее предстоит Ангел Хранитель в виде архангела Рафаила, которому традиционно приписывается целительная сила. Это проясняет конкретное молитвенное обращение заказчиков иконы с просьбой об исцелении младенца и раскрывает причину создания обетного образа.

Юрий Федорович Ла(о)дыженский (1666–1714), стольник царя Ивана Алексеевича, принадлежал к древнему и очень разветвленному дворянскому роду, известному с XIV в., но выше стольников и кравчих не сумевшему выбиться в должностной карьере. Его отец, патриарший стольник, воевода Федор Михайлович Ла(о)дыженский, жестоко погиб в 1667 г. от рук запорожцев, мстивших «русскому царю» за унижение Андрусовского перемирия, когда сыну едва исполнился год. Имея чин комнатного стольника и второго кравчего царя Иоанна Алексеевича, сопровождал его в 1683 г., видимо, на богомолье к святителю Илариону, во Владимир и Суздаль. Царь Петр заметил стольника своего брата и после смерти царя Иоанна Алексеевича в 1697 г. отправил его за границу «на учебу»¹¹.

¹¹ Видимо, результатом этой командировки, послужившей идеологической смене «ориентиров» на царской службе, можно объяснить его решение отдать своего сына Алексея Юрьевича Ла(о)дыженского (1693–1756) в 1710 г. в иезуитскую школу при костеле Святых апостолов Петра и Павла в Москве, где миссионеры из чешской орденской провинции были убеждены, что находятся в России не только для окормления существующих общин, но и для распространения римской веры. А затем отправить его учиться за границу «в европейские христианские государства для обучения всяких наук», где он оставил «закон православный греческого исповедания» и «принял римский». Синхронно с исполненными традиционного благочестия действиями своей родительницы, А. Ю. Ла(о)дыженский к 1731 г. прошел полный курс обучения в иезуитском коллегиуме, принял католичество, затем — монашеские обеты и, получив сан католического священника, стал профессором моральной теологии в Варшаве, Минске, Вильно, миссионером и префектом. Правительство Речи Посполитой не смогло

Мать младенца Анны, Елена Никитична Ла(о)дыженская (1660/1670 — ум. ок. 1730) была дочерью князя Никиты Ивановича Приемкова-Ростовского — государственного и военного деятеля, воеводы, боярина (с 1682 г.), принадлежавшего к ростовской ветви княжеского дома древнего славного рода Рюриковичей. Вошедшие в историю его представители отличались благородством, благочестием и патриархальностью: воеводами участвовали в Ливонской войне, сам род Приемковых-Ростовских записан во вкладной книге Троице-Сергиевой Лавры. Никита Иванович занимал важные должности начальника Земского, Судного приказов, служил воеводой в Саранске, Мценске, окольничим в Астрахани, входил в число приближенных к царской семье, присутствовал на царских свадьбах, в дни приемов послов, особо важных государственных событий, в частности в 1674 г. «был у стола» при оглашении совершеннолетия царя Федора Алексеевича. Надо полагать, что как лицо, особо приближенное к царской семье, он знал о прибытии в Москву Казанской Калужской чудотворной иконы и снятия с нее копии. В числе стольников он сопровождал на богомолье в Троице-Сергиеву Лавру и Саввин монастырь царя Алексея Михайловича и затем его сына Федора Алексеевича. До последних его дней ему доверяли святыни во время городских шествий, уже в год смерти (1692 г.) по указу государей Петра и Иоанна он находится у «действия Страшного Суда», которое совершал Патриарх Адриан в Успенском соборе.

Его дочь, Елена Никитична Ла(о)дыженская, родила своему супругу 14 детей, девять из которых умерли в младенчестве. В 1729–30 гг. на ее средства был обновлен южный теплый придел Святителя Николая и выстроена трапезная для церкви Спаса в Чертолье. Туда же была по древнерусскому обычаю вложена

отстоять «первого русского иезуита», которого уже значительно позже, депортировали в 1737 г. в Россию, поместили сначала в Петропавловскую крепость, затем сослали солдатом в Тобольск, после чего он дважды принял Православие и умер монахом в Благовещенском монастыре в Нижнем Новгороде [1, с. 143–154].

семейная реликвия — «моленная» икона, список с чудотворной Казанской Калужской Богородицы.

Имя художника пока известно только по подписи на публикуемой иконе. Образ интересен тем, что он достаточно точно воспроизводит увиденную на образце схему Калужской Казанской иконы [12; 14], даже несколько гипертрофируя некоторые черты: расширенный овал лица, тонкий короткий нос, петельками уши, разрез преувеличенно больших глаз с внешними уголками, опущенными вниз, отстраненный взгляд Богородицы, чуть скошенную тень под тонкими губами. В изображении праведного Лаврентия иконописцем также воспроизводятся цветовое решение и иконографический тип, известные по соименной надгробной иконе блаженного, находящейся в Георгиевской церкви, «что за верхом», с характерным овальным абрисом «шубы роспах» за спиной, складками завернутых «манжеток» на портах и на рубахе. Автограф, написанный крупными буквами на нижнем поле, на публикуемой иконе не оставляет сомнений ни в происхождении иконописца, ни в месте создания иконы. В произведении Романа Родионова на первый взгляд обращает внимание разница в манере письма средника и приписных святых. Скорее всего, это могло быть обусловлено заказом. В изображении богородичного образа автор стремился к точному копированию образца, поэтому пропорции выглядят тяжелыми и неуклюжими в затесненной композиции, широкий контур подчеркивает простонародный тип лица. Поскольку икона изначально писалась под оклад, складки одежд исполнены схематично. На ликах приписных святых сильная светотеневая моделировка, изящный рисунок носа с горбинкой и больших выпуклых «греческих» глаз свидетельствуют о знакомстве иконописца со столичным искусством. Образу Романа Родионова присущи и сосредоточенная вдумчивость, и лирическая нотка грусти, и тихая незатейливая красота. Для художника очевидно стремление почувствовать, оживить форму, «осязать» ее даже в ущерб рисунку. Калуга никогда не была крупным художественным центром иконо-

писания. Судя по немногим сохранившимся данным архивной деловой документации, калужские иконописцы — это посадские люди¹². И это особое внимание к письму ликов, внешне простое, но затрагивающее глубины народной души, безусловно, стало отличительной чертой искусства калужской иконы. Цветовой строй иконы выдержан в традициях калужской ико-

¹² По документам известны немногие имена калужских иконников XVI в. К середине XVII в. имен встречается в источниках много больше. Федора Юдина, Григория и Макара в 1652 г. вызывают на стенопись в Архангельском соборе, Яков Иванов в 1657 г. работает в оформительских работах в артели Симона Ушакова. После того как калужские иконописцы в 1650-е гг. участвовали в работах сборных артелей по украшению Московского Кремля, в Калугу в 1660 г. уже был направлен запрос от царя для вызова калужских иконописцев для работ в Архангельском соборе. В Калуге к тому времени был развитый цех потомственных иконописцев с династическими связями и семейными кланами. На работы в Архангельский собор художники привезли своих детей. Приехали Дмитрий Алферьев, Григорий, Константин Григорьев, Елисей Денисов и его сын Парфений Елисеев, Макар Козьмин, Григорий Можевитин, Максим Павлов вместе с братом Иудой и сыном Наумом, Федор Юдин. Безусловно, калужские иконописцы получили хорошую школу мастерства в Москве после монументальных работ в артелях совместно с лучшими знаменщиками Москвы и Поволжья. Калужский иконописец Макар учился у московского иконописца-монументалиста Ивана Никитина, калужане Григорий Можевитин и Федор Юдин у известного жалованного иконописца, своего земляка Степана Резанцева (в 1652 и 1660 г.), Яков Иванов у Симона Ушакова. Судя по тому, что вызовы состоялись и иконописцы были востребованы, они владели мастерством новой технологии в Оружейной палате, были хорошими рисовальщиками, могли трудиться в общественных работах. Например, калужанин Макар был учеником опытного московского иконописца монументалиста Ивана Никитина Кривошека, работавшего церкви Никола Надеина в артели известного костромича-монументалиста Любима Агеева. Правда, калужские иконописцы не были ведущими мастерами, т. е. знаменщиками, их работа оплачивалась согласно росписи по 2 и 3 категории («статьям»). Но они получали оценку мастерства и качества своей работы у ведущих иконописцев Оружейной палаты — Симона Ушакова и Федора Зубова, авторов своего индивидуального образа, выдающихся мастеров личного письма [17, с. 44, 161, 165, 177, 214, 291, 296, 567, 341, 367, 480, 464, 403, 437, 429, 775, 602, 708, 891; 13, с. 59–62].

нописи. Неяркие, но прозрачные цвета позволяют построить сложные цветовые соотношения и избежать нарочитой цветности провинциальных произведений. Очевидно, калужане готовили краски из местных растительных минеральных пигментов¹³. Бледно-зеленый, оранжево-розовые, синие оттенки — основные тона цветовой гаммы мастеров Калуги.

Если подвести итоги, то можно утверждать, что путь священной топографии чудотворной иконы Богородицы Казанской-Калужской, ставшей палладиумом Калуги, указывает на патриотизм и благочестие, на чистую душу русского народа, на его мужество и глубокую веру.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А. Н. «Русский иезуит А. Ю. Ладыженский: неисследованная страница в истории русского католицизма XVIII столетия» // Отечественная история. № 3, 2008.
2. Барсуков Н. Источники русской агиографии. СПб., 1896.
3. Голикова Н. Б. «Привилегированные купеческие корпорации России XV — первой четверти XVIII в.» М., 1998.
4. Голикова Н. Б. «Привилегированное купечество в структуре русского общества в XVI — первой четверти XVIII в.». М., 2012.
5. КЕВ. 1863. № 18.
6. Леонид (Кавелин), иером. Историческое описание Калужского Лаврентиева монастыря. Калуга, 1891.
7. Леонид (Кавелин), иером. Историческое описание Тихоновой Калужской пустыни. СПб., 1862.
8. Леонид (Кавелин), иером. Преподобный Тихон, основатель Тихоновой пустыни. Калуга, 1887.

¹³ Калуга обладает богатой минерально-сырьевой базой. В иконописном подлиннике существует термин «калужская охра», отличающаяся особо темным тоном. Филатов В. В. Словарь иконописца. Ее добывали в карьерах, недалеко от Калуги по побережью Оки.

9. *Нечаева Т., Чернов М.* «Писан в Калуги...» Калужские иконы XVIII–XIX веков/ Антиквариат / Предметы искусства и коллекционирования. М., 2010. № 11 (81).

10. *Никодим (Кононов), епископ.* Калужская икона Казанской Богоматери и памятники ее прославления. Харьков, 1916.

11. *Паламарчук П. Г.* Сорок сороков. Краткая иллюстрированная история всех московских храмов. М., 1994. Т. 2.

12. *Пуцко В. Г.* Икона Богоматери Казанской, что в Калуге // Вопросы истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XIII Всероссийской научной конференции (Калуга, 7–9 апреля 2009). Калуга, 2009.

13. *Пуцко В. Г.* Раннее произведение Симона Ушакова // Искусство. 1989. № 11.

14. *Пуцко В. Г.* Ренессансные схемы русских икон Богоматери: Елецкая и Казанская // Никодим Павлович Кондаков, 1844–1925.

15. *Скворцов Н. А.* Церковь Нерукотворного образа Спасителя на Божедомке // Труды комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины Москвы и Московской епархии. М., 1904. Т. 1.

16. *Словарь исторический о российских святых.* СПб., 1836.

17. *Словарь русских иконописцев XI–XVII вв.* // Редактор-составитель И. А. Кочетков. М., 2009.

18. *Толстой М. В.* «Книга, глаголемая о российских святых...». М., 1888.

19. *Шесть веков русской иконы. Новые открытия.* / Выставка из частных собраний к 60-летию Музея имени Андрея Рублева. № 52.

20. *Чугреева Н. Н.* «Державная заступница» / Чудотворные иконы Богородицы Казанской в Смутное время / Ярославская и Московская // Светильник. Религиозное искусство в прошлом и настоящем. М., 2003. № 1 (2).

УДК 908

Маркина И. В.

главный библиограф отдела Краеведения и
ОРФ Центральной городской библиотеки им. Н. В. Гоголя
e-mail: irmarka79@mail.ru

Markina I. V.

Chief bibliographer of the Department of Local History and
Russian Federation of the Central City Library named
after N. V. Gogol
e-mail: irmarka79@mail.ru

**«ИСПРАВЛЯЮЩИЙ ДОЛЖНОСТЬ ЭКОНОМА АРХИ-
МАНДРИТ АРСЕНИЙ...» (ПО ДОКУМЕНТАМ ГОСУДАР-
СТВЕННОГО АРХИВА КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ)**

(Доклад на VI Свято-Лаврентьевских чтениях, 28 декабря 2019)

**«ARCHIMANDRITE ARSENY CORRECTING THE POSITION OF
THE HOUSEKEEPER...» (ACCORDING TO THE DOCUMENTS OF
THE STATE ARCHIVE OF THE KALUGA REGION)**

(Report at the VI St. Lawrence Readings, December 28, 2019)

Аннотация. Публикация посвящена деятельности насельника Перемышльского Лютикова монастыря архимандрита Арсения (Зерчанинова), исполнявшего должность эконома Свято-Лаврентьева монастыря, который, по некоторым сведениям, являлся составителем службы св. Лаврентию Калужскому.

Abstract. The publication is devoted to the activities of the resident of the Peremyshl Lyutikov Monastery, Archimandrite Arseny (Zerchaninov), who served as the steward of the St. Lawrence Monastery, who, according to some sources, is the compiler of the service to St. Lawrence of Kaluga.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Калужская епархия, Свято-Лаврентьев монастырь, архимандрит Арсений (Зерчанинов).

Key words: Russian Orthodox Church, Kaluga Diocese, St. Lawrence Monastery, archimandrite Arseny (Zerchaninov).

В списке настоятелей Калужского Свято-Лаврентьева монастыря архимандрит Арсений стоял 16-м в числе экономов Калужского архиерейского дома, поскольку после обращения монастыря в оный (1799 год) настоятельство обители стало принадлежать Калужской епархии: «Исправляющий должность Эконома Архимандрит Арсений, из настоятелей Перемышльского Лютикова монастыря, с 16 Сентября 1833 года до 20 Апреля 1843 года, ему приписывают, между прочим, составление службы Праведному Лаврентию» [2, с. 84–86]. Архимандрит Троице-Сергиевой Лавры Леонид (Кавелин) в своем «Историческом описании Калужскаго Лаврентиева монастыря нынешняго Калужскаго архиерейскаго дома и принадлежащей к оному Крестовской церкви» указал место погребения архимандрита Арсения: «На восточной стороне соборнаго храма несколько памятников <...> На левом углу храма в стене его чугунная плита, с надписью: „Против сего погребено тело Соборнаго Иеромонаха Арсения Зерченинова, в Московской Перервинской Семинарии чрез 40 л. учителя, скончавшагося в Калуге на 65 году, 1817 года Февраля 3 дня“. Над сею плитою литографированный портрет его, в рамке за стеклом, с надписью: „Арсений Зерчанинов слепец...“ Рядом с ним на месте, огражденном решеткою, лежит Эконом сего дома, бывший Настоятель Лютикова монастыря Архимандрит Арсений Зерченинов <...>» [2, с. 70–71].

В числе дел из фонда Государственного архива Калужской области есть «Именные и перечневые ведомости о монашествующих и послушниках монастырей Калужской епархии за 1834

год» [1]. Архимандрит Арсений прослужил на своей должности почти полтора года на тот момент, когда ему надлежало подать Рапорт с составленной «Ведомостью о монашествующих и бельцах, находящихся в Калужском Архиерейском доме, за 1834 год» от 22 января 1835 года. Интересно познакомиться с этим документом.

Под № 1 стоял сам правящий должность эконома архимандрит Арсений. Из духовного звания, 56-и лет, окончил курс семинарии.

2. Правящий должность казначея священник Иаков. Из духовного звания. 13 февраля 1829 года по указу Калужской духовной консистории был определен из рядовых священников в число братства Калужского архиерейского дома. Должность казначея исполнял с 1834 года «впредь до усмотрения». Имел бронзовый наперсный крест в память 1812 года. 60 лет. В школах не был. В пороках не был. К послушаниям способен, поведения честного.

3. Духовник иеромонах Иосиф. Из духовного звания. 28 июня 1824 года был перемещен из Боровского Пафнутьева монастыря и определен духовником. С 1825 года по указу Святейшего Синода был пострижен в монашество. 29 июня 1830 года награжден набедренником. Имел бронзовый наперсный крест в память 1812 года. 59 лет. Обучался русской грамоте. Исправлял служение при Крестовской церкви. В пороках не был. Слаб здоровьем. Поведения честного.

4. Иеромонах Иннокентий. Из духовного звания. В 1819 году «начально определен» в Тамбовской епархии «Николаевский Чернев монастырь» в число братства. 12 марта 1820 года посвящен в стихарь преосвященным Ионой, епископом Тамбовским. 18 ноября 1822 года по своему желанию переведен в число братии Вознесенского монастыря Иркутской епархии. 25 ноября 1822 года пострижен в монашество. 8 июля 1823 года преосвященным Михаилом, епископом Иркутским посвящен в иеродиакона. 7 февраля 1826 года рукоположен в иеромонаха. 28 сентября 1826 года по своему прошению переведен в число братства Козловского Троицкого монастыря Тамбовской

епархии. 10 августа 1831 года по своему прошению определен в «Саввино-Сторожевский монастырь», а 14 декабря 1834 года поступил в число братства Калужского архиерейского дома. 40 лет. Обучался: «из поэзии». Исправлял должность «Крестового иеромонаха» и письмоводителя. В пороках не был. К послушаниям способен, поведения честного.

5. Иеромонах Авель. Из духовного звания. 22 июля 1827 года определен из вдовых священников в Калужский архиерейский дом. В 1830 году по указу Святейшего Синода пострижен в монашество. Имел бронзовый наперсный крест в память 1812 года. 73 года. Обучался русской грамоте. Исполнял должность свечника. В пороках не был. К послушаниям за старостью не способен, поведения честного.

6. Иеромонах Афанасий. Из духовного звания. 4 июня 1805 года определен в число братии Козельской Оптиной пустыни. 13 мая 1816 года пострижен в монашество. 26 декабря 1816 года рукоположен в иеродиакона. В 1821 году — в иеромонаха. В 1826 году перемещен в Перемышльский Лютиков монастырь с «препоручением» казначейской должности. 6 октября 1831 года взят на «усмотрение» в Калужский архиерейский дом. 50 лет. Обучался русской грамоте. Держал чреду священнослужения и исправлял должность ризничего. В пороках не был. К послушаниям способен, поведения хорошего.

7. Священник Леонтий Гаврилов. Из духовного звания. 11 декабря 1831 года по указу Калужской духовной консистории определен из вдовых священников в число братства Калужского архиерейского дома. 46 лет. Обучался русской грамоте. Держал чреду священнослужения. В пороках не был. К послушаниям способен. Поведения довольно хорошего.

8. Священник Василий Егоров. Из духовного звания. 18 сентября 1834 года по указу Калужской духовной консистории определен из вдовых священников в число братства Калужского архиерейского дома. Имел бронзовый наперсный крест в память 1812 года. 56 лет. Из окончивших курс семинарии. Держал чреду священнослужения. В пороках не был. К послушаниям способен, поведения хорошего.

9. Диакон Алексей Леонтиев. Из духовного звания. 19 ноября 1831 года по указу Калужской духовной консистории перемещен из Боровского Пафнутьева монастыря в число братства Калужского архиерейского дома. 54 года. Обучался русской грамоте. В пороках не был. К послушаниям способен, поведения добропорядочного.

10. Диакон Иоанн. Из духовного звания. 31 мая 1832 года по указу Калужской духовной консистории определен из вдовых диаконов в число братства Калужского архиерейского дома. 52 года. Из среднего отделения семинарии. Держал чреду служения. В пороках не был. К послушаниям способен, поведения честного.

11. Диакон Авраамий. Из духовного звания. 29 января 1832 года по указу Калужской духовной консистории определен из вдовых диаконов в число братства Калужского архиерейского дома. 46 лет. Обучался русской грамоте. Держал чреду служения. В пороках не был. К послушаниям способен, поведения довольно хорошего.

12. Послушник Евель Орлов. Из духовного звания. 23 мая 1832 года по указу Калужской духовной консистории определен из ее подканцеляристов (состоял в этой должности три с половиной года) в Калужский архиерейский дом. В консисторию попал из низшего отделения семинарии. 9 октября 1832 года посвящен в стихарь. 30 лет. Обучался предметам в низшем отделении семинарии. Исполнял должность послушника и писца при экономе. В пороках не был. К послушаниям способен, поведения честного.

13. Послушник Иван. Из духовного звания. 26 ноября 1831 года по указу Калужской духовной консистории определен из учеников низшего отделения семинарии в Калужский архиерейский дом. 9 октября 1832 года посвящен в стихарь. 25 лет. Обучался предметам в низшем отделении семинарии. Исполнял послушническую должность и должность свечника в Крестовской церкви. В пороках не был. К послушаниям способен, поведения честного.

14. Послушник Петр. Из духовного звания. 13 октября 1834

года по указу Калужской духовной консистории определен из учеников высшего отделения уездного училища в Калужский архиерейский дом. 18 лет. Обучался предметам в высшем отделении Уездного училища. Исполнял послушническую должность. В пороках не был. Усерден, поведения хорошего.

15. Послушник Глеб Сеницын. Из духовного звания. 17 сентября 1832 года по указу Калужской духовной консистории определен из учеников низшего отделения семинарии в Калужский архиерейский дом. Посвящен в стихарь. 25 лет. Обучался предметам в низшем отделении семинарии. Исполнял послушническую должность. В пороках не был. К послушаниям способен, поведения честного.

16. Послушник Феодосий Максимов. Из духовного звания. 12 декабря 1832 года по указу Калужской духовной консистории определен из пономарей в число братства Калужского архиерейского дома с «надеждой пострижения в монахи». 33 года. Обучался в низшем отделении уездного училища. Исполнял причетническую должность. В пороках не был. К послушаниям способен, поведения честного.

17. Василий Клементиевский, в числе братства. Из духовного звания. 26 марта 1832 года поступил из учеников «Спасовижанской Семинарии». 26 лет. Окончил курс семинарии. Исполнял всякую должность, по силам и по назначению. В пороках не был. Поведения честного [1, л. 52–57].

Посмотрим еще одно дело из фонда ГАКО, связанное с деятельностью архимандрита Арсения. Это «Материалы о надеждении монастырей Калужской епархии лесными дачами. 22 декабря 1832 года — 27 февраля 1840 года» [3]. Но для начала заглянем в «Историческое описание Калужскаго Лаврентиева монастыря...» архимандрита Леонида и посмотрим на «прежние и нынешние владения монастыря» («нынешние» на 1862 год — время создания первого выпуска книги). Согласно выписи из Калужских писцовых книг писца Григория Плещеева и подьячего Григория Семенова 1628 и 1629 годов среди прочих владений монастыря была и «**деревня Турынина на отвершке речки Калужки**, где находился монастырский двор; и пашни

«паханные средние земли 22 чети¹ с осьминою, да лесом поросло в кол и жердь 25 чети в поле, а в дву потомуж; сена по речке по Калужке 145 копен; лесу пашенного и непашенного 25 дес., да непашенного по угору под речкою под Калужкою по обе стороны 4 дес.» [2, с. 72–74].

По ведомости 1763 года: **деревня Подзавалье**, «Слободка тож, на речке Яченке, при монастыре, в 2 верстах от города, в ней крестьяне мужеска пола 85 душ; при оной земли по писцовым дачам 128 ½ четвертей в поле, в дву потомуж, сенных покосов 27 копен волоковых, **сосновая роща в длину 2, в ширину 1 дес.**»; **деревня Турынино на речке Калужке, в 6-и верстах² от Свято-Лаврентьева монастыря, в которой было 195 крестьян «мужеска пола», 292 четверти земли** [2, с. 76–77].

Во второй половине XIX века архиерейский дом владел землей под «монастырем 6 дес., под садом и огородом 8 десятин, неудобной под дорогами, водомоинами, рвами и прудами 1615 саж.; а всей под монастырем, садом и огородами удобной 14 десятин, а неудобной 1615 саж.», **за слободой Подзавалье — 2-я десятинами пахотной и огородной земли, неудобной — 1130 сажень**. Относительно деревни Турынино не сказано ничего [2, с. 77–78]. Однако вопрос присоединения к владениям Архиерейского дома в качестве лесной дачи вместо 20 десятин (в их числе считались и пустые места) казенной сосновой рощи, примыкавшей к деревне Подзавалье, сорока десятин различного дровяного леса, растущего на пустоши, именуемой Старое Городище, решался в первой половине XIX века.

Итак, 15 марта 1833 года в Калужскую духовную консисторию поступил рапорт правящего должность эконома Калужского архиерейского дома архимандрита Арсения (с учетом современных норм орфографии и пунктуации): «Указом из Калужской духовной консистории предписано доставить сведения: 1) есть ли при монастырях лесные дачи; 2) какой лес;

¹ Четь (четверть) — 0,5 десятины, осьмина — 1/8 десятины; 1 десятина — 1,09 гектар.

² Верста — 1066,8 метра.

3) сколько оного. Если нет, то 4) имеются ли вблизи казенные леса; 5) в каком расстоянии от монастыря; 6) в каких местах; и 7) в каком пространстве;

на что сим доношу: на 1) что при Лаврентиевом бывом монастыре, что ныне Архиерейский дом, лесных дач нет; на 4) вблизи имеется казенная сосновая роща; на 5) в расстоянии $\frac{1}{4}$ версты; на 6) от черты города Калуги с северной стороны не более 1 версты, а к деревне Подзавалью примыкается; на 7) она роща в пространстве имеет примерно десятин 20, полагая в том числе пустые места» [3, л. 13].

12 декабря 1834 года архимандрит Арсений отправил Его Преосвященству Преосвященнейшему Николаю, епископу Калужскому и Боровскому и Кавалеру доклад такого содержания: «Указом из Калужской Духовной Консистории, на основании такового же из Святейшего Синода, предписано мне дознать и донести, нет ли где другой рощи, помимо сосновой, что близ деревни Подзавалье, удобной к отводу для Калужского Архиерейского дома. На что сим честь имею донести, что роща, частью дубовая, частью березовая и осиновая, имеется в верстах пяти или шести от города Калуги, на левом берегу реки Оки, за речкою Калужской, подле старой Алексинской дороги. Но как без землемера о количестве оной рощи дознать невозможно, то о таком дознании и положении оной с Генерального Плана на специальный не благоугодно ли будет с Казенною Палатою сделать чрез кого следует сношение» [3, л. 37]. 12 декабря 1834 года в журнал Калужской духовной консистории была произведена следующая запись: «...сообщить в Казенную Палату со прописанием доклада со требованием уведомления, кому именно принадлежит означенная роща, какое имеет она пространство» [3, л. 37 об.].

5 января 1835 года от архимандрита Арсения в Калужскую духовную консисторию поступил еще один рапорт: «На Указ Его Императорского Величества из Калужской духовной консистории за № 5638^м от 1 декабря прошлого 1834 года о донесении, не находится ли удобства вместо сосновой рощи примерно в двадцать десятин при экономической деревне

Подзавалье, избрать для Архиерейского дома участок в другом месте из казенного леса, где именно и во сколько пространством; — сим почтительнейше доношу: что в расстоянии от Архиерейского дома не далее 6^и верст находится казенная пустошь называемая Старое Городище, бывших калужских ямщиков, ныне поступивших в состав Города купцов и мещан, а означенная пустошь якобы поступила в наделение здешнею Казенною Палатою экономическим крестьянам деревни Турыниной Слободки, в которой пустошь значитса по Генеральному Межеванию, за исключением неудобных мест, одной удобной 454 десятины 80 сажень³ в том числе дровяного лесу 128 десятин 200 сажень, которое место и находящийся на нем лес несравненно удобнее в смежности монастырской дачи представленной прежде от меня Сосновой рощи, но как по определению здешней Казенной Палаты означенная пустошь Старое Городище в наделение назначена или уже и отдана казенным деревни Турыниной Слободки крестьянам, которые в той пустоши, по дознанию моему, состоящий лес приводят в истребление; а потому, до рассмотрения и утверждения высшего начальства, рубку и истребление того леса остановить, не благоугодно ли с кем следовать будет снестись с обязанием не въезжать в тот лес подпискою тех крестьян, ближе же онаго казенных лесов нигде не имеется» [3, л. 38–38 об.].

9 января 1835 года в журнал Калужской духовной консистории было записано: «...по рапорту определено: рапорт хранить с делом; а действительно ли лесная дача, означенная в рапорте, принадлежит казенному ведомству, сообщить в Казенную Палату» [3, л. 39].

4 февраля 1835 года из Лесного отделения Калужской казенной палаты в Калужскую духовную консисторию поступило следующее уведомление: «В следствие отношений оной Консистории об уведомлении, кому принадлежит роща, называе-

³ Возможно, имеется в виду квадратная сажень (1 сажень в длину и 1 сажень в ширину). В 1 десятине было 80 на 30 саженьей. 1сажень — 2,1336 метра.

мая Старое Городище, Палата <...> Определила: Калужскую Духовную Консисторию уведомить, что описываемая <...> пустошь Старое Городище <...> по Указу Правящего Сената, действительно отдана в наделение крестьянам экономической Андроновской волости, деревни Турининой Слободки, по имеющемуся у них на число других недостатку земли». В журнал Калужской духовной консистории была произведена такая запись: «<...> пустошь Старое Городище действительно принадлежит крестьянам деревни Турининой Слободки, но есть ли на той пустоши лес, и какое пространство оной занимает, Палата в сообщении не прописывает, почему о уведомлении в Консисторию, есть ли лес на той пустоши, какое пространство занимает, строевой ли или дровяной, и одного ли рода или разный, сообщить в Казенную Палату» [3, л. 40–40 об.].

14 февраля 1835 года из Казенной палаты в Калужскую духовную консисторию поступило сообщение: «Оная Консистория, в дополнение сообщений сей Палаты от 1 февраля, требует уведомления, имеется ли в пустоши Городище <...> лес, какое пространство занимает, строевой или дровяной, и одного ли рода, или разный.

По имеющимся в Лесном отделении сведениям, в пустоши Городище число лесу дровяного разнородного 128 десятин 200 сажен <...>». 14 февраля 1835 года в журнале Калужской духовной консистории была произведена запись: «По сообщению определено: сообщение хранить с делом. С прописанием нужного из онаго, и рапорта правящего Экономическую должность Архимандрита Арсения, об отводе на Архиерейский дом сорока десятин дровяного леса разнородного, растущего на пустоши, именуемой Старое Городище, представить в Святейший Синод от имени Его Преосвященства доношением <...>» [3, л. 41–41 об.].

14 мая 1835 года последовал Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Святейшего Правительственного Синода Его Преосвященству Преосвященнейшему Николаю, епископу Калужскому и Боровскому и Кавалеру: «По Указу Его Императорского Величества Святейший Пра-

вский Синод слушали: рапорт Вашего Преосвященства, от 27 февраля сего года за № 771^м с доношением на Указ Святейшего Синода об отведении для Калужского Архиерейского дома потребного количества дровяного леса, из пустоши называемой Старое Городище, владимой ныне крестьянами экономической Андреевской волости деревни Турыниной Слободки. И по учиненной справке приказали: Как из сего рапорта видно, что казенная пустошь, называемая Старое Городище, бывших казенных ямщиков, отдана в наделение крестьянам экономической Андреевской волости деревни Турынина Слободка, то Вашему Преосвященству предписать, чтобы донесено было Святейшему Синоду о том, чего требовалось Указом онаго от 11 ноября от Консистории <...> избрать для Архиерейского дома участок собственно из казенного леса» [3, л. 44–44 об.].

Надо понимать, что в дальнейшем за монастырем числилась сосновая роща, известная ныне как Лаврентьевская исторически и как «Роща Комсомольская» — в качестве памятника природы регионального значения, площадь охранной зоны которого составляет 2,8 гектара [4].

В «Калужской энциклопедии» есть сведения и о Комсомольской роще, расположенной в северо-западной части города Калуги. С юга от нее находятся улицы Комсомольская роща, Садовая, территория больницы, с запада — улица Телевизионная, с северо-востока окружает овраг, с востока роща граничит с жилым микрорайоном Железняки. Общая площадь — 36 гектаров. Наряду с Калужским бором Комсомольская роща является старейшим сосновым насаждением в городе. До революции она называлась Лаврентьевской и принадлежала Свято-Лаврентьеву монастырю, являясь излюбленным местом воскресных прогулок калужан. Решением Калужского облисполкома от 16 сентября 1991 года за № 352 Комсомольская роща была объявлена памятником природы регионального значения [5, с. 285–286].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Именные и перечневые ведомости о монашествующих и послушниках монастырей Калужской епархии за 1834 год // Государственный архив Калужской области. — Ф-33. — Оп. 2. — Д. 433.

2. Леонид (*Кавелин*), архимандрит. Историческое описание Калужскаго Лаврентиева монастыря нынешняго Калужскаго архиерейскаго дома и принадлежащей к оному Крестовской церкви / составил иером. Леонид. — Калуга: Тип. А. М. Михайлова, 1891. — С. 84–86 [Электронный ресурс] // Российская государственная библиотека [Офиц. сайт] 1999—2018. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01004094963#?page=88> (дата обращения: 09.09.2018).

3. Материалы о наделении монастырей Калужской епархии лесными дачами. 22 декабря 1832 года — 27 февраля 1840 года // ГАКО. — Ф-33. — Оп. 2. — Д. 202.

4. Кадастровый отчет по ООПТ памятник природы регионального значения «Роща Комсомольская» [Электронный ресурс] // ООПТ России [Офиц. сайт] URL: <http://oopt.aari.ru/oopt/%D0%A0%D0%BE%D1%89%D0%B0-%D0%9A%D0%BE%D0%BC%D1%81%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F-1> (дата обращения: 07.11.2016).

5. Комсомольская роща // Калужская энциклопедия / гл. ред. В. Я. Филимонов. — Калуга: Издательство Н. Бочкаревой, 2000.

УДК 908

Метальникова Е. В.

сотрудник Отдела по изучению
истории епархии в XX веке и канонизации святых
e-mail history20@eparhia-kaluga.ru

Metalnikova E. V.

is an employee of the Department for the Study
of the History of the Diocese in the twentieth Century
and the Canonization of Saints
e-mail history20@eparhia-kaluga.ru

БЛАГОТВОРИТЕЛИ СВЯТО-ЛАВРЕНТЬЕВА МОНАСТЫРЯ

(Доклад на VI Свято-Лаврентьевских чтениях, 28 декабря 2019)

BENEFACTORS OF THE ST. LAWRENCE MONASTERY

(Report at the VI St. Lawrence Readings, December 28, 2019)

Аннотация. Публикация посвящена теме церковного ктитинства, которая рассматривается на примере Свято-Лаврентьева монастыря г. Калуги. Долгое время эта тема в силу идеологических установок игнорировалась исторической наукой, и лишь в последние десятилетия ктиторовство, как один из важных аспектов не только церковной истории, но и краеведения, вновь возвращается в поле зрения исследователей-историков.

Abstract. The publication is devoted to the topic of church curacy, which is considered on the example of the St. Lawrence Monastery in Kaluga. For a long time, this topic has been ignored by historical science due to ideological attitudes, and only in recent decades, ktitorstvo, as one of the important aspects of not only church history, but also local history, returns to the field of view of historical researchers.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Калужская епархия, Свято-Лаврентьев монастырь, церковное ктиторство.

Key words: Russian Orthodox Church, Kaluga diocese, St. Lawrence Monastery, church administration.

История частной благотворительности по отношению к церквям и монастырям уходит в прошлое Святой Руси. «Интерес к изучению благотворительной деятельности проявляли как светские, так и церковные историки России» [9, с. 6]. В советский период эта тема не была востребована и популярна. После 1917 года и почти до недавнего времени история благотворительности храмам и монастырям практически выпала из исследований на церковно-исторические темы. Не исключением является и Свято-Лаврентьев монастырь, хотя по дореволюционным источникам известно, что почитание народом православным святого праведного Лаврентия Калужского приносило в обитель средства на ее содержание, благоустройство и благоуукрашение. В том числе и за счет пожертвований щедрых благотворителей. Много пожертвований поступало в процессе подготовки к юбилейным торжествам, в частности, ко дню празднования 400-летия со дня кончины св. праведного Лаврентия, Христа ради юродивого, Калужского Чудотворца [7, с. 2].

Известны пожертвования в Свято-Лаврентьев монастырь, сделанные отдельными благотворителями. Известный калужский краевед Д. И. Малинин останавливался на этих примерах частной благотворительности: «Верхняя церковь выстроена в 1739 г., а в теперешний вид приведена заботами А. А. Гончарова... В стене, отделяющей притвор от настоящей церкви, имеется мраморное барельефное изображение женского лица — А. Ф. Демидовой, происходившей из фамилии Ждановых (+ 1805 г.)...» [8, с. 145]. Там же упоминается и Евангелие 1688 г. — дарение царевны Татьяны Михайловны.

Православная дореволюционная периодическая печать —

Калужские епархиальные ведомости и Калужский церковно-общественный вестник (далее КЕВ и КЦОВ) дают сведения только о некоторых пожертвованиях в Лаврентьев монастырь, известных из книги Д. И. Малинина: «В настоящий вид верхняя церковь приведена пожертвованиями А. А. Гончарова» [8, с. 3]. «На одной из стен нижней церкви обращает внимание рельефное изображение Анны Федоровны Демидовой († 1805 г., из фамилии Ждановых) [8, с. 5]. Упоминаются в КЦОВ и старинные напрестольные Евангелия 1681 г. в качестве дара царя Федора Алексеевича и 1688 г., пожертвованное царевной Татьяной Михайловной [8, с. 4]. В местной православной периодической печати есть и другие сведения. Например, о 2-х синодиках. И если первый содержит имена духовенства, то второй был заведен в начале 18 столетия при настоятеле Карione — 450 родов людей разного звания [7, с. 4]. Среди перечисленных лиц были благотворители и жертвователи, как это определялось закрепившимися и устоявшимися традициями.

Таким образом, в указанных примерах не усматривается полная картина благотворительности и числа, значимости пожертвований от частных лиц. Отдельные разрозненные факты не позволяют сделать выводы о том, какую роль играли эти пожертвования в оказании помощи Свято-Лаврентьеву монастырю. Как в прежние времена, так тем более в настоящий период, основная сложность изучения вопроса благотворительной деятельности «доброхотных дателей, способных на благородные поступки» заключается в утрате документов. Сохранившиеся в ГАКО документы в силу малочисленности, хотя не дают полной картины и возможности проанализировать благотворительность в разные периоды, но позволяют уделить внимание отдельным из них, назвать имена некоторых благотворителей и жертвователей.

В записях, имеющихся в документах ГАКО, представляющих собой список жертвователей и перечисление сумм их пожертвований в Свято-Лаврентьев монастырь в разные годы (с 1782 г. до 1843 г.), содержатся только самые краткие сведения. Эти сведения дают некоторую информацию о дарениях с 1782 по 1842

г. В хронологической последовательности 14 перечисленных пожертвований разных лиц представляют следующую последовательность: 1782, 1817, 1829, 1834, 1836, 1838, 1842 гг. Пять из выявленных в документе пожертвований без дат:

1. Билет Сохранной Казны Императорского Московского Воспитательного дома в 1000 р. ассигнациями за № 383 1782 г. сентября 12 дня Г. Гончарова [2, л. 36, № 400],

2. Билет Сохранной Казны Императорского Московского Воспитательного дома в 1015 р. ассигнациями за № 68493 1817 г. мая 24 дня Г. Чемесовых [2, л. 36, № 401],

3. Билет Калужского Приказа Общественного Призрения в 2000 р. ассигнациями за № 1313 1829 г. мая 6 дня — Г. Оболенского [2, л. 36, № 402],

4. Билет Сохранной Казны Императорского Московского Воспитательного дома в 500 р. ассигнациями за № 32 775 1836 г. августа 7 дня — архимандрита Евгения родственников [2, л. 36, № 403],

5. Билет Калужского Приказа Общественного Призрения в 400 р. ассигнациями за № 4194 1836 г. ноября 24 дня — Г. Загряжского [2, л. 36, № 404],

6. Билет Калужского Приказа Общественного Призрения в 200 р. ассигнациями за № 1346/518 1838 г. мая 30 дня — Г. Якубовича [2, л. 36, № 405],

8. Билет Калужского Приказа Общественного Призрения в 2000 р. ассигнациями за № 3443/1158 1838 г. декабря 14 дня — Г. Никитина [2, л. 36, № 407],

10. Билет Калужского Приказа Общественного Призрения в 428 р. 57 к. серебром за № 1385 1842 г. сентября 16 дня — Г. Якубовичевой [2, л. 36, № 409],

14. Билет Московского Опекунского Совета в 500 р. ассигнациями за № 13187 1834 г. июня 13 дня братский, положенный от Г. Олонкиной, на бессрочное время [2, л. 36, № 413].

Под №№ 7, 9, как упоминалось выше, в списке значились пожертвования сумм на поминовение рабов Божиих (без указания жертвователей) [2, л. 36, №№ 410–412]; под №№ 11–13 [2, л. 36, №№ 406, 408] зафиксированы пожертвования крупных

сумм в 4000 р., 1000 р., 2000 р. тоже от анонимных дателей [2, лл. 36–37].

Из приведенного списка можно выделить некоторые фамилии жертвователей значительных денежных сумм: господина Гончарова (1782 г.), господ Чемесовых (1817 г.), господина Оболенского (1829 г.), госпожи Олонкиной (1834 г.), родственников архимандрита Евгения (1836 г.), господина Загряжского (1836 г.), господина Никитина (1832 г.), господ Якубович (1838, 1842 гг.),

Могут быть сделаны следующие уточнения по пожертвованным суммам и датам их внесения:

Родственные архимандрита Евгения — 500 р. — 07.08.1836.

Господин Загряжский — 400 р. — 24.11.1836.

Господин Якубович — 200 р. — 30.05.1838.

Господин Никитин — 2000 р. — 14.12.1838.

Госпожа Якубовичева — 428 р. 57 к. — 16.09.1842.

Госпожа Олонкина — 500 р. — братский, на бессрочное время — 30.06.1834.

Благотворителями Свято-Лаврентьева монастыря было пожертвовано много облачений:

«Епитрахиль черная полубархатная. Крест белого одностороннего гасу, подкладка белого коленкору приложена купцом Прянишниковым.

Риза парчевая — Г. Сучковым.

Риза парчевая — от Г. Комарова.

Риза парчевая — от Г. Щетинова.

Риза белая рубчатой парчи — Г. Щетинова.

Риза Г. Дюкина.

Риза — по вкладу купца Прянишникова.

Стихарь — вклад Г. Якубовича.

Стихарь — вклад Г-жи Логвиновой». [2, л. 18 об.].

В документах сохранились не только списки тех, кто жертвовал облачения в монастырь, но и описания того, что было пожертвовано:

«Стихарь парчевый по зеленому трипу с золото-серебряными травами, около оплечья и подольника обложен золотым гасом с серебряными по оному крестами и репьями и серебряными

по обе стороны петельками. Воротник, рукава и подол обшиты золотым шнурным с крестами гасом, крест, шитый золотом, с сиянием, на желтом коленкоре — вклад Г. Ларионова.

Епитрахиль парчовая по зеленому трипу с золото-серебряными травами, обложенными широкими золотыми с серебряными травами гасом и 3 креста того же гасика на палевой китайке — вклад по советнику Ларионову. Стихарь золотой парчи по зеленому трипу оплечья и подольник обложены золотым мишурным гасом с серебряными по оному крестами и с серебряными на обе стороны петельками, воротник, рукава и подол обшиты золотым узеньким шнурным гасом, крест золотой на палевой китайке — вклад архитектора Соколова.

Стихарь золотого фриза, оплечья и подольник обложены золотым широким гасом с серебряными по тому травами. Ворот, рукава и подол опушены узким золотым гасом и серебряным сиянием — вклад купца Золотарева.

Епитрахиль золотой парчи по зеленому трипу обложена золотым мишурным шнурным гасом и золотыми по этому репьями, золотыми по обе стороны петельками. Три креста того же гаса с серебряными по оному крестами и репьями, воротник опушен золотым мишурным узеньким гасом, а подол по два ряда золотой мишурною сеткою, на палевой китайке — вклад архитектора Соколова.

Епитрахиль золотого фриза с серебряными травами обложена средним гасом золотым, из того же гаса кресты — сшита купцом Золотаревым» [2, л. 18 об. — 25].

Из перечисленных выше жертвователей только некоторых можно с уверенностью назвать не только по фамилии, но и с указанием имени, отчества, т. к. сведения, указанные в документах, не дают полной информации обо всех жертвователях. Но есть и сведения с полными данными жертвователей. Такие выявлены из сохранившихся и использованных документов о князе Оболенском и коллежском советнике Ларионове:

- 1) Иван Григорьевич Ларионов (? — 31 сентября 1825 г.) —

коллежский советник — завещание от 25 апреля 1825 г. — 5000 р. [3, л. 10; 4, л. 10 об.].

Иван Григорьевич Ларионов, как отмечено выше, делал пожертвования в Свято-Лаврентьев монастырь и при жизни в виде облачения. В апреле 1825 г. он составляет завещание, в котором жертвует 10000 рублей в равных частях Свято-Лаврентьевскому и Малоярославецкому монастырям (соответственно — по 5000 рублей в каждую обитель).

2) Александр Петрович Оболенский (31.12.1780–18.04.1855) — князь, действительный статский советник [2, л. 36] — пожертвование 6 мая 1829 г. — 2000 р. [5, л. 47].

В трудах Д. И. Малинина при описании монастырского кладбища упоминается «усыпальница князей Оболенских» [6, с. 155]. Князь Александр Петрович Оболенский, как значится в его служебном формуляре, «по Высочайшему Его Императорского Величества повелению определен в Калугу Гражданским Губернатором 2 февраля 1825 г.» [1, л. 4 об.]. Сохранившееся в ГАКО дело «Формулярный список о службе Калужского гражданского губернатора, действительного статского советника и кавалера князя Оболенского за 1829 г.» показывает, что во время составления списка о службе князь уже был вдов. В некрополе Свято-Лаврентьева монастыря были похоронены: умерший 13 февраля 1829 г. князь Нелединский — Мелецкий (отец супруги князя Оболенского) и умершая через 2 дня после родителя Аграфена Юрьевна Оболенская (супруга князя Оболенского). Пожертвование в монастырь было сделано через некоторое время после их кончины.

Из сведений, содержащихся в докладах эконома монастыря, становится ясно, что средства, пожертвованные князем Оболенским, предназначались для постоянного вклада, проценты с которого перечислялись на нужды монастыря ежегодно. В частности, есть следующие примеры:

1. «Указ за № 1701... Копия билета на 2000 рублей, положенных действительным статским советником князем А. П. Обо-

ленским — проценты за прошедший год — деньги ассигнациями 100 рублей 24 мая 1834 г.» [5, л. 3].

2. «Указ за № 2350 при коем присланы проценты за прошлый год, деньги ассигнациями 100 рублей с суммы 2000 рублей, положенных князем Оболенским. Июнь 1843 г.» [5, л. 5].

Только в отдельных случаях, как указывалось выше, документы из разных фондов позволяют получить дополнительные сведения о некоторых других жертвователях с указанием сведений о них:

«Его Преосвященству Преосвященнейшему Николаю
Епископу Калужскому и Боровскому
Мосальского уезда с. Стрельны Священника Георгия Ники-
форова жены Аграфены Патрикеевой
Покорнейшее прошение

Чувствуя в полной мере благодеяния брата моего тифлийского о. архимандрита Евгения, снабдившего значительною и Вашему Преосвященству известною суммою меня с покойною сестрою и 4-х дочерей наших, как мать своих 3-х и опекунша сестриной, священным почитаю долгом, на поминование его в Лаврентьев монастырь, где он принимал монашество, определить из их частей и из моей по сту рублей ассигнациями».

Другой подобный пример:

«Его Преосвященству Преосвященнейшему Николаю
Епископу Калужскому и Боровскому
Эконома Архимандрита Арсения с братией
Донесение.

Прилагается у сего письмо Настасьи Галаниной, сестры покойного казначея иеромонаха Павла, послужившего Калужскому Архиерейскому Дому в сей должности около 15 лет, с пожертвованиями деньгами более 200 р. с поновлением расписания в Лаврентьевскую церковь». На данном донесении есть точная дата — март 1835 г. и указание определенной цели, для которой были пожертвованы средства [5, л. 209].

К числу благотворителей, которые сделали пожертвования в том же году, нужно отнести полковника Ахвердова — командира Московского пехотного полка, который 22 октября 1835 г.

пожертвовал на имя «Господина Строителя Лаврентьевского монастыря» деньги «на богоугодные заведения при этом монастыре» [6, л. 1 об.].

В одном из журналов Калужской духовной консистории (1851 г.) есть сведения еще об одном пожертвовании в Свято-Лаврентьев монастырь по завещанию представителя монашеской братии: «Калужскому Лаврентьевскому монастырю билет на сумму 285 рублей завещано умершим иеромонахом Иннокентием — в пользу оногo монастыря — при рапорте 12 ноября» [4, л. 17 об.].

Разрозненные сведения о благотворительности в пользу Свято-Лаврентьевского монастыря не позволяют представить полную картину пожертвований калужан в первую половину XIX века, но дают возможность назвать конкретные пожертвования и тех, кто совершил их. При этом по возможности, на основании сохранившихся документов определены и отмечены даты, когда были сделаны пожертвования, названы жертвователи. Таким образом, можно сделать вывод о том, что пожертвования производились представителями разных сословий и не были единичными.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. ГАКО, ф. 32, оп. 20, д. 113.
2. ГАКО, ф. 33, оп. 2, д. 878.
3. ГАКО, ф. 33, оп. 2, д. 943.
4. ГАКО, ф. 33, оп. 2, д. 1305.
5. ГАКО, ф. 143, оп. 1, д. 13.
6. КЦОВ, 1915, № 18.
7. КЦОВ, 1915, № 22.
8. *Малинин Д. И.* Калуга. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. Золотая аллея, Калуга, 1992.
9. *Темникова Л. А.* Благотворительность в контакте духовного развития общества (монография), Калуга, КГПУ, 1996.

Паутова Л. П.

член Союза краеведов России,
член Совета Калужского отделения
Всероссийского общества охраны
памятников истории и культуры
e-mail: lubasik_78@mail.ru

Pautova L. P.

Member of the Union of Local Historians of Russia,
Member of the Council of the Kaluga Branch
All-Russian Society for the Protection
of Historical and Cultural Monuments
e-mail: lubasik_78@mail.ru

**ЗАХОРОНЕНИЯ ДВОРЯН КАРПОВЫХ В НЕКРОПОЛЕ
КРЕСТОВСКОГО МОНАСТЫРЯ**

(Доклад на VI Свято-Лаврентьевских чтениях, 28 декабря 2019)

**BURIALS OF THE KARPOV NOBLES IN THE NECROPOLIS OF
THE KRESTOVSKY MONASTERY**

(Report at the VI St. Lawrence Readings, December 28, 2019)

Аннотация. Публикация посвящена исследованию истории дворянского рода Карповых. Происхождение этого рода связано с династией смоленских князей, однако имения Карповых располагались в Калужском, Козельском, Мещовском, Перемышльском и других уездах Калужской губернии, а представители этого рода были захоронены в некрополе Крестовского монастыря г. Калуги.

Abstract. The publication is devoted to the study of the history of the noble family of the Karpovs. The origin of this family is connected with

the dynasty of the Smolensk princes, but the Karpov estates were located in Kaluga, Kozelsky, Meshchevsky, Peremyshl and other counties of the Kaluga province, and representatives of this family were buried in the necropolis of the Krestovsky monastery in Kaluga.

Ключевые слова: краеведение, Калуга, Крестовский монастырь, монастырский некрополь, дворянский род Карповых.

Key words: local history, Kaluga, Krestovsky monastery, monastic necropolis, the noble family of the Karpovs.

Крестовский монастырь, расположенный на бывшей улице Крестовское поле, а ныне ул. Поле Свободы в г. Калуге, был приписным к Свято-Лаврентьеву монастырю. Центральный храм в честь Животворящего Креста Господня построен в 1830 году. Некрополь монастыря не такой древний, поэтому о нем возможно найти более подробные сведения по сохранившимся документам.

В списке захороненных при Крестовской церкви, составленном М. С. Морозовой, содержатся сведения о 185 персоналиях. Среди них упомянуты дворяне Карповы:

62. Карпов Ефим Николаевич (1820–12.04.1855) — отставной гвардии прапорщик.

63. Карпова Наталья Богдановна (1781–04.03.1859) — дворянка.

64. Карпов Георгий Дмитриевич (1843–04.06.1875) — дворянин [19, с. 172].

Из книги Дворянские роды, внесенные в общий гербовник Всероссийской империи, составленный графом Алексеем Бобринским, узнаем, что из потомства Рюрика под № 34 числятся Карповы. В Гербовник внесены три фамилии Карповых. В том числе потомки Афанасия Карпова, «написанного в дворянах в 1622 году (Герб. VIII, 48)» [16, с. 104].

«Род дворян Карповых происходит от князей Смоленских. В родословной князей Смоленских, находящейся в Бархатной

книге и других родословных книгах, показано, что правнук Великого князя Владимира Святославовича, крестившего Русскую землю, Великий князь Владимир Всеволодович Мономах, писал сына Мстислава Князя Смоленского, а у сего был сын Ростислав Князь Смоленский же, которого Князя Мстислава был праправнук Князь Константин Юрьевич Фоминский и Березуйский, а у сего был праправнук Карп Федорович и от него пошли Карповы. Потомки сего рода Репчук Клементьев сын Карпов в 1356 году написан во дворянах с поместным окладом. Прокопий Данилов сын Карпов в московских дворянах, а потом за двоекратное поражение неприятеля, за доброе и радетельное города каменного сохранение в 1639 году Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича жалован похвальными грамотами и поместьями.

Равным образом и другие многие сего же рода Карповы служили Российскому престолу стольниками, воеводами, окольными и в иных чинах и жалованы были от Государей поместьями. Все сие доказывается сверх истории Российской, Бархатною книгой, родословною Карповых и справками Разрядного Архива и Вотчинного департамента, означенными в Нижегородской родословной книге» [20].

Герб дворян Карповых тот же, что и князей Смоленских, но без княжеской шапки и мантии. «В щите, имеющем серебряное поле, изображена черная пушка на золотом лафете, поставленная на траве, и на пушке сидит райская птица» [20].

«В родословной Карповых показаны у Афанасья Карпова дети: Степан, Федор, Семен. От Федора Афанасьевича пошла родословная линия к Богдану Михайловичу и его дочери Натальи Богдановне. Это шестое поколение. От Степана Афанасьевича — к Ефиму Николаевичу Карпову — пятое поколение. Матвей Степанович Карпов в 1622 и других годах написан в Калужской десятине во дворянах с поместным окладом. Потомки сего рода служили Российскому престолу дворянские службы в разных чинах и владели деревнями» [21]. Их имения расположены в Калужском, Козельском, Мещовском, Перемышльском и других уездах Калужской губернии.

О гвардии прапорщике и кавалере Ефиме Николаевиче Карпове сохранилось несколько документальных свидетельств в Калужском областном архиве.

Обращают внимание некоторые странности, связанные с датами его жизни.

В записи № 9 от 12 апреля 1855 года о смерти Е. Н. Карпова в Метрической книге Одигитриевской церкви г. Калуги указан возраст — 35 лет, умер от удушья и похоронен при Крестовской церкви г. Калуги. Следовательно, дата его рождения — 1820 год [6, л. 43 об.].

Однако в архиве сохранилось дело от 1829 года Калужского дворянского депутатского собрания под названием: «Переписка с Калужским губернским правлением и Мещевским уездным предводителем дворянства, решение Калужского дворянского депутатского собрания по жалобе помещика Мещевского уезда Карпова на якобы неправильный наряд рекрута с его имения» [12]. Начато дело 26 ноября 1829 года. Окончено 12 августа 1830 года. В деле приводится прошение отставного гвардии прапорщика Ефима Николаевича Карпова. В нем он доказывает неправильность наложенного на его имение рекрута по 94 набору и просит «перенарядить на кого следует». Из дела следует, что перенарядить рекрута следует с имения прапорщика Ефима Карпова на имение генерал-майора и кавалера Д. А. Делянова. Из этого дела узнаем, что у Е. Н. Карпова в Мещовском уезде было во владении сельцо Малявинки, которое вместе с Калужским составляло 94 души, а у Давида Артемьевича Делянова — село Утешево и сельцо Шубино.

Это же сельцо Малявинки (Малявки), или Дмитриевское, упоминается как вотчина Н. Т. Карпова-отца в 1820 году [5].

Маловероятно, что в возрасте 9 лет Е. Н. Карпов мог быть отставным гвардии прапорщиком и спорить с генерал-майором Д. А. Деляновым. Для выяснения подлинной даты рождения Е. Н. Карпова обратимся к Метрической книге Ильинской церкви на Никизме Калужского уезда, где у отца Е. Н. Карпова — титулярного советника Николая Тимофеевича Карпова было имение в сельце Тибекино, в приходе этой церкви и по-

пытаемся найти в 1820 году запись о рождении [5, л. 391, 395]. Однако на л. 391 обнаруживаем запись о рождении у помещика сельца Тибекино гвардии прапорщика Петра Николаевича Карпова дочери Надежды. При этом восприемником при Крещении был прапорщик Ефим Николаевич Карпов! В той же Метрической книге за 1820 год на л. 395 находим запись о смерти помещика сельца Тибекина Николая Тимофеевича Карпова и погребении его на Ильинском погосте. Для выяснения родственных связей Карповых обратимся к Исповедным ведомостям Ильинской церкви на Никизме за 1820 год [2, л. 5].

«Л. 5. Сельца Тибекина господин титулярный советник Николай Тимофеевич Карпов, вдов, 86 лет. Дети его прапорщики:

Петр 48 лет

Ефим 46 лет».

Следовательно, Ефим Николаевич Карпов родился в 1774 году, а умер не в 35 лет, а в 81 год, у него был брат Петр, и в 1820 году он был крестным своей племянницы Надежды.

О Е. Н. Карпове известно, что через 7 лет после его смерти, в 1862 году на пожертвованный им капитал в 6000 рублей построена вчерне каменная Ильинская церковь в Калужском уезде [18]. Церковь именуется необычно: «Ильинская на Никизме», потому что построена не в селе, а на древнем погосте, расположенном на левом притоке р. Оки — речке Никизме (Некиеве). Ближайшие населенные пункты — д. Тибекино, д. Мешково, д. Марьино, д. Староселиваново. Приделов в Ильинской церкви было три: главный — в честь пророка Божиего Илии, справа — в честь святого благоверного князя Александра Невского, слева — в честь Евфимия Нового — небесного покровителя Ефима Николаевича Карпова. Церковь построена вместо деревянной, упоминаемой в Калужской десятинае в 1717 году [17].

Из Клировых ведомостей Ильинской церкви узнаем, что «попечителем по построению церкви избран был согласно своему же желанию зять завещателя поручик Александр Иванович Яковлев... Попечитель Яковлев за израсходованием означенной суммы денег в продолжении двух следующих 1863 и 1864 лет

никакой работы по церкви не производил, в 1865 году месяца января умре, оставив постройку церковную незаконченной. После смерти попечителя Яковлева церковь окончательно достроена старанием приходского священника Захария Чистяко-ва и в сем 1865 году декабря 6 дня освящена» [3; 4].

Но если был зять, значит была и дочь?! В списке захороненных в некрополе Крестовского монастыря неожиданно находим:

№ 181. Яковлев Александр Иванович (1801–19.01.1865) — отставной поручик.

№ 182. Яковлева Анна Ефимовна (1803–27.12.1868) — вдова поручика [19, с.172].

В Памятной книжке Калужской губернии за 1852 год значится, что поручик Яковлев Александр Иванович исправлял должность председателя Палаты уголовного суда [23]. В Метрической книге Космодамианской церкви г. Калуги имеется запись, что 19 января 1865 года умер от воспаления, а 23 похоронен на Крестовском кладбище отставной поручик Александр Иванович Яковлев 64 лет [8].

В деле Калужской губернской управы за 1870 год на листе 392 находим запись, что 14.10.1870 г. за № 9936 обратился капитан Михаил Николаевич Барыков. Он заключил выкупной договор с крестьянами Перемышльского уезда села Дойца и деревень Пятницы, Груздовой, Кумовское и Шейной Горы. Имение дошло к нему от вдовы поручика Анны Ефимовны Яковлевой по духовному завещанию, утвержденному в Московской гражданской Палате 27.02.1869 [11]. Из этой записи следует, что Карпова А. Е владела имением в Перемышльском уезде.

В Метрической книге Ильинской церкви на Никизме за 1868 г. есть запись о том, что 27 декабря умерла от рака, а 29 погребена поручица Анна Ефимовна Яковлева 65 лет. Отпел ее приходской священник Василий Знаменский с дьячком и пономарем на Крестовском кладбище. Примечательно, что умерла она в имении своего отца в приходе Ильинской церкви, а похоронена рядом с мужем и отцом на Крестовском кладбище в Калуге.

Таким образом, в ходе исследования была уточнена дата рождения Е. Н. Карпова и его возраст, обнаружены его дочь и зять, уточнены родственные связи Карповых — владельцев сельца Тибекина Калужского уезда, дата смерти отца — Николая Тимофеевича Карпова, похороненного на Ильинском погосте. Получается, что у Карповых и Яковлевых было семейное захоронение в Крестовском некрополе. Когда знакомишься с документальными свидетельствами, становятся близкими и узнаваемыми события давно минувших лет, оживают «образы минувшего». Думаю, что нам не напрасно открываются имена калужан, захороненных в родной земле, а чтобы мы за них молились и поминали. Для меня лично это интересно в связи с тем, что мои родные мать и отец были крещены в Ильинской церкви в 1925 году. Отец вспоминал по рассказам, что когда его и еще одного ребенка — девочку везли на санях в церковь на крестины, то на повороте она выпала из саней и ее не сразу нашли. Хорошо, что был снежный январь, и ребенок при падении не пострадал.

Внучатый племянник Ефима Николаевича Карпова — сын его племянника майора Дмитрия Петровича Карпова — Георгий Дмитриевич Карпов, похоронен в некрополе Крестовского монастыря [19, с. 172].

В деле Калужского губернского правления за 1870 г. находится прошение вдовы майора Анны Лавровны и детей ее Юрия, Петра, Александра, Дмитрия, Екатерины Дмитриевичей Карповых которые заключили со своими крестьянами Калужского уезда с. Барсуки, «Марьино тож» выкупной договор. Имение это дошло по наследству вдове майора от мужа, а детям — от отца майора Дмитрия Петровича Карпова [10, л. 232].

Подтверждение факту, что у дворянина Дмитрия Петровича Карпова было много детей, находим в Книге дворянских родов Калужской губернии за 1908 год, в VI часть которой (древнее дворянство) внесены в 1854 году сыновья его: Георгий, Петр и Александр, дочери: Екатерина и Анна, в 1863 году — жена Анна Лавровна, Дмитрия Петровича внучки, дочери его сына Дмитрия: в 1900 г. — Анна, в 1902 г. — Татьяна [1].

Следовательно, был еще сын Дмитрий. Почему он не внесен в ДРК и что случилось с его 32-летним братом Георгием?

Ответ на эти вопросы находим в книге воспоминаний М. М. Осоргина. Он пишет: «Карповых было три брата; при дележе усадьбы братья поссорились, и Дмитрий так исколотил одного из них, что тот Богу душу отдал; его судили, лишили всех прав состояния и сослали» [21].

Георгий Дмитриевич Карпов упоминается в Реестре крепостных дел старшего нотариуса г. Калуги за 1869 год [14] как совладелец дома в 1 части, 4 квартала под № 262 вместе со своими братьями Петром и Александром. Далее следует запись: «Из означенной 1/3 части дома, принадлежавшей Георгию Карпову, по духовному завещанию 11 июня 1875 года» перешла к Петру Карпову. Год духовного завещания совпадает с годом смерти Георгия в Списке Морозовой М. С. — 1875. В Метрической книге Одигитриевской церкви г. Калуги находим запись № 5 о том, что 4 июля 1875 года умер, а 6 июля погребен на Крестовском кладбище дворянин Георгий Дмитриев Карпов 32 лет. [9].

Карпова Наталья Богдановна — дочь Богдана Михайловича Карпова. Вывод этот можно сделать из записи о ее смерти. В Метрической книге Крестовоздвиженской церкви на Воробьевке за март 1859 года значится, что 4 умерла «от престарелости», а 7 погребена при Крестовоздвиженском храме, причисленном к Калужскому Лаврентьеву мужскому монастырю «из дворян девица Наталья Богдановна Карпова 78 лет» [7, л. 552]. Из этой записи следует, что Наталья Богдановна замужем не была и носила фамилию своего отца. Секунд-майор Богдан Михайлович Карпов — родственник секунд-майора Николая Ивановича Бестужева-Рюмина. Об этом узнаем из Прошения, поданного в Дворянское присутствие Калужского наместничества 24 августа 1796 года о внесении последнего в надлежащую часть Дворянской родословной книги. Вместо Бестужева-Рюмина по доверенности «руку приложил» Богдан Михайлович Карпов [12]. На л. 2 указанного дела приведена доверенность, из которой следует, что Б. М. Карпов являлся зятем. Н. И. Бестужева-Рюмина. Он был женат на его сестре Марии Ивановне, полу-

чившей в приданое часть с. Попелево с деревнями Козельского уезда. Еще в этом же деле приведен документ — свидетельство о том, что «Николай Иванович Бестужев-Рюмин из дворян и является сыном покойного секунд-майора Ивана Дмитриевича Бестужева-Рюмина, к которому от покойного же великого канцлера графа Алексея Петровича Бестужева-Рюмина при письме, писанном собственною его рукою, прислано доказательство, в коем видно точно, что он Иван происхождения и роду одного с ним». Под этим свидетельством семнадцать подписей Козельских чиновников и помещиков! Следовательно, Наталия Богдановна по линии матери — Бестужева-Рюмина — родственница вице-канцлера графа Алексея Петровича Бестужева-Рюмина, видного государственного деятеля времен правления Анны Иоановны, Елизаветы Петровны и Екатерины II.

Девица Наталья Богдановна Карпова записана восприемницей в Метрической книге церкви с. Попелева Козельского уезда при Крещении ее племянника Павла, сына родного ее брата — капитан-лейтенанта флота Карпова Петра Богдановича 26 июня 1826 года.

Из приведенных сведений следует, что калужские дворяне Карповы — древний, благочестивый род рюриковичей, состоящих в родстве с Бестужевыми-Рюмиными. Они воевали за Россию, строили храмы и около трех сотен лет владели имениями в Калужской губернии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Булычев Н. И. Калужская губерния. Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу по 1-е октября 1908 г. Калуга., 1908.
2. ГАКО ф. 33. оп. 1. д. 3762.
3. ГАКО ф. 33. оп. 3. д. 874 за 1868.
4. ГАКО ф. 33. оп. 3. д. 1121.
5. ГАКО ф. 33. оп. 4. д. 35.
6. ГАКО ф. 33. оп. 4. д. 191.

7. ГАКО ф. 33. оп. 4. д. 204 за 1859 г.
8. ГАКО ф. 33. оп. 4. д. 235 за 1865 г.
9. ГАКО ф. 33. оп. 4. д. 271.
10. ГАКО ф. 62. оп. 3. д. 1670 за 1870 г.
11. ГАКО ф. 66. оп. 1. д. 917 за 1869 г.
12. ГАКО ф. 66. оп. 3. д. 8 за 1796 г.
13. ГАКО ф. 66. оп. 3 д. 85.
14. ГАКО ф. 67. оп. 1. д. 4.
15. Дворянские роды, внесенные в общий Гербовник Российской империи // сост. граф А. Бобринский. Ч. 1. СПб., 1890.
16. Калужской десятины жилые данные церквей. М., 1908.
17. *Легостаев В. В., Паутова Л. П.* Летопись Ильинской церкви на Никизме. Калуга., 2004.
18. *Морозова М. С.* Некрополь Крестовского монастыря // Калужский некрополь. Калуга., 2009.
19. Общий гербовник дворянских родов Всероссийская империи // Электронный ресурс. URL: <https://gerbovnik.ru/arms/612> (дата обращения: 16.07.2019;16.35).
20. Общий гербовник дворянских родов Всероссийская империи // Электронный ресурс. URL: <https://gerbovnik.ru/arms/1298.html> (дата обращения: 16.07.2019;16.35).
21. *Осоргин М. М.* Воспоминания. М., 2009.
22. Памятная книжка и адрес-календарь за 1852 г.

Петров А. К.

Калужская духовная семинария
студент 2 курса заочного отделения
Akpetrov@list.ru

Petrov A. K.

Kaluga Theological Seminary
2nd year. Correspondence department
Akpetrov@list.ru

**ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПРИХОДСКОГО СИНОДИКА
ПО АРХИВНЫМ ДОКУМЕНТАМ НА ПРИМЕРЕ ХРАМА В
ЧЕСТЬ МУЧЕНИКОВ ГУРИЯ, САМОНА И АВИВА
В С. ТРЕХСВЯТСКОЕ КАЛУЖСКОЙ ЕПАРХИИ**

**RECONSTRUCTION OF THE PARISH SYNODIC USING ARCHIVAL
DOCUMENTS ON THE EXAMPLE OF THE CHURCH IN HONOR OF
THE MARTYRS GURIY, SAMON AND AVIV IN THE VILLAGE OF
TREKHSVYATSKOYE IN THE KALUGA DIOCESE**

Аннотация. Традиция поминовения в храме прежде служивших отцов в наше время часто не может исполняться из-за утраты синодиков во времена советского лихолетья. В статье описана методика восстановления синодика с помощью архивных источников: клировых ведомостей, епархиальных ведомостей. Методика проиллюстрирована примером храма мучеников Гурия, Самона и Авива села Трехсвятское Калужской епархии.

Abstract. There is a tradition of lity for the dead of previously serving priests. Nowadays, it often can't be complied due to the loss of memorial books during the Soviet hard times. The article describes the method of restoring memorial books with the help of archival sources: clerical

records, diocesan records. The method is illustrated by the example of the church of the Martyrs Gury, Samon and Aviv of the village of Trekhsvyatskoye in the Kaluga diocese.

Ключевые слова: клировые ведомости, епархиальные ведомости, синодик.

Key words: clerical records, diocesan records, memorial books.

В каждом храме ведутся синодики, в которые записываются на вечное поминовение служившие в храме священно- и церковнослужители, строители, жертвователи. В 1920-х — 1930-х большое число храмов было закрыто. Многие из них разрушены. Синодики утрачены.

В наше время храмы восстанавливаются, но имена священников, служивших до революции, часто остаются неизвестными. Как следствие, настоятели не имеют возможности поминать на проскомидии своих предшественников. Евхаристическая жертва, соединяющая всех верных в единое Тело во Христе — всех живых, усопших и святых [1], — приносится «в общем», без называния имен. Для восстановления Евхаристической связи приходской общины нового времени с приходом, существовавшим при церкви до ее разрушения, важно восстановить, насколько это возможно, храмовый синодик.

Решаться поставленная задача может с применением методов и источников, получивших большую популярность в генеалогии. Основные документы, в которых хранятся сведения о священно- и церковнослужителях следующие:

Клировые ведомости представляют собой ежегодный отчет о состоянии церквей. Введены указом Синода в 1769 году. Форма документа менялась несколько раз [8]. Изменялся набор разделов и степень подробности изложения послужных спи-

сков священно- и церковнослужителей. Через все изменения формы документа сохранился тот факт, что для служителей указывается имя, возраст и дата начала службы на настоящем месте.

Исповедные ведомости представляют собой отчет настоятеля прихода обо всех жителях приписанной к приходу территории. В ведомость включались жители всех сословий, а также включались раскольники. Ведомость содержит по дворам список жителей с отметкой об их возрасте. Для лиц старше 7 лет ставилась отметка о том, исповедовался и причащался ли он (она) в отчетный год. Исповедные ведомости ведутся с конца XVII века.

Клировые и исповедные ведомости до революции хранились в архивах духовных консисторий. Для советской власти документы не представляли ценности и были частично уничтожены (исповедные ведомости второй половины XIX и начала XX века утилизированы практически полностью), частично переданы в областные государственные архивы по месту нахождения духовной консистории. Клировые ведомости в большинстве регионов, наоборот, сохранились чаще всего только со второй половины XX века.

Ревизские сказки представляют собой перепись всего населения Российской империи, проводившуюся в 1720, 1745, 1763, 1782, 1795, 1811, 1816, 1834, 1850 и 1858 годах с целью учета налогоплательщиков и исчисления подушной подати. Священно- и церковнослужители к податному населению не относились, но отдельные сказки о них Казенной палатой также составлялись. Документы содержат сведения о населении с указанием того, какие изменения произошли между ревизиями.

Ревизские сказки с 1782 по 1858 годы хранятся сейчас в основном в областных государственных архивах региона, к которому принадлежал населенный пункт на момент составления сказки, а первые три ревизии 1720, 1745 и 1763 годов хранятся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА).

Епархиальные ведомости — местные официальные жур-

налы епархий, выходявших с 1860-х по 1922 годы. Ведомости — журнал с периодичностью выхода 2 раза в месяц, т. е. 24 номера в год. В каждом номере журнала 2–3 страницы официальной части отведены на раздел «Свѣдѣнія по Епархіальному Управленію», в котором отражены перемещения священно- и церковнослужителей, о назначении клириков на должности, а также исключении из списков, в том числе в связи со смертью. Также в нем содержатся объявления о вакантных местах священно- и церковнослужителей. Епархиальные ведомости в основной массе своей оцифрованы и доступны публично.

Другие генеалогические источники, такие как метрические книги и брачные обыски, содержат косвенные сведения и для целей формирования синодика могут использоваться как вспомогательный материал при недоступности ранее перечисленных.

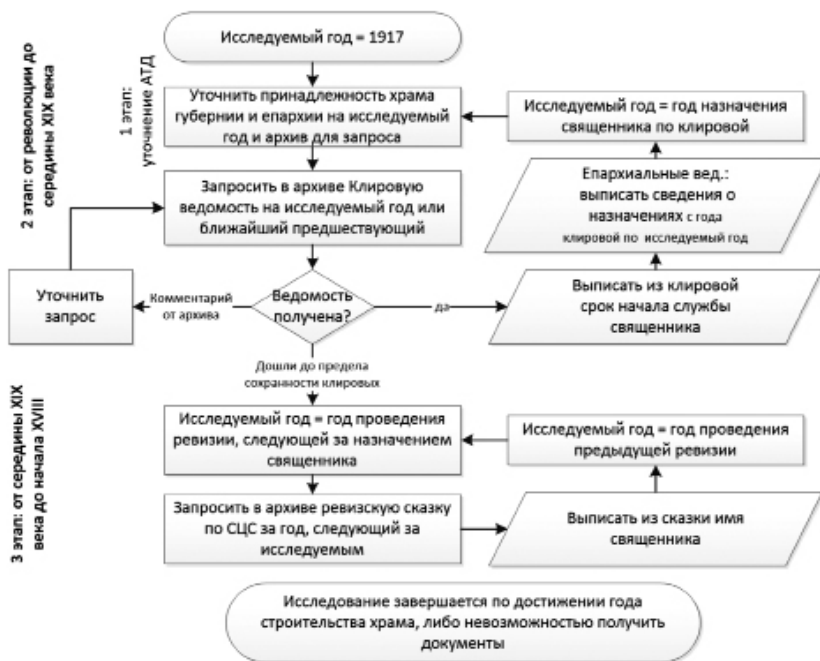

Рисунок 1. Блок-схема работы по восстановлению синодика

Массив документов, доступных исследователю, делает оптимальным по скорости достижения результата следующий алгоритм: 1) уточнение административно-территориальной принадлежности; 2) восстановление истории от революции до середины XIX века по клировым ведомостям и епархиальным ведомостям; 3) от середины XIX века до начала XVIII века по ревизским сказкам. Основные шаги исследования кратко обозначены на блок-схеме [рис. 1] и далее расписаны подобно.

1) В качестве подготовительного этапа необходимо установить принадлежность исследуемого прихода к епархии и уезду. Административно-территориальное устройство (АТД) Российской империи и Советского Союза многократно изменялось. Если исследуемый приход менял свою принадлежность — источники потребуется искать для каждого года в архиве согласно АТД на изучаемый год. Один из удобных инструментов получения ответа на вопрос о принадлежности прихода уезду на разные годы — сайт «Это место» [9], на котором доступны карты империи за разные годы с привязкой к географической сетке. Рассматриваемый в качестве примера приход принадлежал Калужской епархии и Малоярославецкому уезду, и современный областной центр совпадает с историческим губернским и епархиальным городом. Соответственно все архивные документы, что требуются в исследовании, хранятся в государственном архиве Калужской области (ГАКО). В других случаях, если подчиненность менялась, сведения могут быть разделены между несколькими государственными архивами. Логика определения архива, где следует искать документы, следующая: документы за каждый год настоятель подавал в духовную консисторию той епархии, к которой относился храм на этот год, где они хранились до революции. После революции из духовной консистории документы были переданы в областные архивы той области, в которой находилась консистория на момент передачи в 1918–1920-х годах. При последующих изменениях АТД в советское время документы консисторий в новый областной центр обычно не передавались, в отличие от метрических книг, которые преимущественно хранятся в архиве, соответствующем современному областному центру.

2) На основании Клировых ведомостей, дополняемых сведениями из журналов «Епархиальные ведомости», восстанавливаем синодик от времени революции до середины XIX века.

Первым шагом этапа является получение самой поздней доступной клировой ведомости. В выбранном для поиска государственном архиве информацию можно получить либо в рамках личного посещения читального зала (бесплатно), либо в рамках запроса, направляемого на электронную почту архива и оплачиваемого по прейскуранту. При направлении запроса обязательно указать полные фамилию, имя, отчество и почтовый адрес заявителя, а также подтвердить согласие с условиями оказания платных услуг архива. В рассматриваемом примере запрос сформулирован был следующим образом:

The image shows two pages of a handwritten church record book, likely a synodal list. The pages are headed with a coat of arms and contain several columns of text. The text is handwritten in Russian and includes names, dates, and other details. The columns are numbered 1 through 8. The first page has a header with a coat of arms and a title in Russian. The second page also has a header with a coat of arms and a title in Russian. The text is written in a cursive hand and includes names like 'Владимир Сергеевич' and dates like '1916 год'.

Рисунок 2. Послужной список свящ. Иоанна Сергеевича Лихачева на 1916 год

«Добрый день. Еще раз благодарю за ранее выполненные запросы и обращаюсь с новым. Нужна информация о церкви Гурья, Самона и Авива села Трехсвятского Малоярославецкого уезда. Прошу выявить самую позднюю имеющуюся на хранении клировую ведомость и изготовить цифровые копии всех листов ведомости, включая сведения о храме, причте и сведения о приходе. Оплату гарантирую. Счет и результаты прошу направить по электронной почте.

С уважением,

Петров Алексей Константинович

249096, г. Малоярославец...».

По исполнению и оплате запроса ГАКО предоставил 12 листов с оборотами документа с описанием церкви и клира за 1916 год [4]. В документе приведено описание церкви на четырех листах, лист с описанием прихода и три разворота с послужными списками священно- и церковнослужителей.

Для примера приводится лист с послужным списком последнего, позднее расстрелянного на Бутовском полигоне, настоятеля [рис. 2].

Полученный послужной список содержит обширные сведения об учебе, семье и служении о. Иоанна, но для целей настоящей работы самым важным является отметка о переводе на место священника настоящей церкви 4 ноября 1904 года.

Второй шаг алгоритма заключается в анализе клировой ведомости самого раннего года, предшествующего началу службы уже известного священника. Ведомость 1904 года заполнял уже о. Иоанн, а документ 1903 года должен был оформляться его предшественником. Но при этом возможна ситуация, что с января по ноябрь 1904 года священник мог смениться несколько раз, и эти события необходимо восстанавливать по альтернативным источникам.

В случае Трехсвятского ближайшая к 1903 году доступная клировая ведомость датирована 1900 годом [3], и на этот год служит священником вдовец Иоанн Иоаннович Беляев 35 лет.

Согласно послужному списку на настоящее место он был переведен 20 мая 1895 года. Дату прекращения службы о. Иоанна Беляева и были ли между ним и о. Иоанном Лихачевым другие священники в храме из клировых ведомостей выяснить не представляется возможным.

Третий шаг алгоритма предназначен для заполнения пробела в сведениях с 1900 по 1904 год и основан на епархиальных ведомостях. Нужно найти запись об уже известном событии перевода последнего священника. Затем, двигаясь от настоящего к прошлому, выявить запись о выбытии предыдущего священника. Если он совпадет с найденным в клировой ведомости — поиск завершен. Если нет — придется последовательно просматривать все номера журнала, пока не будет найдена запись о выбытии второго из известных на данный момент священников.

В примере исследуемого храма трех мучеников запись о переводе о. Иоанна Лихачева в село Трехсвятское находится в № 24 Калужских епархиальных ведомостей [7] за 1904 год, а в 23 номере имеется запись «Переведены... 9) священник церкви села Трехсвятского, Малоярославецкого уезда, Тарасий Никольский к церкви села Воскресенского, Калужского уезда, 16 ноября». Таким образом выясняется, что между о. Иоанном Беляевым, записанным в 1900 году, и о. Иоанном Лихачевым в церкви служил еще один священник — о. Тарасий Никольский. Найденная запись не дает подсказок о сроке службы о. Тарасия на исследуемом приходе, поэтому журнал необходимо просматривать номер за номером далее. В результате выявляется в № 3 запись «Определены на вакансии: а) священника: 1) диакон градо-Боровского Благовещенского собора Тарасий Никольский к церкви села Трехсвятского, Малоярославецкого уезда, 23 января», а в № 2 «Перемещены: ...3) священник церкви села Трехсвятского, Малоярославецкого уезда, Иоанн Беляев к церкви села Упрямова, Мещовского уезда, 17 января».

Последняя запись о перемещении относится к уже известно-

му о. Иоанну Беляеву и дальнейший просмотр епархиальных ведомостей можно не проводить. Далее поиск повторяет те же шаги несколько раз, пока не доберемся до середины самой ранней сохранной клировой ведомости.

Для Трехсвятского о. Иоанн Беляев начал служить в 1895 году. Ближайшая доступная клировая ведомость относится к 1885 году [6], и в ней записан о. Николай Лоренца, поставленный к настоящему месту 8 декабря 1885 года. Епархиальные ведомости добавляют в № 10 за 1895 год, что «Перемещены священники сел: Трехсвятского, Малоярославецкого уезда Николай Лоренцо и села Быстрого, Мосальского уезда Иоанн Беляев, согласно прошению один на место другого, 20 мая 1895 года», и эта запись показывает момент передачи служения от о. Николая к о. Иоанну, уже известным по клировым ведомостям.

Следующая доступная клировая ведомость — за 1862 год [5], и в ней записан о. Афанасий Гаврилович Страхов, переведенный к Трехсвятской церкви 29.06.1850. Разрыв же между 1862 и 1885 годом за неимением клировых приходится полностью заполнять по епархиальным ведомостям, в которых имеются следующие записи:

«Зачислен на вакансию настоятеля в Трехсвятско-Федоровском приходе сверхштатный священник с. Федоровского Александр Преображенский», — в № 18 от 30.09.1876.

«Исключаются из списков умершие: священники: ...села Трехсвятского Афанасий Страхов», — в № 1 за 1877 год.

«Определены: 2) На вакансию помощника настоятеля: в Трехсвятско-Федоровском приходе, сельский учитель, окончивший курс семинарии Алексей Кудрявцев — февраля 19», — в № 5/6 за 1882 год.

«Перемещены: а) помощник настоятеля священник села Трехсвятского, Малоярославецкого уезда, Алексей Кудрявцев на настоятельскую вакансию в село Сакулино Мещовского уезда — марта 29», — в № 9 за 1883 год.

В №№ 10, 11 и 12 обозначено в разделе объявлений праздное место священника.

«Определены: а) на священнические места: в село Трехсвятское, Малоярославецкого уезда, псаломщик в сане диакона села Закрутого, Жиздринского уезда, Феодор Троицкий — 11 июля», — в № 16 за 1883 год.

«Исключаются из списков в) помощник настоятеля священник села Трехсвятского, Малоярославецкого уезда, Федор Троицкий умерший 5 Июля», — в № 14 за 1884 год.

«Определен на священническое место в село Трехсвятское, Малоярославецкого уезда, студент Калужской духовной семинарии Иван Безсонов — 30 июля», — в № 15 за 1884 год.

«Рукоположен в сан священника в село Трехсвятское, Малоярославецкого уезда, окончивший курс семинарских наук Николай Лоренцо — 8 декабря», — в № 1 за 1886 год.

Следующая итерация первого этапа поиска по клировым ведомостям и епархиальным ведомостям — последняя, т. к. ранее 1862 года не выходили Калужские епархиальные ведомости, а самая ранняя клировая ведомость Трехсвятской церкви датирована 1848 годом [2]. Про священника в этом документе написано: «...священник Филипп Никифорович Чупуров 68 лет, переведенный на настоящее место в июле 1803 года» и обозначено, что о. Филипп приходится двоюродным братом дьякону Петру Алексеевичу.

Для удобства восприятия итоги пяти итераций первого этапа восстановления синодика сведены в таблицу. Заключенный в скобки год 1848 означает, что мы не знаем даты окончания служения о. Филиппа, но на указанный год он еще служил:

Священники церкви Трех мучеников села Трехсвятского

Филипп Никифорович Чупуров	1780 г. р. Священ- нический сын. Жена Наталья Гри- горьевна 1781 г. р.	07.1803	(1848)
Афанасий Гаврилович Страхов	1822 г. р. Дьяков- ский сын. Жена Александра Николаевна 1830 г. р.	29.06.1850	08.1876
Александр Преображен- ский	Наст. Трехсвятско- Федоровского при- хода.	09.1876	
Алексей Ку- дрявцев	Переведен в с. Саку- лино Мещовского у.	19.02.1882	29.03.1883
Место праздно		29.03.1883	11.07.1883
Федор Троиц- кий	жена Александра Ивановна	11.07.1883	Умер 5.07.1884
Иван Безсо- нов		30.07.1884	
Николай Ло- ренца	1861 г.р. Сын свя- щенника Ковенской губ. Жена Варвара Сер- геевна 1866 г. р. Переведен в с. Бы- строе Мосальского у.	8.12.1885	20.05.1895
Иоанн Иоан- нович Беляев	1865 г. р. Сын Мало- яроsl. священника; на 1900 г. — вдов. Переведен к церкви села Упрямова Ме- щовского уезда	20.05.1895	17.01.1904

Тарасий Никольский	Был дьяконом Боровского Благовещ. собора; переведен в с. Воскресенское Калужского у.	8.02.1904	16.11.1904
Иоанн Сергеевич Лихачев	1779 г. р. Жена Анна Михайловна 1885 г. р.	24.11.1904	1929

Оставшиеся открытые вопросы по итогам первого этапа:

1. Служил ли о. Филипп Чупуров до июня 1850 года, или между ним и о. Афанасием был еще один священник?

2. Кто служил в церкви до о. Филиппа?

3) Третий этап исследования опирается на ревизские сказки священно- и церковнослужителей. Ревизские сказки начиная с 3-й 1763 года по 10-ю 1858 года имеют идентичное содержательное наполнение: описывается состав семей на предыдущую ревизию и обозначаются причины и сроки выбытия тех, кого уже нет, и записи о прибытии тех, кого в прошлый раз не было, а на нынешнюю ревизию налицо.

Для дальнейшего исследования требуется изучить сказки, год составления которых вместе с предшествующей включают в себя период времени, в котором остались открытые вопросы.

В примере села Трехсвятского вопрос о священнике с 1848 по 1850 гг. может быть закрыт сказкой № 9 за 1850-й год, которая в себе содержит запись о том, кто состоял на священническом месте на 1834 год и почему выбыл.

Ревизии № 7 за 1816 и № 8 за 1834 годы вряд ли содержат значимую для целей исследования информацию. В № 6 за 1811 год в разделе «налицо» священником записан уже известный о. Филипп. Раздел же о выбытии покажет, кто был записан священником в ревизии № 5 на 1795 год, почему и когда выбыл. При этом ревизия 1811 года краткая и перечисляет только

мужчин, поэтому сказка за 1795 год также может представлять интерес.

Для завершения исследования в ГАКО направлен запрос на предоставления копий ревизий ЦСС № 5, № 6 и № 9, по получении ответов на который все имена священников, служивших в Трехмученической церкви, будут восстановлены и возвращены в синодик храма на вечное поминовение.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Прот. Давыденков О.* Догматическое Богословие, М., 2017, стр. 561.
2. Государственный архив Калужской области (ГАКО) Ф. 33. Оп. 2. Д. 1090. Л. 54–57. 1848 год.
3. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 1350. Л. 159–163. 1900 год.
4. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 2353. Л. 2–8. 1916 год.
5. ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Д. 543. Л. 20–24. 1862 год.
6. ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Д. 1525. Л. 119–122. 1885 год.
7. Калужские епархиальные ведомости. Калуга. 1862–1907. Электронный ресурс. URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/4714/>
8. *Спичак А. В.* Эволюция оформления клировых ведомостей в Тобольской епархии в XVIII — начале XX веков / А. В. Спичак // Научный диалог. — 2015. — № 12 (48). — С. 328–338.
9. Это место. Электронный ресурс. URL: <http://www.etomesto.ru/>

УДК 908

Фридгельм Н. Ф.

заслуженный работник культуры Калужской области,
директор издательства «Фридгельм»
e-mail: efridgelm@gmail.ru

Friedhelm N. F.

Honored Worker of Culture of the Kaluga Region
Director of the publishing house «Friedhelm»
e-mail: efridgelm@gmail.ru

**О ЗАХОРОНЕНИИ В НЕКРОПОЛЕ КАЛУЖСКОГО
СВЯТО-ЛАВРЕНТЬЕВА МОНАСТЫРЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
РОДА ДВОРЯН БАХМЕТЕВЫХ, ПОТОМКОВ П. Р. НИКИТИНА**
(Доклад на VI Свято-Лаврентьевских чтениях, 28 декабря 2019)

**ABOUT THE BURIAL IN THE NECROPOLIS OF THE KALUGA ST.
LAWRENCE MONASTERY OF REPRESENTATIVES OF THE FAMILY
OF NOBLEMEN BAKHMETEV, DESCENDANTS OF P. R. NIKITIN**
(Report at the VI St. Lawrence Readings, December 28, 2019)

Аннотация. В данной публикации на основе архивных данных и формулярных списков проводится исследование семейной истории рода Бахметевых, происходящих от П. Р. Никитина.

Abstract. In this publication, on the basis of archival data and form lists, a study of the family history of the Bakhmetev family, originating from P. R. Nikitin, is carried out.

Ключевые слова: краеведение, Калуга, Свято-Лаврентьев монастырь, монастырский некрополь, дворянский род Бахметевых.

Key words: local history, Kaluga, St. Lawrence Monastery, monastery necropolis, the noble family of the Bakhmetevs.

Архивные документы открыли нам имена родственников и свойственников коллежского советника¹ Петра Романовича Никитина только после его смерти 2 августа 1784 года [9, л. 483; 16; 18; 10; 20, с. 67; 23, с. 187]. 7 августа 1784 года, через 4 дня после похорон в Лаврентьеве монастыре, его вдова и младшая дочь Елизавета в Калужской палате гражданского суда решали вопрос о получении жалования умершего (с 1 мая по день смерти 2 августа 1784 года). И получили (за вычетом на госпиталь 187 р. 68 к. с четвертью) 151 р. 66 к. с половиною. Из чего мы можем заключить, что П. Р. Никитин летом 1784 года был смертельно болен.

Выдержки из документов: 1784 года августа 7-го «...Слушали доношение вдовы коллежской советницы Пелагеи Сергеевой и дочери ее Елисаветы Петровой... о выдаче заслуженного первой — мужем, а последней — отцом, находящимся в здешней гражданской палате Советником Петром Никитиным по день смерти его, то есть сего года с мая по 1 августа по 2-е число жалования, что причитается, а получить в 3-й губ. Казначей Экспедиции... показано; означенному бывшему в здешней Гражданской палате Советнику Никитину дача денежного жалования состоялась сего года мая по 1 число, а с онаго мая 1 по день смерти его сего августа по 2-е число выдачи ему не было; коего... к выдаче сто пятьдесят один рубль шездесят шесть копеек с половиною, да по предложению Его Высокопревосходительства Господина Михайлы Никитича производилось ему Никитину из положенного на архитектора жалования половинное число, из коего к выдаче следует и тридцати семи рублей девяносто одна копейка с половиною и всего за вычетом на госпиталь 187 р. 68 к. с четвертью.

¹ 25 июля 1783 года П. Р. Никитин был пожалован чином коллежского советника [2, л. 170]. Журналы калужской палаты гражданского суда по рассмотрению дел о совершении купчих крепостей, закладных и раздельных актов на имения разных лиц за 1783 год. О займе денег П. Р. Никитиным в калужской казенной палате, о назначении П. Р. Никитина коллежским советником.

Вследствие Указа Правительствующего Сената [1]742 года июня 22 дня умершему Советнику Никитину жалованья четвертую часть жене его вдове Пелагее, а три части дочери Его Елисавете...»².

«1784 года августа 7-го дня по Указу Ея Императорского Величества Калужского Наместничества Казенная Палата слушала представленные сей палате от 3-й Экспедиции доношение поданного Калужской гражданской палаты Советника Петра Романова сына Никитина от жены его вдовы Пелогей Сергеевой дочери, и дочери Ево Елисаветы и учиненной во оной Экспедиции Справку и коим доношением означенная Советница Никитина просит о выдаче Ей заслуженного мужем ее бывшим гражданской палаты Советником после смерти его сего августа по 2-е число жалованья; а в справке значить означенному бывшему в здешней гражданской палате Советнику Никитину дача денежному жалованью кончила с сего года мая по 1 число...

А дачи ему не было, коего из положенного по штату шестисот рублевого оклада причитается к выдаче жалованья сто пятьдесят один руб. 66 к. с полов...»³.

Через пять с лишним лет в 1790 году происходил раздел движимого и недвижимого имения Никитиных. Из этого дела мы

² [7, л. 702–702 об.] Журналы и протоколы калужской казенной палаты за 1784 год прошение о выдаче наследникам советника палаты гражданского суда П. Р. Никитина жалованья после его смерти.

Щербачев Николай Федорович (ок. 1765–9.08.1832). Подпоручик (1781). Депутат Калужского дворянства от Козельского уезда (1785–1787), заседатель Козельского Верхнего Земского суда (1788–1797). Коллежский ассессор, Козельский предводитель дворянства (1798–1801, 1804–1815). Имение: Козельского уезда, сц. Верхние Прыски. Похоронен в Оптиной пустыни.

1-я жена. Елизавета Петровна НИКИТИНА (ум. 25.12.1822), похоронена в Оптиной пустыни. Дочь архитектора П. Р. Никитина.

2-я жена. Мария Яковлевна ПОЗНЯКОВА (не позднее 1825).

³ [7, л. 712]. Журналы и протоколы калужской казенной палаты за 1784 год, о справке из строительной экспедиции о выдаче жалования наследникам советника П. Р. Никитина после его смерти.

узнаем имена всех наследников Петра Романовича Никитина — жены и трех замужних дочерей.

«1790-го года февраля 19-го дня (вторник). Калужского наместничества в палату гражданского суда в присутствии прибыли: советник Фонштег, ассессор Курендович...

3-е. Коллежской советницы вдовы Пелагеи Сергеевой Никитиной и дочери ее коллежского ассессора Александра Сергеева сына Бахметева жены Катерины; артиллерии капитана Александра Аникеева сына Салькова жены Натальи; подпоручика Николая Федорова сына Щербачева жены Елисаветы Петровых по отце Никитиных; о допросе их про раздел между ими движимого и недвижимого имения, состоящего в наместничествах Рязанском и Тамбовском, в разных округах и селениях, а что кому по тому разделу досталось, это его значит в том разделе прошении: просят в подтверждение сего их раздела на основании законов их за болезнью — доме подпоручика Николая Щербачева, в котором она все находятся допросить и по допросу по ведомству тех имений куда следует о сем разделе для утверждения за них сделать предписание. Оное прошение по доверенности их подано артиллерии капитаном Сальковым.

Приказали оное прошение записав отдать в повытье, а показанной просительнице про означенный раздел в подтверждение сего прошения по силе 7098 года апреля 2 числа указа за болезнью в квартире при свидетелях допросить, для чего и отправиться господину ассессору Курендовичу. О чем ему объявить, а потом списать с онаго прошения копии и с показанием учиненного допроса по ведомству имениев к поступлению по законам отослать в Рязанскую и Тамбовскую гражданские палаты при сообщениях взять с посылки тех сообщений печатные пошлины и за печати восковые по законам, кои и записать в приход» [4, л. 51 об., 52].

Петр Романович Никитин как дворянин и советник Калужской палаты гражданского суда [1, л. 100. 1780], неустанно трудившийся с 1776 по 1784 год над строительством Калуги и уездных городов по созданным им же регулярным планам, был похоронен в Калужском Лаврентьевом монастыре. В метриче-

ской книге калужской Михайло-Архангельской церкви за 1784 год находится такая запись под № 12 за август месяц: «Умре по христианской должности в покаянии 2 числа Калужского наместничества гражданской палаты советник Петр Романович Никитин от лихорадки, коему от роду было 64 года, и погребен 4 числа в Калужском Лаврентьевом монастыре» [9, л. 483; 16, с. 20; 3, л. 28 об.; 11, с. 22].

В его послужном списке за 1781 год записано: «Женат на дворянской дочери Наталье (надо Пелагеи. — В. Ф.) Сергеевне по отце Межениновой. Дочери Наталья да Елизавета» [1, л. 100. 1780].

Более ранние архивные сведения, обнаруженные О. В. Щербачевым в исповедных ведомостях московской церкви Илии Пророка на Тверской за 1755 год, в приходе которой находился дом дяди Петра Романовича Никитина и где он проживал со своей семьей после ссылки, дают нам возможность узнать некоторые подробности о его детях.

«№ 7. Кап.-пор. от архитектуры Петр (Романович. — О. Щ.) 27 [лет].

Ж.: Пелагея Сергеевна 21.

Д.: Сергей 2.

Екатерина 1» [13, л. 367 об.; 22, с. 318–320, 330–331].

Старшая его дочь Екатерина Петровна Бахметева (урожденная Никитина) упоминается в 1755 году. В исповедных ведомостях в 1755 году записан ее возраст — один год [22, с. 318–320, 330–331]. У «капитан-поручика от архитектуры Петра Никитина» и его жены Пелагеи Сергеевны на тот период было два ребенка: Сергей двух лет (умер в детстве?) и годовалая Екатерина. Средняя дочь Наталья и младшая Елизавета появились на свет позже. Предположим, что Екатерина родилась в 1754 году.

Муж Екатерины Петровны Александр Сергеевич Бахметев, «из дворян Елецкой губернии» [1, л. 100 об. — 101; 25, л. 100 об. — 101, 149], прошел военную службу, зафиксированную в формулярном списке. В 1776 году после отставки в звании капитана (ему ок. 25 лет) определился в Тверскую межевую

контору экзекутором. Там уже 15-й год П. Р. Никитин работал архитектором по восстановлению Твери после пожара.

24 августа 1776 года тверской губернатор (с ноября 1775 г.) Михаил Никитич Кречетников был назначен генерал-губернатором в Калужское наместничество [24, с. 59–60]. Он предложил архитектору Твери Никитину вместе с ним преобразовать хаотично застроенную Калугу по регулярному плану. Тот должен был с группой землемеров сделать то же, что уже было образцово выполнено им в Тверской губернии, т. е. создать регулярный план Калуги и 12-ти уездных городов. П. Р. Никитин с 26 октября 1776 года был «определен» [1, л. 4, 58, 62 об. — 63, 100] на службу в Калугу.

В 1777 году Александр Сергеевич Бахметев был «переведен в Калужское наместничество уездным землемером» [1, л. 100 об. — 101; 25, л. 100 об. — 101, 149]. Возможно, он приехал в Калугу из Твери, уже являясь женихом или уже родственником Никитиных. В его формулярном списке за 1781 год записана жена Екатерина Петровна и дочь Елизавета.

Из формулярного списка 1781 года: «Ассессор Александр Сергеев сын Бахметев, 29 л., из дворян 14 Елецкой губ., [имение] в Тверском уезде в дер. Шутовой — 50 душ.

Женат на дворянской дочери Катерине по отце Петровне Никитиной, детей имеет... дочери ...Елизавету.

6 ноября 762 — во Володимирский пехотный полк определен сержантом.

765 — в сухопутный кадетский корпус — кадетом.

18 января 770 — в Тобольский пехотный полк — выпущен прапорщиком.

772 — подпоручик.

774 — поручиком.

10 февраля 775 — отставлен капитаном.

776 — определен из отставки в Межевую экспедицию в Тверскую межевую кантору экзекутором.

777 — переведен в Калужское наместничество уездным землемером.

18 декабря 780 — по Указу Правительствующего Сената определен в [Калужскую] гражданскую палату ассессором».

Из формулярного списка 1792 года: «...Александр Сергеев сын Бахметев, 41 г., из дворян поместье в Шешнеевском у. в с. Спасском — 50 душ⁴.

[1]776 — определен из отставки в Межевую экспедицию в Тверскую межевую кантору экзекутором.

[1]777 — переведен в Калужское наместничество уездным землемером.

18 декабря [1]780 — в сию [Калужскую гражданскую] палату ассессором.

7 января [1]782 — произведен коллежским ассессором.

[1]782 — губернским стряпчим.

31 марта [1]783 — в Калужский губернский магистрат председателем.

[1]791 — в сию [Калужскую гражданскую] палату Советником.

Женат на дворянской дочери Катерине Петровой Никитиной. Детей мужеска полу не имеет».

В родословной схеме у Александра Сергеевича Бахметева (ок. 1751+?) и его жены Екатерины Петровны [ок. 1754 + ок. 1837] показаны дети: Варвара (ум.), Юрий (ум.), Елисавета [р. ок. 1780], София [ок. 1801+7.01.1851] и Ольга.

7 января 1851 года в Москве скончалась девица София Александровна Бахметева «от расстройства нерв. 50 лет». Ее сестры просили Калужский уездный суд решить вопрос о наследстве: «Проят из дворян девицы Елизавета и Ольга Александровны Бахметевы.

⁴ [25, Л. 100 об. — 101, 149]. Дворяне Бахметевы являлись землевладельцами Калужской губернии в Малоярославецком, Тарусском и Козельском уездах с давних времен. В Нижних Прысках, имении Гаврилы Петровича Бахметева, родственника Александра Сергеевича, на средства землевладельца Ртищева (отца Александры Николаевны Бахметевой (урод. Ртищевой + 26.03.1777) в 1781 году был освящен каменный храм Преображения Господня. Возможно, проект этого храма предложил П. Р. Никитин, дочь которого Екатерина была замужем за родственником землевладельца Г. П. Бахметева [12, с. 22–24; 19 (запись в описи 42)].

Родная сестра наша из дворян девица Софья Александровна Бахметева 1851 г. Января 7 дня волею Божию умерла и похоронена в Лаврентьевом монастыре, погребение же совершал приходской священник Николоборовицкой церкви в Москве.

После вышеозначенной сестры нашей остался капитал, хранящийся в Сохранной Казне Московского Опекунского Совета. Всего 200 руб. серебром с узакон. процентом»⁵.

Раз дочь А. С. Бахметева была похоронена в Лаврентьеве монастыре [12, с. 22–24; 19 (запись в описи 42)], значит, можно предположить, что там похоронены и ее родители. Пока не найдены сведения, когда умерли Александр Сергеевич и Екатерина Петровна Бахметевы, но в поэтическом сочинении архимандрита Арсения Зерченинова [6; 14, с. 146–150; 15, с. 17], записанном в 1837 году, мы находим в сноске фамилию «председателя Бахметьева». А ведь А. С. Бахметев по формулярному списку с 31 марта 1783 года по 1791 год служил председателем Калужского губернского магистрата и позже советником в Калужской палате гражданского суда⁶.

Так может быть это о нем сказано:

«...Это мутное вселенье
Есть вселение того,
Кой жил в царственном владенье
Края, где от одного
До другого было стадий
С лишком больше сотен трех
Вместо девяти с чем пядей
Что осталось из утех,
Коими его лелеял
Мир — и кои ветр развеял.
Всё прошло — прошло как тень
Вихрем древа с истребленьем,

⁵ [8, л. 1855–1856]. Дело калужского уездного суда о имуществе, оставшемся после смерти г. Бахметевой. Начало 25 июня 1855 г., решено 30 апреля 1856 г.

⁶ Из формулярного списка 1792 г. [1, л. 149].

Как всё грезы с пробуждением,
Как последний жизни день.
Здесь покоится с женою
Бывший в жизнь бесед душою
Утешенье скорбных душ —
И в совете старший муж...»⁷.

В сочинении архимандрита Арсения сказано: «...Здесь покоится с женою...».

Также в деле ГАКО за 1837 год⁸ «статская советница Екатерина Петровна Бахметьева»⁹, домовладелица по адресу в Калуге 2 ч. 3 кв. № 189 и 211 (дом деревянный), числилась умершей.

Возможно, в доме 2 части 3 квартала проживали ее дочери — девицы Елизавета Александровна и Ольга Александровна, когда искали наследство после умершей в Москве сестры девицы Софьи Александровны в 1855–1857 годах. Так как в этом деле отмечено их проживание во 2-й части г. Калуги в собственном доме. В Калуге на регулярном плане появилась улица Бахметьевская, ранее в хаотичном городе не существовавшая [21; 17, с. 155–156].

Если все три дочери Бахметевы — девицы, то, наверное, эта родословная линия прервалась и наследников больше не было. Возможно, что Бахметевы, внучки П. Р. Никитина, всю свою жизнь прожили в Калуге и были похоронены в Калужском Лаврентьеве монастыре.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. ГАКО. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 82. 1779–1781.
2. ГАКО. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 123. 1783.

⁷ «51 Председатель Бахметьев» — это сноска из старинной рукописи периода 1837 года. [6; 15. с. 17].

⁸ [5] Домовладение г. Калуги.

⁹ Часто фамилия дворян Бахметевых ошибочно писалась в документах Бахметьевы.

3. ГАКО. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 180.
4. ГАКО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 381. 1790
5. ГАКО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 204.
6. ГАКО. Ф. 64. Оп. 1. Д. 27.
7. ГАКО. Ф. 86. Оп. 1. Ед. хр. 98. 1784.
8. ГАКО. Ф. 440. Оп. 1. Д. 1112. 1855–1856.
9. ГАКО. Ф. 565. Оп. 2. Ед. хр. 9.
10. Деятельность русского зодчего П. Р. Никитина в Калужском наместничестве по документам ГАКО. 7-я городская краеведческая конференция. Калуга, 8–10 октября 2008 // «Калуга в шести веках». Материалы 7-й городской краеведческой конференции (2008). Калуга, 2009.
11. *Днепровский А. С., Фридгельм В. Н.* Строитель Твери и Калуги // Московский журнал. № 10. 2004.
12. *Добычина М. А., Иванов В. А.* Представительная власть Калужского региона. История и современность в лицах. 1785–2015. Калуга, 2013.
13. Запись № 41. Церковь Илии пророка на Тверской. ЦИАМ, ф. 203, оп. 747, д. 221.
14. *Зиновкина Н. В.* К вопросу об авторстве «Взгляда на Лаврентиев монастырь» // «Калуга в шести веках». Материалы 11-й городской краеведческой конференции (2016). Калуга, 2017.
15. *Зиновкина Н. В.* Сочинение «Взгляда на Лаврентиев монастырь» // Лаврентьев монастырь. История и современность. Юбилейный сборник V Свято-Лаврентьевских краеведческих чтений. Калуга, 2017. Т. 3. Калуга, 2019.
16. Калужский Березуй // Сост. В. Н. Фридгельм. Калуга, 2004.
17. *Метальникова Е.* Из прошлого в будущее. Страницы истории храма Рождества Богородицы (Никитского) в Калуге. Калуга, 2015.
18. Послужной список русского зодчего Петра Романовича Никитина. Конференция, посвященная 230-летию Тульского наместничества. Тула, 2–3 ноября 2007.
19. РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 21.
20. Рукопись «Драгоценная память...» — источник материала

лов о строительстве Калуги по регулярному плану, подтвержденному императрицей Екатериной II. Мансуровские чтения. Ясная поляна. Сентябрь 2014. Тула, Ясная поляна, 2016.

21. Рукопись 1791 года. Подг. А. В. Лионом, Ю. Н. Фетисовой. Калуга, 2000.

22. Русский биографический словарь. Изд. Императорским Русским Историческим обществом. Санкт-Петербург: тип. Гл. упр. уделов, 1914 [2]. Т. 11.

23. Упоминания в рукописи XVIII века «Драгоценная память...» о погребенных в некрополе Лаврентьевого монастыря // Лаврентьев монастырь. История и современность. Материалы I и II Свято-Лаврентьевских краеведческих чтений (2013, 2014). Т. 1. Калуга, 2015.

24. Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. Книга четвертая. М., 1863.

25. Формулярные списки Калужской палаты гражданского суда.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ В БОГОСЛОВСКО-ИСТОРИЧЕСКОМ СБОРНИКЕ

Общие требования к публикациям

В начале статьи с выравниванием по центру на *русском языке* указываются с красной строки:

- Номер по Универсальной десятичной классификации (УДК)
- Название статьи (строчными буквами)
- Инициалы и фамилия автора
- Название организации, в которой выполнялась работа (первого автора)
- Краткая аннотация (300–500 печатных знаков)
- Ключевые слова (3–5).

Далее через два пробела в той же последовательности информация приводится на английском языке.

Статья должна содержать:

- краткое введение
- цель исследования
- материалы и методы исследования
- результаты исследования и их обсуждение
- выводы
- заключение
- список литературы на русском языке, а также список литературы на латинице.

Сам текст должен начинаться с вводной части в проблему исследования, включающей в себя обзор существующих работ по этой теме. Затем определяются направления научных исследований, формулируются гипотезы, анализируются результаты, делаются практические выводы и их практическая применимость.

В процессе написания статьи следует внимательно относиться как к цитированию чужих работ, так и к библиографическому списку, помещенному в конце статьи. Этот список не должен быть очень большим (желательно не более 15 источников), и в нем должны быть указаны только те работы, на которые есть ссылки в тексте.

Дополнительные требования

Текстовый редактор	Microsoft Word
Поля	верхнее и нижнее – 2 см, левое – 2 см, правое – 2 см
Основной шрифт	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пунктов
Межстрочный интервал	полуторный
Выравнивание текста	по ширине
Абзацный отступ (красная строка)	1,25 см
Нумерация страниц	не ведется
Рисунки	внедрены в текст. Каждый рисунок должен иметь подпись (под рисунком)
Ссылки на литературу	в квадратных скобках и с указанием страницы (для печатных изданий) [1, с. 2] в соответствии с пристатейным списком литературы, который составляется в алфавитном порядке
Объем	минимум 5 страниц
Оформление списка литературы	ГОСТ Р 7.05-2008

ББК 86.372

УДК 271.2

Б 746

По благословению
Высокопреосвященнейшего Климента
митрополита Калужского и Боровского

БОГОСЛОВСКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Компьютерная верстка Крупина М. В.
Корректор Шаибова Т. К.

Религиозная организация – духовная образовательная организация
высшего образования «Калужская духовная семинария
Калужской Епархии Русской Православной Церкви»

Подписано в печать 25.05.2021
Формат 60*90/16 Тираж 500 экз.

Адрес редакции:
248000
город Калуга, Набережная, дом 4
Калужская духовная семинария
Калужской Епархии РПЦ

© Калужская духовная семинария
© Калужское епархиальное управление